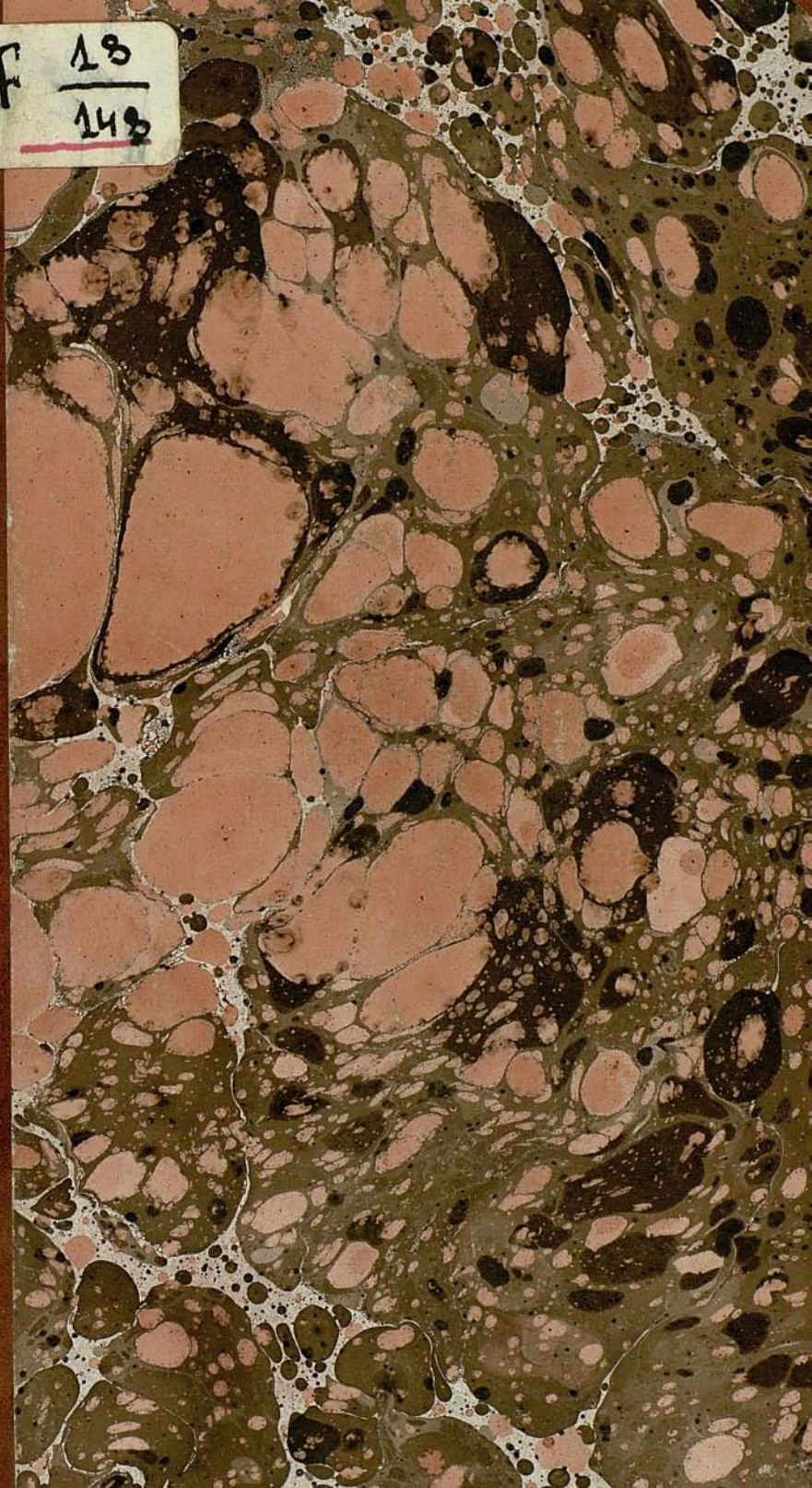

F 18
148

F 18
148

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЧЕРНОГОРІЮ.

MYSTERY

REPTILES

IN THE

OFFICE

Т. 18
148

901-21
8524

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЧЕРНОГОРІЮ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПОПОВА.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

—
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Мая 1-го дня 1846.

Ценсоръ А. Никитенко.

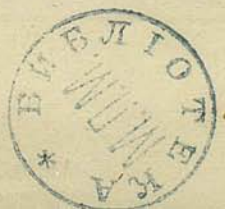

2007056694

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ недавняго времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю Западную Европу. Его появленіе и образъ участія въ немъ совершенно отличны отъ всѣхъ другихъ вопросовъ, нѣкогда волновавшихъ и теперь волнующихъ Западъ. Описывая одно изъ славянскихъ племенъ, считаю нужнымъ, сколько возможно, опредѣлить свое отношеніе къ этому вопросу. Русскій, какъ Славянинъ, не можетъ и не долженъ отказаться отъ всякаго въ немъ участія, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ проснулся одновременно не у однихъ чуждыхъ намъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у самихъ Славянъ. Волею или неволею, дѣятельно или страдательно, самое время, самый смыслъ вопроса заставляетъ насъ въ немъ участвовать. Это вопросъ Европы, къ которой принадлежимъ и мы, это вопросъ нашъ.

Еще недавно занималъ Европу вопросъ о Востокѣ. Толпы путешественниковъ по всѣмъ концамъ объѣзжали Восточную Азію и каждый

привозилъ новыя свѣденія, новыя данныя для науки. Съ ревностію устремлялось на нихъ ученое изслѣдованіе, трудолюбиво и прилѣжно разрабатывали факты; развилась и прояснилась исторія Востока, стали извѣстны памятники его искусства и науки, на широкихъ, новыхъ и болѣе прочныхъ размѣрахъ создавалась наука филологіи. Потомъ уже задумали ученые изречь свой приговоръ Востоку, погадать объ его значеніи, во всемірной исторіи.

Не такъ занимаетъ Европу вопросъ о Славянахъ. Весьма немногіе изъ ученыхъ безпристрастновзялись за разработку фактовъ; это дѣло предприняли сами Славяне. Западные писатели только судятъ о Славянахъ; безъ труда и часто безъ занятія дѣла, они изрѣкаютъ имъ историческій приговоръ, прежде нежели изрѣкла его сама Исторія. При самомъ появленіи вопроса образовались партіи и возникли споры, прежде нежели сталъ извѣстнымъ самый предметъ спора.

Отъ чего же вопросъ о Славянахъ принялъ такой характеръ и при самомъ появленіи, иначе занялъ всю думающую и дѣйствующую Европу? Такой оборотъ дѣла зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ силы самаго вопроса, который не можетъ быть единственно вопросомъ науки,

но составляет вопросъ самой жизни и того направления, которое въ новое время начинаетъ принимать сама наука.

Славяне еще не отжили, какъ Востокъ, но живутъ и будутъ жить. Они, старожили Европы, широко раздвинувъ свои общины по большей части Европейскаго материка, въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческихъ, менѣе всего были слышны въ шумномъ говорѣ Европейской исторіи. Они безмолствовали долго и вся ихъ дѣятельность въ отношеніи къ другой части Европы была чисто отрицательная; изрѣдка они отвѣчали на вопросы, не ими предложенные исторіи. Какая же тому причина? — Каждый народъ въ той мѣрѣ отвѣчаетъ на общіе, человѣческіе вопросы, въ какой онъ самъ по себѣ, своимъ существованіемъ уже служитъ отвѣтомъ на такой вопросъ. Точно такъ, какъ въ ходѣ мысли есть свое неизмѣнное преемство и одна мысль необходимо условливаетъ въ слѣдъ за собою появленіе другой; такъ есть оно и въ общемъ ходѣ человѣческаго просвѣщенія, въ общей жизни народовъ. Каждый народъ, предназначенный дѣйствовать исторически, выступаетъ на поприще только тогда, когда настанетъ время высказаться, развиться и овладѣть человѣческимъ со-

знаніемъ той мысли, которую онъ несознательно хранилъ въ своемъ непосредственномъ бытіи. До тѣхъ поръ онъ участвуетъ въ исторической жизни только отрицательно, полагая предѣлъ развитію мысли другаго народа, его предшественника, вноситъ противорѣчіе въ общую жизнь и тѣмъ возбуждаетъ быстроту ея движенія до той границы, въ слѣдъ за которой уже ему предназначено жить, дѣйствовать и мыслить.

Если не прежде, то по крайней мѣрѣ одновременно съ германскими племенами, появились въ Европѣ и племена славянскія; но у нихъ прежде развилась жизнь общественная, они прежде сдѣлались оскѣлыми, торговыми, земледѣльцами и градостроителями. Но общественность Славянъ, основанная по преимуществу на понятіи объ общинѣ, противоположная характеру германцевъ, развившему значеніе человеческой личности, была ими разрушена на Западѣ Европы и на ея развалинахъ создавалась новая общественность подъ вліяніемъ римскимъ. Начала общественной жизни древняго Рима, созданныя на отвлеченномъ понятіи о гражданинѣ и на условныхъ юридическихъ отношеніяхъ гражданъ между собою, были равно противоположны и германской личности и славянской общинѣ.

Съ мечемъ въ рукахъ проникнувъ къ племенамъ германскимъ, они не долго бы уцѣляли и совершенно бы исчезли, послѣ паденія римской силы, какъ старыя формы, лишенныя содержанія, если бы латинская церковь не приняла ихъ, не освѣтила и не наполнила новымъ содержаніемъ. Мѣсто понятія о Римскомъ Государствѣ, символически выразившемся въ лицѣ Императора, заступилъ Папа и понятіе о латинской Церкви. Мѣсто римскаго гражданина, въ котораго были только варвары, заступило понятіе о римскомъ католикѣ, въ котораго были христіане или язычники, по равно лишенные спасенія. Мѣсто отношеній юридическихъ, заступило отношеніе къ церковной власти, значеніе авторитета, по понятіямъ латинской Церкви. Только латинская Церковь дала возможность личности германца, вмѣститься въ строгихъ формахъ римской общественности, примирить на время двѣ непримиряемыя противоположности. Но это противорѣчіе, допущенное въ началѣ, должно была разрешиться и разрешилось въ послѣдствіи.

Если обратимъ вниманіе на состояніе европейскаго общества, развившагося подъ вліяніемъ латинской Церкви, то замѣтимъ, что она, признавая германскія начала, давала имъ второсте-

пенное мѣсто въ общественной жизни и личность германца употреблена только, какъ простое орудіе. Неукротимый воинъ языческій германецъ, разрушившій Римскую Имперію, остался тѣмъ же воиномъ и послѣ принятія христіанства, но только поборникомъ латинской Церкви. Съ мечемъ въ рукѣ онъ понесъ Христіанскую проповѣдь, ученіе міра въ земли Славянскія. Въ понятіяхъ Рима и предъ мечемъ германца языческій Вендъ и Восточный Христіанинъ Чехъ, были равны. Они дѣйствовали противъ нихъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ. Этого военный характеръ отразился и въ бытѣ германскомъ, которое создалось на дружинномъ началѣ. Въ дружинѣ общественная связь не основана, ни на племенномъ единствѣ, въ которомъ равно исчезаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываются отдѣльныя лица, ни на единствѣ поземельномъ (территоріальномъ); но на случайномъ, военномъ соотношеніи одного лица съ другими. Произошло устройство феодальное, освободившее немногія лица и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ поработившее многихъ. Рабство и произволъ, какъ противоположности взаимно условливающія другъ друга, въ обществѣ основаннымъ на внѣшней силѣ, происходятъ въ одно и то же время и составляютъ

то глубокое противорѣчіе, котораго постепенное разрѣшеніе представляетъ вся исторія общественной жизни Европы. Уже самъ феодализмъ былъ протестомъ противу латинской церкви, но въ то же время онъ еще не вполне выражалъ германскія начала. Освобожденіе немногихъ лицъ еще высказывало вполне основной мысли германскаго племени, о полномъ развитіи личности. Былъ сдѣланъ первый шагъ, но условливавшій дальнѣйшій ходъ, который однако же долженъ былъ совершаться постепенно, ибо все тяготѣли еще римскія узы. Началось постепенное освобожденіе, не цѣлыхъ племенъ и народовъ, но отдѣльныхъ лицъ, которыхъ взаимныя отношенія условливались случайными обстоятельствами. Развилось понятіе о сословіяхъ, основанныхъ на томъ же дружинномъ началѣ и рядъ сословій изчерпалъ все содержаніе народа. Хотя народъ этимъ и не былъ уничтоженъ, но за то лишенъ живаго единства. Тогда наконецъ, и это въ наше время, пробудилась мысль о народѣ, о новыхъ общественныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на болѣе прочныхъ началахъ, нежели случайный, яспо выраженный или подразумеваемый, договоръ. Окончательное развитіе личности привело къ требованіямъ началъ об-

щественныхъ, не заключающихся въ области этой личности.

Рядомъ съ борьбою лица, съ началами общественной жизни, внесенными Римомъ въ исторію новаго просвѣщенія, длилась другая борьба личнаго разума съ преданіемъ, познанія раціональнаго, доступнаго отдѣльному лицу и имъ оправдываемаго, съ познаніемъ общимъ, независимыхъ отъ лицъ, съ откровеніемъ покоящимся въ нѣдрахъ народа и церкви. Реформація дала побѣду личному познанію, а раціональное, логическое направленіе науки развило его до послѣдней крайности. Тогда наконецъ, и это въ наше время, пробудилось общее недовольство такимъ познаніемъ и обнаружилось требованіе вѣры и общаго знанія, въ которомъ бы перестала блуждать личный разумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдался, войдя въ свои надлежащіе предѣлы. Что же дѣлали въ продолженіе такого развитія личности народы славянскіе?

Въ общественное устройство Германіи они забросили случайныя отрывки понятія объ общинѣ, о поземельныхъ отношеніяхъ, судъ присяжныхъ и т. п., въ лицѣ Гуса подняли знамя освобожденія отъ Римской власти, въ лицѣ Якова Бема, Лейбница и др. вводили общія начала

познанія въ исторію развитія личнаго разума. Но феодальное устройство разрушило начатки славянской общественности, Гусь былъ сожженъ и Лютеръ одержалъ побѣду, отрицательное, логическое познаніе поглотило всю область науки.

Между тѣмъ постоянно длилась война германскихъ племенъ съ Славянами; сначала война религіозная, окончившаяся обращеніемъ западныхъ Славянъ къ латинской Церкви, потомъ война политическая, лишившая Славянъ политической независимости и наконецъ война германской народности съ народностію славянскою, которой цѣль состояла въ томъ, чтобы вполне уничтожить послѣднюю. Побѣда увѣнчала первыя войны германцевъ, но не могла увѣнчать послѣдней. Кромѣ Славянъ западныхъ, были еще другія, которымъ суждено было, не смотря на многочисленныя чуждыя вліянія, на историческія несчастія, сохранить въ большей чистотѣ и свою народность и Христіанство, не искаженное латинскою Церковію. Не смотря однако же на то, что Славяне не были побѣждены въ послѣдней борьбѣ, они потеряли многое. Прибалтійское поморье лишилось своей народности, великое племя Вендовъ, сохранилось только по имени, въ предѣлы другихъ вторглося много пле-

меньъ разнородныхъ, разобщило и лишило ихъ единства. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ вдругъ пробудилось сознаніе своей народности, стремленіе къ сохраненію и развитію еще уцѣлѣвшихъ остатковъ и возвращенію потеряннаго. И это случилось въ то время, какъ Европейское просвѣщеніе, умственное и общественное, коснулось тѣхъ вопросовъ, которымъ не находило разрѣшенія въ области, пройденной имъ жизни и когда сильно распространилась потребность новыхъ началъ. Конечно въ такое время появленіе новой народности, заключавшей въ себѣ новыя начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія. Но тотъ рядъ отношеній, въ которыхъ славянскіе племена въ продолженіи столѣтій находились къ племенамъ германскимъ, еще не заключился; еще также дѣйствуетъ, хотя частнымъ образомъ и религіозная пропаганда западной Церкви, также какъ и прежде Гурокъ и Маджаръ по праву побѣдителя не признають личности въ побѣжденномъ славянинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ развилось уже и народное самосознаніе. Такое положеніе указываетъ на то, что исторія только что

выстроила славянскій вопросъ, но еще не разрѣшила. Потому всякое частное разрѣшеніе вопроса, еще не разрѣшеннаго исторіею, представляется болѣе или менѣе вѣроятнымъ или невѣроятнымъ мнѣніемъ частнаго лица. Не будемъ входить въ подробное изложеніе такихъ мнѣній, всѣ они могутъ быть подведены къ двумъ выраженіямъ. Одни говорятъ: племена славянскія должны наследовать германскимъ, такъ какъ они въ свой чередъ наследовали римскому міру и что теперь настало время славянской народности выступить на поприще исторіи; другіе, и большею частію иностранцы, отказываютъ даже въ возможности Славянамъ имѣть историческое значеніе и поютъ погребальную пѣснь, возражающей народности. Обыкновенно оба эти мнѣнія рассматриваютъ какъ противоположности, между тѣмъ какъ они совершенно независимы другъ отъ друга. Какое то странное чувство страха и мнительнаго самосохраненія произвело мнѣніе втораго рода. Думаютъ, что историческое преемство племенъ совершается не иначе, какъ мечемъ и разрушеніемъ и племя новое, только внѣшнею силою, входитъ въ права историческаго дѣятеля и завоевываетъ то мѣсто, которое занимало прежде племя ему предшествовавшее. Оче-

видно подобное предположеніе не только не заключается въ первомъ мнѣніи, но совершенно ему не соответствуетъ; потому оно не могло быть вызвано имъ какъ противоположность, а условлено дѣйствительнымъ отношеніемъ племень германскихъ къ Славянамъ. Христіанскій міръ уже переживаетъ победы внѣшней силы и время торжествовать началамъ нравственнымъ.

Двѣ причины не позволяютъ Германіи съ должнымъ безпристрастіемъ разсмотрѣть славянскій вопросъ. Во первыхъ сознаніе того угнетенія, которое тяготѣло въ продолженіи многихъ вѣковъ, на западныхъ Славянахъ отъ ихъ сосѣдей Германцевъ; скорѣе угнетенный проститъ угнетателю, чѣмъ угнетатель сознательно допустить возможность угнетенному имѣть равныя права съ нимъ самимъ. Во вторыхъ сознаніе тѣхъ благодѣяній, которыя оказалъ Германіи славянскій міръ въ лицѣ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ она вмѣшалась въ дѣла Европейской политики. Народное тщеславіе не легко помирится съ необходимостію смотрѣть съ чувствомъ благодарности на благотворившую Германіи сосѣднюю державу славянскую. Въ слѣдствіе такихъ причинъ понятію, что славянскій вопросъ доселѣ не былъ понятъ и оцѣненъ германцами. Личность германца

въ дѣлѣ практической жизни, до сихъ поръ не вознесшаяся до общечеловѣческихъ началъ, видѣть въ немъ притязаніе на тѣ права, которыми она владѣла въ исторической жизни Европы.

Франція, которая если не всегда разрѣшаетъ, то, по крайней мѣрѣ, всегда возбуждаетъ вопросы общечеловѣческіе, если не всегда дѣйствуетъ, то, по крайней мѣрѣ, всегда говоритъ въ ихъ пользу, Франція имѣла болѣе средствъ и возможности безпристрастнѣе другихъ взглянуть на этотъ вопросъ. Достаточно упомянуть о сочиненіяхъ Буэ и Сипріана Робера, чтобы понять взглядъ французовъ. Безспорно, въ слѣдствіе особыхъ причинъ, они не могутъ быть довольно безпристрастными къ Россіи, но много и того, что они безпристрастны въ отношеніи къ южнымъ славянамъ.

Если, наконецъ мы обратимъ вниманіе на то, въ какомъ видѣ признанъ и понятъ этотъ вопросъ у насъ, то къ несчастію должны будемъ сознаться, что не многіе поняли всю его важность и значеніе, особливо въ отношеніи къ намъ и еще меньшіе выразили свое сознаніе всеуслышаніе. Большая часть такъ называемаго образованнаго класса равнодушна къ этому вопросу, а многіе изъ пишущихъ прямо враждебны. Безъ сомнѣнія эта вражда не выражаетъ на

роднаго отношенія къ вопросу и представляет не болѣе, какъ случайное явленіе, даже не литературное мнѣніе; ибо и литературное мнѣніе должно быть основано на знаніи дѣла.

Причина общаго равнодушія кажется зависеть отъ того, что мы еще мало знаемъ прошлую исторію и современный бытъ племенъ намъ однородныхъ. А это въ свой чередъ зависитъ отъ того, что мы мало знаемъ и свою прежнюю исторію и современное наше положеніе. Еще не совсѣмъ прошло то время, во все продолженіе котораго, наше вниманіе было постоянно устремлено на все, кромѣ насъ самихъ. Такое самозабвеніе возможно, такое участіе по всему полезно, но нѣтъ причинъ, чтобы изъ его круга исключена была только своя родина. Съ большимъ развитіемъ народнаго самосознанія и вопросъ славянскій болѣе привлечетъ къ себѣ наше вниманіе и болѣе возбудитъ участія. Теперь намъ остается только знакомиться съ современнымъ бытомъ Славянъ и съ прошлою ихъ исторіею. Съ этою цѣлію составлено предлагаемое сочиненіе, изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя удалось автору собрать во время путешествія въ Черногорію въ 1842 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	1— 18

ГЛАВА I.

Пріѣздъ въ Рагузу, дорога отъ Рагузы до Каттаро и оттуда до Цетина, знакомство съ Владыкою Черно- горіи	1— 15
---	-------

ГЛАВА II.

Цетинская долина, географическое описаніе Черногоріи разсказъ о битвахъ въ мѣстахъ около Спужа и Под- горицы и при Морачѣ	16— 42
---	--------

ГЛАВА III.

Народныя пѣсни и письменность въ Черногоріи	43— 68
---	--------

ГЛАВА IV.

Исторія Черногоріи со времени ея отдѣленія отъ Серб- скаго Царства и до Владыки Петра I.	69—122
---	--------

ГЛАВА V.

Юридическій бытъ Черногоріи, очеркъ государствен- наго, уголовного, гражданскаго и семейнаго права .	123—164
---	---------

ГЛАВА VI.

Отѣздъ изъ Цетина. Нахія рѣцкая, Скутарское озеро, разсказъ о битвахъ подъ Жабликомъ, Черница, по- ходы Чегъ и переѣздъ въ Приморье	165—208
---	---------

ГЛАВА VII.

Приморье, суевѣрныя преданія сохранившіеся въ Чер- ногоріи, отѣздъ	209—225
---	---------

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Черногорская пѣсня о битвѣ при Рогаме.	229—241
2. Пѣсня о битвѣ при селѣ Мартыничахъ	242—253
3. Пѣсня о битвѣ при Морачѣ	254—267
4. Пѣсня о битвѣ при селѣ Додоше	268—280
5. Судебникъ Черногорскій	281—301
6. Завѣщаніе Владыки Петра I.	302—306

ГЛАВА I.

Пріѣздъ въ Рагузу, дорога отъ Рагузы до Каттаро и оттуда до Цетина; знакомство съ Владыкою Черногоріи.

Наконецъ нашъ пароходъ обогнулъ горы и чрезъ porta di ombla вошелъ въ совершенно круглый заливъ, ограниченный со всѣхъ сторонъ горами. — Ни одной волны не было въ заливѣ: онъ лежалъ ровно, какъ стекло, голубой и прозрачной. — Окружающія горы не были голыми и безплодными верхами, какъ большею частію по берегамъ Далмаціи; но покрыты зеленью масличныхъ садовъ и виноградниковъ, надъ которыми кое-гдѣ возвышались кипарисы. Вокругъ всего залива живописно разбросаны зданія Гравозы, предмѣстья Рагузы.

Лишь только остановился нашъ пароходъ, я спрыгнулъ въ первую попавшуюся лодку, причалилъ къ берегу и отправился отыскивать нашего консула. — Догадливые далматинскіе мальчишки, которые всегда толпами окружаютъ пристани, сей-часъ поняли что

мнѣ нужно, не смотря на мой выговоръ и толпою пошли провожать меня. Консулъ въ это время жилъ на дачѣ, въ Гравозѣ, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ мы причалили, и въ нѣсколько минутъ я уже былъ въ его домѣ.

Послѣ ласковаго приѣма, узнавъ объ моемъ намѣреніи побывать въ Черногоріи, онъ сказалъ, что теперь мнѣ предстоитъ самый для этого удобный случай. Владыка Черногорскій здѣсь и на нашемъ же пароходѣ отправится въ Каттаро. Я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Нельзя было найти благопріятнѣе случая, какъ пріѣхать въ Черногорію вмѣстѣ съ самимъ Владыкою. Консулъ совѣтовалъ мнѣ еще здѣсь познакомиться съ Владыкою и я сей-часъ же отправился къ нему въ городъ. Рагуза отдѣлена узкимъ горнымъ перешейкомъ отъ Гравозы и лежитъ на берегу такого же круглаго залива. Старикъ-Далматинецъ, который провожалъ меня въ городъ, дорогой рассказывалъ о Владыкѣ, часто прибавляя *и* «добаръ чоекъ и лѣпш чоекъ, Богами.»

У воротъ города, подлѣ небольшой кофейной стояло много народа. Въ городѣ все улицы покрыты были народомъ, который прибывалъ все болѣе и болѣе, и наконецъ густыми толпами тѣснился вокругъ дома, въ которомъ жилъ Владыка. — Передъ домомъ гремѣла музыка, съ одной стороны стоялъ отрядъ Турецкой конницы, съ другой нѣсколько Черногорцевъ. Только войдя въ городъ, я узналъ, что здѣсь и Визирь Герцеговинскій. Воскресный день, присутствіе Черногорскаго Владыки и Визиря взволновали весь городъ. Шумный говоръ, громъ музыки и разнообразныя одежды при-

давали особенный характеръ толпѣ; здѣсь были и Турки, они красовались на арабскихъ коняхъ или лѣнливо развалиясь у домовъ курили трубки; Черногорцы, которые съ трагическими жестами шумно разговаривали между собою или, опершись на посеребренные ружья, гордо и равнодушно смотрѣли на толпу; рагузскіе пандуры и наконецъ окрестные жители, всѣ въ роскошныхъ и живописныхъ костюмахъ. Странно было видѣть въ этой толпѣ Европейцевъ, въ ихъ бѣдныхъ костюмахъ, и особенно Австрійскихъ чиновниковъ, отличавшихся странною шапкою, въ родѣ гречневика, съ поднятымъ вверхъ козырькомъ. Подойдя къ дому, мой спутникъ сказалъ Черногорцамъ: «вотъ Руссъ пришелъ къ Владыкѣ.» — Руссъ, повторили Черногорцы, и бросились обнимать меня. — Черезъ нѣсколько минутъ я очутился въ комнатѣ, гдѣ сидѣли Владыка и Визирь, окруженные Черногорцами и Турками. Они съѣхались здѣсь для заключенія мирнаго договора. — «Руссъ», сказалъ Черногорецъ, введшій меня въ комнату.

Ко мнѣ подошелъ молодой, стройный и прекрасный Черногорецъ, въ которомъ я сей-часъ узналъ Владыку. Въ качествѣ Господаря Черногоріи, ведя переговоры съ Визиремъ, онъ былъ одѣтъ въ національный Черногорскій костюмъ. На головѣ красная феска, обвитая чернымъ платкомъ въ видѣ небольшой чалмы; яркопунцовый джамаданъ (въ родѣ жилета), роскошношитый золотомъ, обнималъ его крѣпкую грудь, широкій кожаный поясъ, за которымъ обыкновенно Черногорцы носятъ кинжалъ и пистолеты, перепоясывалъ бѣлую гуню (въ

родъ сюртука), обложенную золотымъ голуномъ, — сверхъ всего, пунцовый элекъ (куртка безъ рукавовъ) тоже шитый золотомъ, широкія шаровары по колѣна, чулки и башмаки; таковъ былъ костюмъ Черногорскаго Владыки. Анненскою звѣздою и лентою черезъ плечо онъ отличался отъ другихъ Черногорцевъ. Воинственный и живописный костюмъ такъ хорошо соотвѣтствовалъ его прекрасному и выразительному лицу, сильному сложенію и высокому росту.

Онъ привѣтствовалъ меня чистымъ Русскимъ языкомъ и представилъ Визирю, который былъ родомъ Сербъ, Ризванъ Беговичъ, хотя Магометанинъ! Чрезъ нѣсколько времени Визирь уѣхалъ. — Будьте какъ дома, говорилъ мнѣ Владыка, его прямодушное открытое лицо, простота и естественность въ обхожденіи, привлекательные манеры, располагають къ нему съ перваго разу. Черезъ нѣсколько минутъ я въ самомъ дѣлѣ былъ какъ дома. «Какое огромное пространство раздѣляетъ Россію и Черногорію, говорилъ Владыка, и вотъ какъ скоро мы сошлись, видно родство племенное сильнѣе географическихъ раздѣленій. Русскій и Черногорецъ всегда братья, когда и гдѣ бы ни встрѣтились.»

Вскорѣ Владыка отправился къ Русскому Консулу, пригласивъ меня провести вмѣстѣ вечеръ, а я пошелъ осматривать городъ. — Рагуза небольшой городокъ, окруженный стѣнами, какъ большая часть прибрежныхъ городовъ въ Далмаціи, съ тѣсными улицами и разнообразнымъ характеромъ. Разнородность составляетъ вообще отличительную черту всей Далмаціи.

Самою природою ея жители дѣлятся на безчисленныя общины, обозначенныя особымъ характеромъ, у каждой свой костюмъ, свои обычаи и прежде было свое правленіе. Рагуза принадлежитъ къ числу такихъ общинъ и нѣкогда была одною изъ сильнѣйшихъ республикъ Далмаціи. Даже теперь, не смотря на единство государственнаго управленія, въ жизни ярко выступаютъ множество разнородныхъ началъ, которыя съ перваго взгляду поражаютъ путешественника. Взойдя въ любой Далматинскій городъ, вы услышите вдругъ три языка: Италіанскій, которымъ говорятъ горожане, Нѣмецкій — языкъ чиновниковъ и Сербскій, которымъ говоритъ весь народъ. Присоединивъ еще къ этому языкъ Латинскій въ Католическомъ богослуженіи и школахъ, получимъ четыре языка, изъ которыхъ каждый имѣетъ право на гражданство. — Нѣмецкій — какъ языкъ правительства, Италіанскій — какъ языкъ образованнаго класса Далматинцевъ, давно уже обиталіанившихся и смѣшанныхъ съ Италіанцами; латинскій — какъ языкъ Латинской церкви и учености, и наконецъ Сербскій — какъ языкъ всего народа. Подобное положеніе не даетъ возможности ни одному изъ языковъ развиваться свободно. Пройдите по любой улицѣ въ Далматинскомъ городѣ — вы увидите много зданій, построенныхъ въ Венеціанскомъ вкусѣ, увидите коегдѣ льва, гербъ Венеціи, и рядомъ съ нимъ Австрійскій орелъ; въ одномъ мѣстѣ развалины укрѣпленій, построенныхъ еще Мадыярами въ другомъ Французами, Австрійцами, Русскими и въ добавокъ ко всему этому, древнія Римскія и Греческія развалины. Нѣкогда бере-

га Далматинскіе были усѣяны Греческими колоніями; въ Черногоріи видны до сихъ поръ огромныя развалины Діоклитеи, городъ Спалатро выстроенъ изъ развалинъ Діоклетіанова дворца, или въ самомъ дворцѣ, какъ говоритъ преданіе. Когда Авары разрушили Салону (640 г.), жители ушли во дворецъ Діоклетіана и послѣ, оставшись въ немъ, образовали цѣлый городъ (*Palatium, spalatium, Spalatro, сплетъ*) до сихъ поръ среди города во многихъ мѣстахъ видны остатки дворца. Множество древнихъ монетъ и памятниковъ искусства находятъ во всѣхъ мѣстахъ Далмаціи. Сколько разнородныхъ стихій соединялось на этомъ узкомъ клочкѣ земли! И эти стихіи не тихо входили и сливались въ одно, вслѣдствіе взаимнаго сочувствія, — нѣтъ, они постоянно боролись между собою и борются. Народность Славянская борется съ вліяніемъ Италіянцевъ и Нѣмцевъ, православіе съ латинствомъ и эта послѣдняя борьба составляетъ средоточіе всѣхъ другихъ и продолжается черезъ всю исторію Далмаціи. Нѣкогда вся эта страна была православною. Когда пала Византія, Сербія и Болгарія, — Далмація, раздѣленная внутри, не могла противостоятъ вліянію Италіи. Венеція завладѣла всѣми ея приморскими городами и вмѣстѣ съ своими обычаями и языкомъ внесла въ нее проповѣдь Латинства, которая не умолкаетъ доселѣ, подкрѣпляемая виѣшнею силою. — Теперь уже болѣе трети народонаселенія — западные католики, но другіе еще хранятъ православіе, Рагуза болѣе всѣхъ поддалась чуждому вліянію. Скоро она разбогатѣла и вошла въ сношеніе съ Католическимъ западомъ. Сильно отпечатлѣлось въ ея бытѣ и правахъ

Венеціанское вліяніе. Развилась аристократія, замолкла общинная Славянская жизнь и народъ сталъ жалкимъ данникомъ своихъ соотечественниковъ: католическая пропаганда проникла вмѣстѣ съ Италіянскими правами, — почти всѣ жители Рагузы измѣнили старой вѣрѣ, какъ называютъ сами Далматическіе Католики Восточное православіе. Въ Рагузѣ, въ соборной церкви, Св. Францискъ пророчилъ, что тогда только городъ достигнетъ окончательнаго благоденствія, когда въ немъ не останется ни одного православнаго. Часто повторялись кровавыя сцены съ православными; вскорѣ всѣ жители сдѣлались Латынями и — Рагуза погибла. Еще недавно (въ 34 году) случилось любопытное происшествіе въ Далмаціи: Гр. Л., ревностному латину удалось обратить до 7 тыс. человѣкъ въ латинство. Имъ выстроили новыя деревни (Крички и Балки, выше Шибеника), устроили приходы, поставили священниковъ. Но черезъ нѣсколько времени одинъ изъ священниковъ былъ убитъ, другой внезапно умеръ, жители разбѣжались и вновь обратились къ православію. Въ это время пришло извѣстіе о присоединеніи въ Россіи Уніи и православные Далматинцы радостно праздновали этотъ день.

Скоро я осмотрѣлъ весь городъ и пошелъ къ православной церкви, которая стоитъ на вершинѣ горы отдѣляющей Рагузу отъ Гравозы. — Она не велика и бѣдна снаружи, кругомъ разбросаны груды камней, часто обвитыхъ плющемъ и увѣнчанныхъ тяжелолистными кустами Алоэ; виноградныя лозы живописно вьются по стѣнамъ церкви; подлѣ нея нѣсколько кустовъ розановъ, покрытыхъ цвѣтами и два-три кипа-

риса. Узкая дорожка проходит мимо церковной паперти и за ней обрывистый скатъ къ морю. Направо видна Рагуза и весь ея заливъ, на лѣво заливъ Гравозы, прямо прибрежныя горы Далмаціи и синее Адриатическое море. Сидя на паперти церковной я любовался видомъ, какъ вдругъ подъѣхалъ ко мнѣ верхомъ на конѣ Владыка: онъ возвращался въ городъ отъ Консула.

«Вамъ нравятся горы, сказалъ онъ, вы еще не соскучились по своимъ равнинамъ; можно восхищаться прекрасною природою, но любить только свою родную. Черногорецъ ни за-что въ мірѣ не промѣняетъ своихъ горъ.»

Онъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ мы пошли въ городъ. Со всѣхъ сторонъ стѣкался народъ посмотреть на прекраснаго властителя грозной Черногоріи.

«Они съ любопытствомъ смотрятъ на меня, но я не думаю, чтобы дружелюбно, говорилъ Владыка, имъ еще памятно то время, когда Черногорцы, помогая Русскимъ, взяли и разрушили Рагузу.»

Вечеромъ Турецкій Визирь заѣхалъ проститься къ Владыкѣ. Проводивъ его всѣ отправились на пароходъ и тамъ провели ночь.

На другой день въ 5 часовъ уже начался обычный шумъ на пароходѣ и разбудилъ меня. Въ шесть часовъ я уже былъ на палубѣ. Пароходъ вышелъ изъ залива и мчался въ Каттаро. День былъ чудесный, ярко горѣло солнце, небо и море блистали его лучами и рѣзко рисовались прихотливыя изгибы горъ; они идутъ вдоль всего берега, отъ котораго не удаляется пароходъ до самаго Каттаро. Море было тихо и едва-едва колеба-

лось, блистая мѣлкими серебрянными блестками, которые то вспыхивали какъ звѣзды, то потухали на зелено-голубомъ прозрачномъ полотнѣ моря. Только вокругъ парохода шумѣло море, подъ колесами клубилась пѣна и серебряннымъ фонтаномъ сыпались и переливались искры, отъ солнечныхъ лучей, отраженныхъ волнами. Рѣзкая, свѣтлая линія отдѣляла море отъ неба, также блестящаго какъ и море. Кое-гдѣ были бѣлые облака, остатки ночи, но они скоро бѣжали на западъ и легкою, преходящею тѣнью туманили море. Вдали было видно въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько судовъ. На лѣво, по берегу тянулись горы, сѣрые и каменистые, изрѣдка покрытые скудною зеленью, за ними другіе, выше и также безплодные, за другими третьи, блѣдною прозрачно-лиловою краскою рисовались на голубомъ небѣ.

Мы скоро миновали Ragusa Vechia и вдали уже виднѣлись утесы, окружающіе Каттарскій заливъ.

Всѣ пассажиры были на палубѣ, но не толпились и не шумѣли какъ прежде. Присутствіе Черногорскаго Владыки водворило порядокъ. Онъ сидѣлъ задумчиво, окруженный старшинами, хладнокровно курившими свои трубки и, кажется, не обращавшими никакого вниманія на толпу. Австрійцы выискивали средства, какъ бы заговорить съ Владыкою, а трое Албанцевъ молча стояли вмѣстѣ прислонясь къ рѣшеткѣ и смотрѣли на Владыку. Это были самые шумные изъ нашихъ спутниковъ, они родомъ изъ Скутари и возвращались домой изъ Триеста, куда ѣздили по торговымъ дѣламъ. Но теперь и они замолкли. Наконецъ одинъ изъ нихъ, видя

какъ дружелюбно обходился со мною Владыка, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: попроси Господаря, чтобы онъ позволилъ намъ поцѣловать его руку. Да вѣдь вы Латины, отвѣчалъ я, а онъ православный Епископъ. Мы сосѣди и уважаемъ его, отвѣчалъ Албанецъ. Но вы съ нимъ враги? Такъ чтожъ, онъ юнакъ и добрый человекъ. Я передалъ Владыкѣ просьбу и онъ исполнилъ ихъ желаніе. Всѣ толпились вокругъ владыки, только нѣсколько молодыхъ Черногорцевъ стояли на краю парохода и что-то шумно спорили. Я только что обернулся, чтобы вслушаться въ ихъ рѣчи, какъ по воздуху полетѣлъ апельсинъ и вслѣдъ за нимъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, порядочно перепугавшихъ дамъ и Австрійцевъ. Стой, закричалъ одинъ изъ перениковъ, надо стрѣлять по порядку. Они спорили между собою кто на лету попадетъ въ апельсинъ. Выстрѣлы магнетически подѣйствовали на Черногорцевъ. Они всѣ оживились, каждый поднялъ ружье и осматривалъ хорошо ли заряжено. Выстрѣлы раздавались одинъ за другимъ.

Время прошло незамѣтно, обѣдъ уже былъ готовъ. Когда мы встали изъ за стола, пароходъ подошелъ близко къ утесистой скалѣ, повернулъ на право и вошелъ въ porta rosa. Передъ нашими глазами открылся огромный и живописный Катарскій заливъ, окруженный утесистыми горами. На склонахъ горъ были разбросаны деревни, вдали видѣлись стѣны Катаро, скудная зелень покрывала горы и только одинъ Ловчинъ, у подножія котораго лежитъ городъ, а на вершинѣ Черногорская граница, былъ лишенъ всякой растительно-

сти и голыми сѣрыми горами высоко поднимался надъ сосѣдными горами.

«Взгляните на нашихъ Черногорцевъ, говорилъ мнѣ Владыка, имъ такъ и хочется прыгнуть съ парохода, чтобы поскорѣе бѣжать на родныя горы.» Въ самомъ дѣлѣ они всѣ собрались къ носу корабля и съ напряженнымъ вниманіемъ и молча смотрѣли на Ловчинъ.

Смеркалось, когда мы вошли въ Каттаро, и на другой день едва занималась заря, мы уже всходили на Ловчинъ, по ново-устроенной Австрійцами дорогѣ. Мы ѣхали молча, только, то одинъ, то другой Черногорецъ забѣгалъ впередъ и неразъ самъ Владыка пускалъ въ скачъ лошадь по дорогѣ, безчисленными изгибами вбѣгающей почти на отвѣсную высоту горы. Лишь только мы вѣхали на самую вершину, раздались сотни выстрѣловъ и вся толпа развеселѣла и живо разговаривалась между собою. Надо было оставить лошадей и нѣсколько времени идти пѣшкомъ. Одинъ старикъ Черногорецъ, принимая у меня лошадь, спрашивалъ: какого цвѣту наши горы?

«Сѣрыя, отвѣчалъ я. Такія же, продолжалъ онъ, какими сотворилъ ихъ Богъ, а Наполеонъ говорилъ, что будутъ красныя, что онъ полетѣтъ ихъ нашею кровію!» Съ вершины Ловчина открывается странный своею дикостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величественный видъ: сѣрыя вершины горъ, каменистыхъ и безплодныхъ, безпорядочно поднимаются одна надъ другою, не видно ни растеній, ни животныхъ, ни слѣдовъ человѣческаго жилья. Вдали ярко блистала освѣщенная солнцемъ часть Скутарскаго озера, а за нимъ снѣжныя горы,

а по другую сторону тихо колебалось Адриатическое море.

Пробираясь по узкимъ излучистымъ тропинкамъ, часто чтобы сократить дорогу, оставляя тропинки, перепрыгивая и карабкаясь по гудамъ камней, мы миновали одну изъ вершинъ Ловчина и спустились въ небольшую долину. Среди долины пробирался ручей, между гудами голыхъ камней, только мѣстахъ въ трехъ изъ камня были сдѣланы небольшіе квадраты въ нихъ наложена земля и засѣяна кукурузой и картофелемъ. Вся Катунская нахія безплодна и усиленнымъ трудомъ удастся выработать клочекъ земли бѣдному Черногорцу; и съ какою тщательностію онъ ухаживаетъ за этимъ почти единственнымъ своимъ имуществомъ! Со всѣхъ сторонъ огораживаетъ каменною стѣною, чтобъ вѣтеръ не разнесъ и дождь не смылъ слоя земли, очень неглубоко лежащаго на гудамъ камней. Катуняне по безплодію горъ не могутъ имѣть и большихъ стадъ и если имѣютъ, то для прокормки угоняютъ ихъ въ другія нахія, болѣе плодородныя. Вдали видно было нѣсколько деревъ и изба хорошо построенная и обнесенная тыномъ. Это куча капитана Лазаря, дяди Владыки. Когда мы приблизились къ ней, хозяинъ бодрый старикъ вышелъ на встрѣчу съ виномъ, поцѣловавъ руку Владыки, во первыхъ предложилъ ему и потомъ обнесши всѣхъ насъ, приглашалъ въ свой домъ. Этотъ домъ расположеніемъ похожъ на наши постоянные дворы, онъ раздѣленъ на двѣ половины, въ одной чистыя комнаты, въ другой изба съ большою печью, впереди длинная галерея съ навѣсомъ. При входѣ въ домъ насъ

встрѣтили нѣсколько женщинъ, онѣ цѣловали руку у Владыки и потомъ у всѣхъ остальныхъ Черногорцевъ нашихъ спутниковъ, — такой здѣсь обычай, женщины цѣлуютъ руку у мужчинъ. Хозяинъ радушно угощалъ насъ кофеемъ и завтракомъ, который состоялъ изъ вареной ветчины и плодовъ.

Смотря на необыкновенное радушіе, съ которымъ хозяинъ угощалъ всѣхъ и каждого, я говорилъ Владыкѣ: «Черногорцы сохранили Славянское гостепріимство.»

«Это самый святой у насъ обычай, если бы кто пришелъ въ домъ своего заклятаго врага, то и тогда онъ въ немъ безопасенъ: всякій вступившій подъ кровъ дома, братъ и другъ.»

При этомъ Владыка разсказалъ мнѣ о посѣщеніи Черногоріи Саксонскимъ королемъ, и негодовалъ на Французскіе журналы, которые по этому случаю удивлялись, какъ онъ могъ такъ рисковать своею жизнію.

«Они не понимаютъ говорилъ онъ, что значитъ Славянское гостепріимство и привыкли считать за разбойниковъ народъ, который своей вѣры и свободы не промѣняетъ хотя бы на золотыя узы. Другіе журналы увѣряли, что мы были необыкновенно счастливы посѣщеніемъ короля и что я униженно принималъ его, — нѣтъ, свободный Черногорецъ ни передъ кѣмъ не унижится.»

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вотъ было какое происшествіе, которое доказываетъ какъ безопасенъ иностранецъ въ Черной горѣ: онъ гость и пользуется пра-

вомъ гостепріимства. Въ Цетинъ пришелъ Швабъ; замѣтили, что у него было много денегъ, послѣ мы узнали, что онъ былъ подосланный шпіонъ. Когда онъ возвращался въ Каттаро, Черногорецъ провожавшій его, соблазнился, зная, что деньги съ нимъ и съ пистолетомъ въ рукѣ требовалъ кошелька, тотъ закричалъ и вдругъ изъ за камней вышли двое другихъ Черногорцевъ. Узнавъ о происшествіи, они спросили провожавшаго Черногорца, правда ли это. Не смѣя явно солгать, онъ отвѣчалъ: да, и вслѣдъ за этимъ признаніемъ раздалися два выстрѣла и убили его на повалъ. Эти два Черногорца были старшіе братья провожатаго. И брата не пощадили они за нарушеніе законовъ гостепріимства.»

Послѣ полудня мы продолжали нашъ походъ далѣе къ Цетину. Между домомъ капитана Лазаря и Цетинскою долиною, есть одна довольно обширная долина Негоши. Въ ней живутъ 10 племенъ, раздѣленные на 10 отдѣльныхъ селъ, построенныхъ на скатахъ горъ одно возлѣ другаго. Здѣсь родился Владыка, тутъ его домъ, въ которомъ до сихъ поръ живутъ его родители. Боясь опоздать въ Цетинъ, мы проѣхали мимо Негошей. Только Владыка заѣхалъ повидаться съ своею семьею, обѣщавъ догнать насъ на дорогѣ. Уже солнце начинало садиться, когда мы вошли на вершину послѣдней горы отдѣляющей Цетинскую долину отъ Негошей. Передъ нашими глазами открылось все Скутарское озеро, часть Рѣцкой и Черницкой нахій и глубоко внизу обширная Цетинская долина, ровная и покрытая зеленью: ее со всѣхъ сторонъ окружаютъ бесплодные

горы, но далѣ къ Скутарскому озеру уже видны были горы покрытыя зеленою виноградниковъ. Солнце съ-
ло, когда мы спустились въ долину и была темная
ночь, когда подъѣхали къ дому Владыки.

ГЛАВА II.

Цетинская долина, географическое описаніе Черногоріи, рассказъ о битвахъ въ мѣстахъ около Спужа и Подгородицы и при Морачь.

Переходъ черезъ горы меня сильно утомилъ, и на другой день я спалъ еще крѣпкимъ сномъ, когда въ мою комнату вошелъ переникъ и отъ имени Владыки приглашалъ къ завтраку.

Мнѣ была отведена комната въ домѣ Владыки и рядомъ съ его собственнымъ помѣщеніемъ. Этотъ домъ построенъ недавно и есть самое большое и лучшее зданіе по всей Черногоріи. Одна его часть занята Сенатомъ и квартирами Сенаторовъ и народнаго секретаря, въ другой живетъ самъ Владыка и нѣкоторые изъ его приближенныхъ. Онъ окруженъ невысокою каменною стѣною съ четырьмя башнями по угламъ.

Когда я вошелъ къ Владыкѣ, онъ былъ уже занятъ дѣлами, толпы Черногорцевъ тѣснились въ первой комнатѣ, которая служитъ пріемной, столовой и биллиардной. Всѣ желали знать, чѣмъ кончились переговоры съ

Визиремъ, война или миръ съ Босніею. Одинъ разска-
зывалъ о состояніи дѣлъ на границѣ Боснійской, дру-
гой Герцоговинской; одни говорили о внутреннемъ по-
рядкѣ или безпорядкѣ въ разныхъ селахъ, племенахъ
и нахіяхъ, другія приносили частныя тяжбы на судъ
Владыки. Каждый поочередно подходилъ къ нему,
цѣловалъ руку и потомъ съ трубкою въ рукахъ, такою
же необходимою принадлежностію Черногорца, какъ и
оружіе, непринужденно и свободно передавалъ свои
извѣстія. Черногорцы по личному уваженію къ Влады-
кѣ, любятъ приходить съ своими спорами на его судъ,
не смотря на существованіе судовъ земскихъ; у нихъ
силенъ обычай третейскаго суда и Владыка въ этомъ
случаѣ представляется третейскимъ судьей. Къ нему
свободный доступъ всеѣмъ и во всякое время. Часто
когда мы гуляли по долину, встрѣчали насъ тяжущіеся
Черногорцы. Тутъ же, сидя на камнѣ, Владыка выслу-
шивалъ ихъ просьбы, тутъ же произносилъ судъ и от-
сылалъ ихъ въ Сенатъ для окончательнаго рѣшенія.

Все утро проходитъ у него въ подобныхъ занятіяхъ,
иногда онъ присутствуетъ въ Сенатѣ, если есть какія
нибудь важныя дѣла. Въ 4 часа обѣдъ самый простой
и умѣренный. Между тѣмъ какъ готовили къ столу, я
вышелъ въ другую комнату, гдѣ помѣщена библіотека
Владыки. /Здѣсь были произведенія почти всеѣхъ луч-
шихъ Русскихъ писателей, много Французскихъ и Ита-
ліанскихъ книгъ; здѣсь нашелъ я много Французскихъ
журналовъ, которые получаетъ Владыка, и даже Сѣ-
верную Пчелу. Странно было видѣть внутри Черной
горы, которая слыветъ и до сихъ поръ гнѣздомъ раз-

бойниковъ, все признаки просвѣщенія. Образованный предшественникъ Владыки, Петръ, внушилъ ему любовь къ просвѣщенію и литературѣ; Г. Милутиновичъ замѣчательный Сербскій поэтъ былъ его воспитателемъ. Владыка слѣдитъ за всеми успѣхами просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается вполне Черногорцемъ и пламенно любить свою родину. Третья и послѣдняя комната Владыки, которая вмѣстѣ и его спальня, вся увѣшана оружіемъ, надъ письменнымъ столомъ портретъ Императора Николая.

Обыкновенно послѣ обѣда назначались прогулки, по Петинской долинкѣ, или на окрестныя горы. Подлѣ дома Владыки, на уступѣ горъ, построены небольшой монастырь, со времени Черноевича онъ служитъ Митрополіею. Нѣсколько разъ онъ былъ разрушаемъ Турками и выстроивался снова. Когда въ послѣдній разъ Турки проникли въ Петинскую долину, палатка Кара-Махмуда стояла на небольшомъ возвышеніи называемомъ ⁵⁴Даново бердо, возлѣ монастыря, а вокругъ лагерь его двадцатипятитысячнаго войска. Каждое утро и вечеръ съ этой горы Турки палили изъ пушекъ въ знакъ своего господства надъ Черною горою. Кара-Махмудъ по примѣру предшественниковъ хотѣлъ тоже разрушить монастырь и поручилъ это дѣло Бей Соколовичу. Подойдя къ монастырю, онъ самъ полезъ на кровлю, чтобы сорвать крестъ, стоявшій надъ алтаремъ, но вдругъ упалъ и внезапно умеръ. Неожиданная смерть Бей поразила Турокъ и они не тронули монастыря. Въ немъ двѣ небольшія церкви, бѣдно украшенныя: въ одной изъ нихъ лежитъ нетлѣнное тѣло

Владыки Петра, котораго Черногорцы признають за святаго и называютъ святопочившимъ. Когда теперешній Владыка, лѣтъ пять тому назадъ задумалъ передѣлать церковь, роя землю близъ нея, случайно открыли нетлѣнную гробницу и тѣло Владыки Петра. На крикъ Италіанца архитектора *un santo, un santo*, сбѣжались Черногорцы, пришелъ Владыка и торжественно перенесъ тѣло въ главную церковь. Съ тѣхъ поръ святой Петръ считается покровителемъ Черной горы. Каждый воскресный день бываетъ служба въ этой церкви. Услышавъ въ первый разъ литургію по всеѣмъ нашимъ обрядамъ, слыша на экиньѣ, Государя нашего Императора Николая Павловича и потомъ Владыку Черногорскаго и Патріарховъ православныхъ, мнѣ казалось, я возвратился на родину.

Кромѣ двухъ церквей въ оградѣ монастыря есть небольшое зданіе, гдѣ помѣщается Архимандритъ — другихъ монаховъ нѣтъ въ Цетинѣ. Тутъ же были и комнаты Владыки, въ которыхъ теперь устроена школа. У воротъ монастыря на площадкѣ нѣсколько пушекъ, отнятыхъ у непріятелей, нѣкоторые изъ нихъ съ вензелемъ Наполеона. Между монастыремъ и новымъ домомъ Владыки видны слѣды разрушеннаго зданія, — здѣсь по преданіямъ былъ домъ Черноевича. Недалеко отъ него, на одномъ изъ предгорій горнаго хребта, ограничивающаго долину, Орлій верхъ, стоитъ башня. Въ нее складываютъ Турецкія головы. Многія изъ нихъ видны изъ за зубцовъ башни. Тамъ лежитъ и голова Кара-Махмуда. Возлѣ новаго дома Владыки построено нѣсколько небольшихъ, но чистыхъ домиковъ; многіе

изъ нихъ принадлежать его родственникамъ. Таковъ Цетинъ, онъ похожъ болѣе на пустыню, жилище отшельниковъ, нежели на городъ.

Села Цетинской долины: Дольній край, Баицы и Гунцы, едва замѣтны отъ монастыря и разбросаны по скатамъ горъ, окружающихъ долину. Не въ далекомъ отъ монастыря маленькая церковь и кладбище. Полнѣй уединенія нельзя и вообразить. Высокими утесистыми горами обнесена долина и взглядъ никогда не проникаетъ далѣе нѣсколькихъ сажень. Все тихо, только выстрѣлы нарушаютъ тишину, да вечеромъ когда приходятъ стада, звукъ колокольчиковъ, или, послѣ сильныхъ дождей, гулъ горныхъ потоковъ. У дома Владыки всегда много Черногорцевъ, которые постоянно то приходятъ, то уходятъ изъ Цетина. Толпами они лежатъ или сидятъ на камняхъ и всегда живописно. Беззаботно ли Черногорецъ курить свою трубку сидя на камнѣ или стоитъ опершись на ружье и задумчиво глядя въ сторону, каждое его положеніе просится въ картину. Это зависитъ отъ прекраснаго костюма и южной живости характера, который каждому движению придаетъ смыслъ. Рѣдко молчитъ Черногорецъ, чаще слышатся громкія разговоры и особенно рассказы про военные подвиги. Разговоръ всегда живъ и остеръ. Иногда случается одинъ изъ Черногорцевъ поетъ пѣсню и тогда съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его слушаютъ окружающіе. Собственно постоянныхъ обитателей кромѣ Владыки, его Секретаря да Архимандрита, нѣтъ въ Цетинѣ. Сенаторы приходятъ на время, равно и другіе. Но за то можно сказать что въ

годъ перебиваетъ тамъ вся Черногорія. Цетинская долина слываетъ средоточіемъ страны, несмотря на то что лежитъ на краю, близъ Австрійскихъ границъ. Пѣсни, говоря о Владыкѣ всегда прибавляютъ что живетъ на Цетинѣ.

на средь горъ Црнои.

И точно эта долина составляетъ средоточіе Черногоріи. Съ ней связаны всѣ важныя преданія Черногорской исторіи. Еще Иванъ Черноевичъ, принужденный Турками оставить свою столицу Жаблякъ, построилъ монастырь въ Цетинской долині и перенесъ туда Митрополию. Подлѣ монастыря построилъ свой домъ и часто жила въ немъ. Въ послѣдствіи Цетинскій монастырь былъ постояннымъ жилищемъ Владыкъ, и мѣстомъ народныхъ собраній. Кромѣ того Цетинъ точно лежитъ въ срединѣ Катунской нахіи, которая по праву считается средоточіемъ всей Черногоріи. Во времена Митрополита Данила, когда всѣ области, составлявшія нѣкогда Зету, подпали власти Турокъ, одна Катунская нахія сохранила свою свободу и независимость. Изъ Катунской нахіи вышла проповѣдь свободы и къ ней постепенно присоединялись другія. Теперь Черногорія раздѣляется на два округа, собственную Черногорію и Берду. Каждый изъ округовъ состоитъ изъ четырехъ нахій или уѣздовъ, каждый уѣздъ изъ нѣсколькихъ племенъ, каждое племя изъ нѣсколькихъ селъ (*).

(*) Приведу въ примѣръ подробное раздѣленіе Катунской нахіи: I. Пѣшивци: Павія, Стубица, Напрать, Гостоевичи, Богети-

ней нахїи Рѣцкая, Черницкая и Лешанская; первыя двѣ нахїи соединились съ Катунскою еще во времена Митрополита Данїила, а рѣцкая долго оставалась неутраальною и окончательно присоединилась только послѣ пораженія Кара-Махмуда въ 1796 году. Всѣ эти нахїи граничатъ съ Турецкою Албаніею. Крѣпость Жаблякъ, которая лежитъ почти на берегу Скутарскаго озера и слѣдовательно находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Скутари, Подгорица и Спужъ, изъ которыхъ 1-я отстоитъ на 1½ часа, а 2-я на 1½ часа отъ Мартыничей, защищаютъ Албанскія границы. Съ запада къ Катунской нахїи, и частию Черницкой, которая вершинами Сутормана отдѣляется отъ Антиварскаго округа, прилегають Австрійская Албанія и отдѣляетъ ея отъ моря, а съ сѣвера нахїи бѣло-Павличи. Это довольно большая нахїя, граничитъ съ Герцоговиною, которой границы защищаютъ крѣпости Клобукъ и Никшичи. На сѣверъ къ ней примыкаетъ нахїя Марача, она простирается до вершинъ Явора и Дормитора и граничитъ

чи, Царево, Шкулетичи, Подкупичапи, Дреновштица, Милоевичи, Сеоца, Загоракъ, Джурчичи, До. II. Озриничи: Загреда, Марковина, Велестово, Мишке, Првете, Крижевъ до, Залюче, Воиничи, Ожеговце, Убли. III. Загоранъ. IV. Комани. V. Цуце: Кругъ, Трнвине, Ровине, Бата, Добра гора, Трешнево, Вуко до, Грубинъ до, Липовець, Залютъ, Подаждріело, Ободъ, Добронѣжъ до, Кучишта, Челина, Грабъ, Градина, Ржанный до, Овсине, Просеный до, Липа. VI. Чекличи: Тетровъ до, Миліевичи, Крайный до, Войковичъ, Кучишта, Вучій до, Убао, Драгомилъ до, Сзеръ. VII. Бѣлице: Предишъ, Лѣшевъ Ступъ, Малошинъ до, Ублице. Диде, Дубъ, Томичи, Микуличи. VIII. Нѣгуши: Дугій до, Ранчевичи, Хераковичи, Копито, Жаневъ до, Мираць. Вельи Край, Вельи Залази, Врба, Малый Залази. IX. Цегынъ: Баице, Дольный край, Дубовикъ, Бѣлоши, Очиничи Гунцы.

съ Боснією. На востокъ отъ нихъ лежитъ нахія Пиперы и далѣе Кучи, которая простирается до вершинъ Хома и рѣчки Цѣвны. Бѣлопавличи, Пиперы и Марана соединились съ Черногорією окончательно послѣ перваго пораженія Кара-Махмуда въ 1792 году, а Кучи въ числѣ которыхъ считается нѣсколько Магометанъ и Латиновъ, присоединились окончательно только въ 1831 году, при теперешнемъ Владыкѣ. Вся Черногорія и Берда обнимаетъ пространство 200 квадратныхъ миль и считаетъ въ себѣ слишкомъ 120 тыс. жителей и слишкомъ до 20 тыс. воиновъ, но это число воиновъ поставлено по примѣру другихъ странъ, собственно въ Черногоріи каждый воинъ, кто можетъ поднять оружіе.

Послѣобѣденныя прогулки часто сопровождались скачками, стрѣляніемъ въ цѣль и играми Черногорцевъ. У Владыки нѣсколько прекрасныхъ арабскихъ коней и онъ самъ хорошій наѣздникъ. Въ первый день моего пребыванія въ Цетинѣ, во время скачки былъ особенно замѣчательнъ старый воевода, такъ называютъ Князя Радовича-Княжевича, который былъ съ Владыкою въ Рагузѣ. Это человѣкъ, которому уже далеко за 80 лѣтъ, онъ былъ еще сподвижникомъ покойнаго Владыки и дрался въ битвахъ съ Кара-Махмудомъ. Онъ Сердарь и пошъ въ селѣ Мартыничахъ, которое лежитъ въ виду Турецкихъ крѣпостей Спужа и Подгорицы и подвержено постояннымъ нападеніямъ Турокъ. Прежде часто я всматривался въ выразительное лице этого, по видимому, дряхлаго и сгорбленнаго старика. Онъ всегда сиживалъ въ далекѣ, нахмутивъ брови и куря труб-

ку, говорилъ не много, но около него всегда собирався толпа. Все, что ни говорилъ онъ, было остро и смѣшно. Никто не могъ разсказать столько смѣшныхъ случаевъ про Турокъ и Швабовъ, какъ старый воевода. Видя его во весь опоръ скачущаго по грудамъ камней, какъ удалаго юношу, мнѣ казалось, въ этой сторонѣ вовсе не существуетъ старости. И точно вполнѣ дряхлаго старика, какихъ часто встрѣчаешь въ другихъ странахъ, мнѣ никогда не удалось видѣть въ Черногоріи.

Вечеромъ, когда мы пили чай, я сталъ спрашивать Владыку о старомъ воеводѣ.

«Это славный человѣкъ, говорилъ Владыка, юнакъ до сихъ поръ и счастливъ. Онъ былъ въ трехъ стахъ битвахъ и ни разу не раненъ. Турки убили у него и сына и братьевъ и племянниковъ. Онъ одинъ мущина въ домѣ, остались только женщины, да дѣти. Его любятъ Черногорцы за его храбрость и за его умъ и остроту.»

Этотъ разговоръ навелъ Владыку на разсказъ про битвы съ Турками, въ мѣстахъ около Спужа и Подгорицы, въ которыхъ постоянно отличался старый воевода. Постараюсь передать его разсказъ.

Спужъ стоитъ на рѣкѣ Зетѣ и острымъ угломъ врѣзывается въ Черногорскія владѣнія между нахіями Пиперы и Бѣлопавличи. Пограничныя Черногорскія села подвержены постояннымъ нападеніямъ Турокъ. Пораженіе Кара Махмуда при Мартыничахъ, отложеніе Пиперовъ и Кучи отъ Турокъ и близкое сосѣдство заставляютъ Турокъ часто въ этихъ мѣстахъ нападать на Черногорцевъ.

Около 30 лѣтъ тому назадъ передъ Петровымъ днемъ было замѣчательное сражаніе при Рогаме Пиперскомъ селеніи, отстоящемъ на $1\frac{1}{2}$ часа отъ Подгорицы. Это сраженіе служило продолженіемъ битвъ съ Кара-Махмудомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается рядъ битвъ, продолжающихся почти до нашего времени. Мало по малу Черногорцы завладѣвали долинами прилегающими къ Подгорицѣ, а пограничные села, по мѣрѣ развитія внутренняго единства, соединялись болѣе и болѣе между собою и переставали платить подать Туркамъ. Это движеніе было замѣтно во всѣхъ племенахъ составляющихъ теперь нахию Кучи. Земли отъ Подгорицы до рѣки Рыбницы, Турки считали своими, а Черногорцы не хотѣли имъ уступить ихъ, потому здѣсь возникали безпрестанные споры. Черногорцы стали укрѣплять границы, строить крѣпостцы и наконецъ село Рогаме, всегда платившее подать Туркамъ, отказалось отъ этой платы. Подгорицкіе Аги задумали наказать Рогаме. Мустафа визирь Скутарскій согласился на ихъ предложеніе открыть походъ и далъ имъ 6 тысячъ Албанскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Гасанъ-Аги. Войско двинулось къ Подгорицѣ и стало лагеремъ недалеко отъ нея въ Долянахъ. Здѣсь соединились съ ними Подгоричане подъ предводительствомъ Бея Абдовича. На другой день рѣшено было переправиться чрезъ Морачу и сдѣлать нападеніе на Рогаме. Войско раздѣлилось на три части, одна въ 4 тысячи. двинулась прямо къ Рогаме, двѣ другія закрывали правую и лѣвую сторону и разобщали Рогаме отъ сосѣднихъ племенъ. Около полуночи

Кадъ вріємя ніє одъ ударца, (*)
говорить пѣсня, Турки ударили на село. Черногорцы
неожидали нападенія и не имѣя возможности сопроти-
вляться открытою силою, заперлись въ укрѣпленныхъ
избахъ. Турки разгромивъ село, прежде всего ударили
на избу Джуро Ненадича. Джуро былъ Главаремъ и
собирателемъ податей, которую они платили прежде
Туркамъ. Когда ударили на избу, Гасанъ-Ага, какъ
разсказываетъ пѣсня, крикнулъ: дома ли ты Джуро,
приготовилъ ли подать, вотъ тебѣ гости, они принудятъ
тебя расплатиться; но Джуро ему отвѣчалъ:

Лієпъ самъ ти ручакъ приправію,

Изъ пушака црніє крушака,

Одъ ножева вина црвенога. (**)

Первой напоръ Турокъ былъ остановленъ дружнымъ
залпомъ. Когда Турки приготовились напасть въ другой
разъ, тогда изъ другой сосѣдней избы выскочилъ моло-
дой Черногорецъ Тома Цековичъ, схвативъ Албанскаго
знаменоносца, отрубилъ ему голову и быстро ушелъ
опять въ избу. Этотъ поступокъ раздражилъ Албан-
цевъ и съ яростію они бросились на приступъ къ дру-
гой избѣ; но были отбиты. Эта изба была покрыта со-
ломою, и Турки зажгли ея. Бывшіе въ ней Черногор-
цы крикнули Ненадичу, чтобы они направили выстрѣлы
въ ихъ сторону и очистили отъ Турокъ пространство
между двумя избами. Это удалось и всѣ Черногорцы,

(*) Когда не время нападать.

(**) Славную приготовилъ тебѣ подать, черныхъ ружейныхъ зе-
ренъ (пуль) и краснаго вина отъ ножей (крови).

невредимо вышли изъ горящей избы и перебѣжали въ избу Ненадича. Между тѣмъ какъ вокругъ избы шла жестокая рѣзня, Черногорцы успѣли увѣдомить сосѣднія села. Прежде всѣхъ приспѣла помощь изъ села Завалы, подъ предводительствомъ молодаго юноши Леки Томановича, который и погибъ въ этой битвѣ. Рогамляне вышли и съ ними ударили на Турокъ. Тутъ подошъла еще помощь изъ селъ Петровича и Стіену и заставили Турокъ обратить тылъ. Черногорцы преслѣдовали ихъ до самой Морачи и разбили на-голову. Пѣсня, рассказывая эту битву, такъ заключаетъ рассказъ: когда остатокъ Турокъ переправился черезъ Морачу, съ другаго берега Джуро спрашивалъ Гасанъ Агу:

Обратисе те ми право кажи
Како тѣе на Рогаме было,
Есамъ ли те людски дочекао,
Како самъ ти ютрось обѣчао,
И кажи ми ка'чешъ опять дочи
Да приправлямъ ручакъ Арбаніи. (*)

Но Ага отвѣчалъ ему:

Никалъ ти си повратити нечу
Ти си мене ютрось наградио
Триста си ми изгубіо друга.

Это сраженіе было важно тѣмъ, что приготвило и рас-

(*) Обернись и скажи мнѣ поправдѣ каково тебѣ было при Рогаме, такъ ли хорошо я тебя встрѣтилъ, какъ обѣщалъ по утру, и скажи мнѣ когда придешь опять, чтобы я успѣлъ приготовить подать Албанцамъ.

(*) Никогда не приду опять, ты славно меня наградишь, погубилъ у меня триста воиновъ.

положило племена Кучи, къ рѣшительному присоединенію къ Черногоріи.

Въ противоположную сторону Рогаме, почти подлѣ самой крѣпости Спужа на границѣ Бѣлопавицкой нахѣ, лежитъ село Мартыничѣ. Послѣ Рогамской битвы это село сдѣлалось постоянною цѣлію Турецкихъ нападений. Въ этомъ то селѣ Главаремъ и попомъ Князь Радовичъ, его домъ на самомъ краю села, обращенномъ къ Турецкой сторонѣ; потому съ его осады начиналась всякая битва.

Въ 1831 году въ Босніи начался бунтъ противъ низама. Мустафа Паша Скутарскій былъ главнымъ начальникомъ; но Мехмедъ Редшидъ успокоилъ возстаніе побѣдивъ бунтовщиковъ и грозилъ нападеніемъ на Черногорію. Но, прежде нежели начнетъ военныя дѣйствія онъ хотѣлъ испытать нельзя ли другими средствами привлечь Черногорію въ покорность Туркамъ. Онъ надѣялся подѣйствовать на молодаго Владыку и обѣщаніями склонить его на свою сторону. Въ то время какъ Владыка присутствовалъ при рыбной ловлѣ въ Скутарскомъ озерѣ, явились къ нему посланники отъ Визиря. Они говорили, что ему нужно бы подумать о томъ, какъ упрочить миръ для Черногоріи, положительноѣ опредѣлить ея отношенія къ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ подумать о собственномъ достоинствѣ. Они указывали на Сербію, говоря что она теперь получила миръ и Княжеское достоинство утверждено наследственно въ семьѣ Милоша. Отъ него зависитъ на подобныхъ условіяхъ помириться съ Турціею. Но льстивыя слова не увлекли молодаго Владыку. Онъ отвѣ-

чалъ ему: мы кровью купили свободу и никогда не промѣняемъ ее на зависимость какая бы она ни была. Непослѣдними славна Черногорія, но храбростію и когда хотятъ ее всегда могутъ узнать Турки. Раздраженный неудачей переговоровъ, Паша готовился открыть походъ на Черногорію. 1832 года въ Августѣ мѣсяцѣ регулярное Турецкое войско подъ предводительствомъ Намикъ-Галиля, новаго Скутарскаго Паши, двинулось къ Спужу и 22 числа перешло Морачу и напало на село Мартиничи. Приступомъ онѣ хотѣли взять село, ворвались въ него и зажгли нѣкоторыя избы. Но скоро Черногорцы, подъ предводительствомъ воеводы Радовича, принудили ихъ выдти изъ села. Турки вышли и обложивъ его съ восточной стороны открыли пушечную пальбу. Черногорцамъ неимѣющимъ пушекъ, трудно было долго выдерживать осаду. Слѣдовало или покинуть село или рѣшиться на нападеніе. Должно рѣшиться было на первое, еслибъ вдругъ не пришло къ нимъ на помощь 800 человѣкъ Пиперовъ и Бѣлопавличей подъ предводительствомъ Капитана Радована Паулевича. Воевода Радовичъ соединивъ всѣ силы напалъ на Турокъ и разбилъ ихъ на-голову; безъ оглядки бѣжали они въ Спужъ. Визирь желая отомстить Черногорцамъ, готовилъ новое нападеніе, но дѣла Сиріи принудили Султана вызвать его изъ Албаніи. Этимъ былъ предупрежденъ новый вѣроятно болѣе страшный для Черногоріи походъ. 250 было убито подъ Мартиничами и 40 головъ Черногорцы принесли въ Цетинъ, остатки Турецкаго войска бѣжали въ Спужъ, бросая по дорогѣ пушки. Но Черногорцы по малочисленности не рѣшились преслѣдовать въ откры-

томъ полѣ, гдѣ могли быть окружены Турками. Послѣ того небольшія стычки постоянно продолжались въ этихъ мѣстахъ, Черногорцы упорно распространяли свои границы и подходили подъ самый Спужъ и Подгорицу. Наконецъ въ 1838 году въ концѣ Іюля, Турки открыли походъ на пограничныя Черногорскія села. Предводительствовать войскомъ Скутарскимъ Паша поручилъ Бечиръ-Бею-Бушитлію. Съ 7-ю тысячами регулярнаго войска и нѣсколькими дружинами горныхъ Албанцевъ, онъ двинулся къ Подгорицѣ. Тамъ соединившись съ гарнизономъ, перешелъ въ Спужъ и началъ нападенія. Ежедневно изъ крѣпости выходили небольшіе отряды и нападали то на одно, то на другое изъ пограничныхъ Черногорскихъ селъ. Болѣе другихъ подвергались нападеніямъ Мартыничи и Стіена. Цѣлую недѣлю продолжались подобныя нападенія. Наконецъ Бушатлія совокупилъ всѣ силы и 3 Іюля вошелъ въ Косово поле и пролегающую между рѣками Зетою и Сушицою (притокомъ Зеты впадающемъ въ нее съ западной стороны) долину. Тамъ онъ раздѣлилъ войска, одну часть далъ Гасанъ Аги и послалъ его на село Ястребы, съ другою самъ напалъ на село Косичъ. Оба эти села лежатъ близъ Мартыничи; вѣроятно цѣль Паши состояла въ томъ, чтобы взявъ эти селенія, ударить съ двухъ сторонъ на село Мартыничи. Въ одно и тоже время ударили на села оба войска. Пожгли всѣ избы пастуховъ, которыя строятся гораздо далѣе самихъ селеній; но села не сдавались. Вдругъ въ Ястребы пришла помощь отъ Браевичей и соединясь съ жителями быстро ударили на Турокъ и опрокинули ихъ; Турки побѣжали, часть

ихъ ихъ была побита, другіе соединились съ отрядомъ Бушатлія. Черногорцы тоже соединились между собою и началась общая битва.

Пала тама Косовіемъ лугомъ
Одъ брзога праха и олова
Одъ стаїница те пождише Турцы,
Стои виска, у бои кравчника,
Чераю се войске помейдану
Два сахата тамо и овамо (*).

Наконецъ сильно ударили Черногорцы, Турки начали отступать къ рѣкѣ Зетѣ. Перевѣсъ уже былъ на Черногорской сторонѣ какъ изъ среды Бердчанъ выскочилъ Мирко Токовъ, изъ села Лекича, выхватилъ изъ ряду Турокъ Бея Насула — и отрубилъ ему голову. Чтوبъ выручить изъ опасности собрата съ яростію бросились впередъ Бердчане и погнали Турокъ. Въ тоже время пришли на помощь изъ Мартыничей и ударили съ боку. Тутъ выскочилъ другой Черногорецъ Кезунъ Грунчинъ и отрубилъ голову Бею Бушатлію. Турки смѣшались, лишившись вдругъ двухъ предводителей. Наконецъ вышелъ еще Черногорецъ и напалъ на Чехай-Пашу. — Онъ былъ родомъ Ускокъ по имени Новаца Радовичъ. —

И какавъ е весела мумайка
На устница нема ни бркова
Јошть му нема петнаестъ лѣта (*).

(*) Пала тѣма на Косово поле отъ частыхъ ружейныхъ выстрѣловъ, пограничные Черногорцы выстроились противу Турокъ и два часа войска нападали другъ на друга.

(*) И каковъ, веселится имъ его мать, на устахъ еще нѣтъ усовъ, ему нѣтъ и пятнадцати лѣтъ.

Онъ не могъ носить и ружья, и былъ вооруженъ только пистолетами и ятаганомъ, бросился и схватилъ подъ устцы коня Чехай-Паши. Паша хотѣлъ ударить его саблею, но онъ быстро ушелъ подъ коня и, схвативъ за ногу Пашу, сбросилъ его на землю, вырвалъ изъ его рукъ саблю и ею же отрубилъ ему голову. — Турки бросились бѣжать безъ оглядки, Черногорцы ихъ преслѣдовали до рѣки Зеты, множество погибло отъ оружія, другіе потонули въ рѣкѣ и немногіе воротились въ Спужъ. Съ огромной добычею и плѣномъ Черногорцы пришли въ Цетинъ. Владыка роздалъ храбрѣйшимъ медали.

Нека носе, нека се поносе,

Ерѣ су они крило одъ краине,

Одъ краине крвлю обливене ().

Новица былъ сдѣланъ Переникомъ и остался навсегда при Владыкѣ. Послѣ того онъ отличался еще во многихъ битвахъ и слыветъ однимъ изъ храбрецовъ. Смотря на него нельзя понять, чтобы это кроткое, даже робкое выраженіе лица и скромныя движенія скрывали храбраго воина.

Въ одну изъ этихъ войнъ въ 1833 году, чета подъ предводительствомъ Вида и Мерчета, напала на Спужъ и взяла пушку. Эта пушка лежитъ передъ Цетинскимъ монастыремъ съ надписью:

Юнашество те ^Виде и Мер^Чете

И ныхове гласовите чете

(*) Пусть носятъ и величаются, ибо они крыло страны облитой кровью.

Со твердога Спужа уграбиша
Црной гори тебе подариша (*).

Сердарь Цетинской Мило Мартыновичъ, который встрѣчалъ насъ съ виномъ при вѣздѣ въ Цетинскую долину также участвовалъ въ этихъ битвахъ. Послѣ сраженія подъ Мартыничами, онъ сдѣлалъ походъ на село Доляне. Это село принадлежало Туркамъ и лежало въ долинѣ между Спужемъ и Подгорицею и очень вредило Черногорцамъ. Мило съ 300 человекъ напалъ на него, побить и выгнать жителей, а село разрушилъ и сжегъ. Послѣ этого Турки боялись его выстроить вновь и до сихъ поръ мѣсто остается пустымъ. — Съ этого времени прекратились сраженія около Мартыничей, но зато они продолжались подъ Жабликомъ, Граховымъ и въ Морачѣ.

Между тѣмъ какъ Владыка рассказывалъ, старый воевода сидѣлъ въ другомъ углу комнаты, окруженный Черногорцами. Ихъ громкій смѣхъ часто прерывалъ рассказъ; онъ смѣшилъ ихъ своими шутками. — Иногда Владыка, забывая число или имя, обращался къ нему съ вопросомъ, какъ главному дѣятелю въ битвахъ. Въ двухъ словахъ онъ отвѣчалъ на каждый вопросъ и снова принимался за свои шутки, нисколько не заботясь о томъ, что рассказываютъ про его подвиги.

«Что старый воевода, сказалъ наконецъ, обращаясь къ нему Владыка, страшна Турецкая сабля.»

(*) Храбрые Видъ и Мерчетъ и ихъ славные четы тебя отняли у твердога Спужа и подарили Черной горѣ.

«Иногда Черногорская палка, страшнѣй Турецкой сабли», отвѣчалъ онъ, и разсказалъ одинъ случай съ Котунскимъ Воеводою Вукотичемъ. — Это было лѣтъ 15 тому назадъ, Турки какъ-то захватили въ плѣнъ 5 женщинъ и въ томъ числѣ сестру этого воеводы и про-
сили 300 талеровъ выкупа оружіемъ и деньгами. Кое-
какъ Черногорцы сложились и выкупили женщинъ, воевода отдалъ въ выкупъ все свое оружіе и остался съ одною палкою; и сказалъ Туркамъ, что эта палка остается у него имъ на горе. — И точно, онъ скоро и жестоко отомстилъ за коварный поступокъ Турокъ. —
Вообще напасть на женщину считается большимъ сты-
домъ и на такой поступокъ рѣдко рѣшаются даже и Турки. Спустя немного времени, когда Турки должны были гнать стада на пастбища въ Рудины, воевода соб-
ралъ нѣсколько Черногорцевъ и напалъ на нихъ на до-
рогѣ, перебилъ всѣхъ Турокъ и взялъ стада. — Ни одна обида, нанесенная Черногорцамъ Турками не про-
ходила безъ мести. Увлекаясь местью и увѣренностію въ той мысли, что Черногорецъ никогда не можетъ покориться Туркамъ, они совершаютъ такія дѣла, ко-
торыхъ трудно понять. Потому почти никогда не бы-
ваетъ пленникомъ Черногорецъ, или по крайней мѣрѣ
чрезвычайно рѣдко. — Однажды трехъ Черногорцевъ
Турки случайно взяли въ плѣнъ: Міеша Пичера, Васо^в
вича и Вуксана, и посадили ихъ въ тюрьму, въ Спужѣ.
Потомъ приговорили ихъ къ смерти. Приведя на мѣсто
казни, Турки издевались надъ ними, спрашивая кому съ
чѣмъ жаль разстаться. Одинъ отвѣчалъ съ женою, другой
съ дѣтьми. Турки отрубили головы двумъ. Когда спроси-

ли Ліеша, онъ отвѣчалъ: рубите мою голову, только не пятняйте кровью платья, оно годится любому Пашѣ.— Турки соблазнились смотря на его красивое платье. Въ то время, когда стали его раздѣвать онъ вырвалъ у одного изъ нихъ саблю, убилъ трехъ и побѣжалъ на мостъ, вся толпа бросилась за нимъ. Ятаганомъ онъ проложилъ себѣ дорогу. Намосту ему встрѣтились два кадія и, увидѣвъ его, со страху бросились въ рѣку. — Отбивааясь отъ всѣхъ, онъ убѣжалъ и возвратился домой. За свое спасеніе онъ построилъ церковь на Велій горѣ, въ Лешанской нахіи. — Есть народная пѣсня объ этомъ происшествіи.

Каждый день являлись новыя лица въ Цетинѣ и каждый день уходилъ кто-нибудь изъ прежнихъ. Но на всѣхъ Черногорцахъ былъ одинъ общій характеръ, нѣсколько отличались отъ другихъ только Ускоки, полутурецкимъ одѣяніемъ и особенною живостію и беззаботностію. Они пришли съ своимъ капитаномъ узнать о заключенномъ мирѣ съ Босніею. — Этотъ капитанъ былъ человѣкъ средняго роста, довольно молодой и очень красивый собою. Ему слѣдовало идти въ монахи, какъ говорилъ мнѣ Владыка, но Черногорцы неохотно идутъ въ монахи, потому въ ихъ монастыряхъ не болѣе какъ по два или по три монаха, да и тѣ большею частію пришельцы изъ другихъ странъ, а не природные Черногорцы. Чтобы совсѣмъ не опустѣли монастыри племена и села чередуются. Чередъ былъ за этимъ Піетро, но онъ пришелъ къ Владыкѣ и умолялъ его, чтобы онъ позволилъ ему жениться, а не идти въ монахи, говоря, что давно любитъ одну дѣвицу; но

ее не отдадутъ за него, зная, что онъ обязанъ идти въ монахи, потому и просилъ посредничества Владыки. Владыка разрѣшилъ ему и устроилъ свадьбу, теперь онъ Ускоческимъ Капитаномъ.

Племя Ускоковъ составляетъ самую крайнюю оконечность Морачской нахіи со стороны Босніи и до сихъ поръ служить предметомъ споровъ и войнъ между Черногорцами и Турками. Самая Морачекая нахія еще недавно присоединилась къ Черногоріи, Турки до сихъ поръ смотрятъ на нее, какъ на измѣнницу и потому всѣми мѣрами стараются препятствовать присоединенію Ускоковъ. Знакомство съ ускоческимъ капитаномъ послужило поводомъ къ разсказу о присоединеніи Морачи и битвахъ, тамъ происходившихъ. — Вотъ разсказъ, записанный мною со словъ самаго Владыки.

Еще присвятопочившемъ Владыкѣ Марача была вънеопредѣленномъ положеніи, она платила подать Туркамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно дралась съ ними, помогала Черногорцамъ, даже иногда соединялась съ ними въ битвахъ противъ Турокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежала имъ прямо. Чтобы опредѣлить ихъ положеніе, Владыка писалъ къ нимъ, чтобы они отказались платить Туркамъ подать и окончательно присоединились къ свободнымъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ Черногорцамъ. Достаточно было одного слова Владыки, котораго имя съ уваженіемъ повторялось и друзьями и врагами, и слава его дѣлала ободряла Славянъ и ужасала Турокъ. Морачане отказались платить подать Туркамъ и явно объявили себя на сторонѣ Черногорцевъ. Зная, что Турки не простятъ имъ такого поступ-

ка, приготовились къ битвѣ и битва загорѣлась. — Нѣсколько разъ Марочане разбивали турецкіе отряды, какъ наконецъ въ 1820 году, Визирь Босанскій Джаллялединъ рѣшился открыть походъ на Морачу. — 12 тысячъ войска, собраннаго во всей Босніи и Герцеговицы подъ предводительствомъ Дели-Паши, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ двинулось къ Марачѣ. Турки остановились лагеремъ въ долинѣ Вранешѣ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ горней Марачи. Здѣсь они пробыли нѣсколько дней, пока изъ пограничныхъ крѣпостей не пришли и не присоединились къ нимъ еще нѣсколько отрядовъ. Собралось до 20 тысячъ всего войска.

Аль каква е сила у Турчина
Свакъ би река, я би и порека,
Да би едногъ краля прихватила,
А камо ли да не би Морачу —
А Марачу не яку краину (*).

Воскликаетъ пѣсня объ этой битвѣ, описывая Турецкія войска. 16 Сентября Турецкія войска двинулись къ селу Дровляне, которое лежитъ на дорогѣ въ полуторѣ часѣ разстоянія отъ горней Марачи и напало на ускочское село Тушино. Небольшое село не могло защищаться отъ сильнаго Турецкаго войска и было взято, сожжено и разграблено. Между тѣмъ, Марачане узнавъ о приближеніи Турокъ, уведомили Владыку и просили помощи. Владыка велѣлъ пограничнымъ племенамъ, начиная отъ Стужа и до Острога, двинуться на помощь.

(*) Какова же сила у Турокъ, всякъ бы сказалъ, я бы и поручился, что возьмутъ въ плѣнъ какого-нибудь Короля, не только Марачу маленькую область.

Мартыничане, подъ предводительствомъ воеводы Радовича и брата его Вуксана, соединясь съ жителями Орлеза, которыми предводительствовалъ Марко Башковичъ и съ Острожанами, которыми предводительствовалъ Острожскій Игуменъ Георгій и Сердарь Мркое — отправились къ Морачѣ. Черногорцевъ было 1000 человекъ. Пѣсня, говоря о движеніи войска, такъ описываетъ Игумена Георгія, старшаго изъ предводителей, называя его Острожскимъ Баномъ :

Передъ войскомъ одъ острога Бане
На негова широка дорина,
А каковъ е одъ острога Бане!
На рамену възена шишана
А о бедри дуга гадарія,
А на раме джида обливена
На верхъ джиде одъ медведа глава
Зинула е како да е жива;
А за баномъ друге поглавице
А за нѣма войска сваколика (*).

Между тѣмъ Морачане приготовились къ битвѣ и подъ предводительствомъ Сердаря Міата ожидали нападеній. 13 Сентября пришло Черногорское войско и соединилось съ ними. 3 дни ожидали Турокъ. Наконецъ 17 Сентября въ Морачской долинь показались Турки и напали на село, малочисленныя Черногорскія отряды не выдержали перваго натиска и отступили, Турки взяли и сожгли Марачу. Одна изба Сердаря Міата не

(*) Передъ войскомъ Острожскій Банъ на его рыжемъ конѣ; а каковъ Острожскій Банъ, за плечами расписанное ружье, при бедрѣ длинная сабля, съ боку копье, на верху копья медвѣжья голова, зѣла какъ живая. За Баномъ другіе предводители, а за ними все войско.

была взята. Она стоитъ на краю села, на берегу небольшого, но быстрого потока, впадающаго въ рѣку Морачу и укрѣплена. Міатъ заперся въ ней съ 30-ю Черногорцами и до ночи выдерживалъ всѣ нападенія Турокъ. Вечеромъ прекратилась битва и Турки, очистивъ село, отступили и стали лагеремъ въ долину Драговичи. Ночью Черногорцы соединились и на другой день, на зарѣ рѣшились напасть на Турокъ. — Все войско раздѣлили на три части, одна часть подъ предводительствомъ воеводы Радовича и Вуксана отошла на сторону Ратке и дальней Марачи, чтобы съ правой стороны ударить на Турокъ. Вторая часть подъ предводительствомъ Игумена Георгія и Сердаря Мркое, стала въ лѣво, близъ самой горней Морачи. А Сердаръ Міатъ съ третьимъ отрядомъ войска долженъ былъ ударить и привлечь Турокъ въ глубь долины. На другой день въ Турецкомъ лагерѣ замѣтно было движеніе, сами Турки готовились къ нападенію. Когда двинулись Турки, Міатъ подалъ совѣтъ обратить тылъ, скрѣстить знамена (признакъ отступленія) и заставить Турокъ подвинуться впередъ. Это удалось. Турки бросились ихъ преслѣдовать, но лишь только они дошли до окраины Драговичьской долины, Черногорцы обернулись и ударили; но не могли сломить Турокъ, какъ говорить пѣсня.

Докъ се примракъ магле замагліо

А одъ Ратне и Морачъ донъ,

А изъ Магле крупа пропадаше; (*)

(*) До тѣхъ поръ, пока отъ Ратней дольной Морачи не показалась мгла, изъ мглы выпалавъ градъ.

Но то ни была мгла, но отрядъ Попа и Вуксана въ густомъ ружейномъ дыму; и то ни была крупа, но ружейныя пули.

Отрядъ Радовича ударилъ на Турокъ, но и онъ не могъ сломить ихъ, пока, продолжаетъ пѣсня

Докъ изтече даница звѣзда,
Отъ звѣзде мунъ сіеваху
И у Турске войске ударяху (*).

Но то не была денница звѣзда, но то былъ Мина воевода и съ нимъ Сердаръ Мркое; то не была небесная молнія, но острая сабля Міата. Онъ снова устроилъ свой отрядъ, смѣшанный первымъ напоромъ Турокъ и ударилъ въ нихъ. Но Турки не поколебались, до тѣхъ поръ, пока съ горъ не грянули громы и не ударили въ въ Турецкое войско, но то не были небесные громы, а то былъ Острожскій Банъ. Его отрядъ съ лѣвой стороны напалъ на Турокъ и они были окружены со всѣхъ сторонъ. Турки стали отступать, но еще въ порядкѣ.

Докъ изтече крестанине орле
Крестанъ орле великіе крила,
То не бѣше крестанине орле,
Нѣ то бѣше Миконичу Марко (**).

Съ небольшимъ отрядомъ Морачанъ онъ ударилъ во флангъ. Турки смѣшались и бѣжали въ безпорядкѣ до села Левишта. Черногорцы одержали блистательную побѣду.

Съ этого времени не было большихъ нападеній на Морачу и устроилось ея соединеніе съ Черногорією. —

(*) До тѣхъ поръ, пока не взошла денница звѣзда, отъ звѣзды сыпались молнии и ударили въ Турецкое войско.

(**) До тѣхъ поръ, пока не вылетѣлъ горный орелъ, горный орелъ — великія крылья: но то не былъ горный орелъ, а былъ то Миконичъ Марко.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Морачи на границахъ начали умножаться Ускоки и ихъ селенія присоединялись къ Черногоріи. Они вмѣстѣ съ Граховымъ сдѣлались предметомъ раздора между Турками и Черногорцами. Настоящія войны грѣмили у Грахова, а Ускоки были предметомъ небольшихъ нападеній, которыя безпрестанно повторяются и до сихъ поръ. Напримѣръ, лѣтъ 11 тому назадъ, Мухамедъ Бей-Скопьякъ собравъ около 6 тысячъ войска тайно напалъ на Ускоческое село Стругъ въ то время, когда въ этомъ селѣ никого не было, кромѣ стариковъ и ребятишекъ. Плѣнилъ скотъ и 13 человѣкамъ отрубилъ головы. Изъ этихъ 13 только трое было способныхъ носить оружіе, остальные старуки и дѣти. Надо было отмстить за такой поступокъ, между тѣмъ племена Ускоковъ слишкомъ малочисленны, а всѣ силы Черногоріи были отвлечены въ другую сторону, подѣ Граховымъ продолжались войны. Такъ прошли два года. — Наконецъ одинъ изъ Дробняковъ увѣдомилъ Ускоковъ, что идетъ изъ Никшичи большой караванъ на базаръ въ Шьевлю. Ускоки соединились съ жителями Морачи и Ровца, пошли перерѣзали ему дорогу и напали на него. Разбили Турокъ, отрубили 24 головы, взяли въ плѣнъ 100 лошадей и весь караванъ. Изъ всѣхъ Турокъ, бывшихъ при караванѣ, ушелъ только одинъ —

Не чудися драгіи побратиме
Да погибѣ двадесать Туракахъ,
Но у тече Марунъ на кобыли (*).

(*) Не удивляйся, любезный собратъ, что погибло двадцать Турокъ, но дивись тому, что ушелъ Марунъ на кобылѣ.

Такъ оканчивается пѣсня объ этомъ происшествіи.

Въ подобныхъ разсказахъ проходилъ каждый вечеръ. Утромъ я работалъ надъ исторіею Черногоріи. Владыка сообщилъ мнѣ нѣкоторые документы, хранившіеся въ его архивѣ, а Секретарь его, Господинъ Миляковичъ, который самъ писалъ исторію Черногоріи, указалъ мнѣ всѣ другіе источники. Такъ проходили дни въ Цетинѣ. — Пестараюсь изложить всѣ тѣ свѣдѣнія о бытѣ и исторіи Черногоріи, которыя мнѣ удалось собрать.

ГЛАВА III.

Народныя пѣсни и письменность въ Черной горѣ.

Главными источниками, изъ которыхъ собраны мной извѣстія о Черногорской исторіи, кромѣ устныхъ разсказовъ и нѣкоторыхъ документовъ, были пѣсни и, тамъ составленныя сочиненія, о томъ же предметѣ.

Черногорія поетъ тѣ же пѣсни, какъ и остальные Сербы; но кромѣ того имѣетъ много и своихъ особенныхъ. Главный разрядъ пѣсень составляютъ историческія. Ихъ употребленіе и число распространяется, по замѣчанію Вука Караджича, по мѣрѣ удаленія на югъ, такъ что наиболѣе слагаютъ и поютъ историческія пѣсни въ Черногоріи, Боснѣ и Герцоговинѣ, менѣе въ настоящей Сербіи и еще менѣе у Сербовъ, подвластныхъ Австріи. Всѣ историческія пѣсни принадлежать къ позднѣйшему времени. Ихъ начало можно опредѣлить битвою при Косовѣ и паденіемъ Сербскаго Царства, нѣкоторые восходятъ до Нѣманича и ни одной древнѣе. Переломъ въ исторической судьбѣ Сербовъ—завоеваніе ее Турками, былъ переломомъ и въ народ-

ной ихъ поэзіи. Пѣсни лирическія (которыя Вукъ Кораджичъ въ своемъ собраніи пѣсень называетъ женскими) несравненно древнѣй историческихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война Сербовъ съ Турками за Православную вѣру и народность, съ XIV вѣка, начинается главный кругъ историческихъ Сербскихъ пѣсень. Эта война, которая до тѣхъ поръ не окончится въ понятіи Сербовъ, пока хотя одинъ Сербъ останется подъ Турецкимъ игомъ, составляетъ главное содержаніе пѣсень. Постоянныя войны Черногорцевъ, частныя возстанія отдѣльных племенъ и даже военные подвиги отдѣльных лицъ — все входитъ въ составъ этой долгой войны на жизнь и смерть. — Всѣ подобныя происшествія пѣсня передаетъ изъ рода въ родъ и замолкаетъ тамъ, гдѣ прекращается война. Главный кругъ историческихъ пѣсень Сербіи не кончился; но онъ распадается на нѣкоторыя отдѣльные круги, изъ которыхъ каждый составляетъ нѣкоторымъ образомъ свое цѣлое. — Такъ пѣсни о битвахъ Черногорскихъ, о востаніи Сербіи при Георгіи Черномъ, о Босанскомъ бунтѣ въ 1832 году, и наконецъ о подвигахъ отдѣльных лицъ. Всѣ эти отдѣльные круги историческіе соединяются въ одно цѣлое въ общей войнѣ съ Турками. Но кромѣ того они находятъ и свое поэтическое средоточіе въ пѣсняхъ о Маркѣ Кралевичѣ. Въ немъ выражается весь характеръ Сербской исторіи послѣднихъ вѣковъ, или лучше сказать, характеръ Сербса этого времени. Марко, лице историческое и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое олицетвореніе судьбы Сербіи подъ игомъ Турецкимъ. Съ нимъ соединены и прошлая слава и надежды на будущее. —

Его подвиги прекратились, но онъ не умеръ въ народномъ преданіи, а только заснулъ на время. Его помнятъ всѣ Сербы и пѣсни о немъ повторяются всюду. Ихъ такъ много и въ такой подробности они описываютъ всѣ подвиги Марка, что могутъ составить цѣлую поэму. По этимъ пѣснямъ мы представимъ жизнь Марка.

Марко Кралевичъ былъ сынъ Царя Вукашина (*). По смерти Царя Стефана остался наслѣдникомъ малолѣтній сынъ его Урошъ. Трое воеводъ: Вукашинъ, Угльешъ и Гойко взбунтовались. Каждый собралъ войско и всѣ пришли на Косово поле, чтобы рѣшить вопросъ, кому наслѣдовать Княжескій престолъ. Возникли споры, каждый изъ трехъ воеводъ, братьевъ Мриявчичей говорилъ, что ему слѣдуетъ Царство. Молчалъ только одинъ Царевичъ Урошъ — какъ рассказываетъ пѣсня. Наконецъ всѣ рѣшили избрать посредникомъ Протопопа Недельку изъ города Признена, который присутствовалъ при кончинѣ Царя. Всѣ писали къ нему:

брже айде протопопъ Неделько

брже айде на Косово равно,

Да ти кажешъ на коме е Царство,

Ти си свѣтлогъ Цара причестіо

Причестіо и исповѣдіо

У тебе су книги староставне (**).

Протопопъ отвѣчалъ, что онъ не спрашивалъ Царя о наслѣдникѣ и нѣтъ у него книгъ староставныхъ; но

(*) Или Вукашинъ, мать Кирлена или Елена. См. Серб. Споменицы, № 62.

(**) Поскорѣй приходи протопопъ Недѣлко, поскорѣй приходи на Косово поле, чтобъ рѣшить, кому изъ насъ наслѣдовать Царство. Ты причащалъ и исповѣдовалъ свѣтлаго Царя, у тебя староставныя книги.

Пойдите до Прилипа града
До дворова Краљевича Марка,
Кодъ е Царя Марка писарь бѣо
У нѣга су книги староставне
И онъ знаде на коме е Царство (*).

Позовите Марка на Косово поле, онъ скажетъ вамъ
правду

Ерѣ се Марко не бои никога
Разма едногъ бога истиннога (**).

Послы пришли къ Марку и звали его на Косово рѣ-
шить спорѣ. Марко осѣдлалъ своего Шарца (пѣгаго
коня), привязалъ къ сѣдлу книги и отправился на Ко-
сово. Когда собирался онъ, мать говорила ему :

Марко сине едине у маѣки
Не мой сине говорити криво
Ни по бабу ни по стричивама,
Вечь поправдъ Бога истиннога
Не мой сине изгубити душе
Болье ти е изгубити главу.
Него свою огрешити душу (***)).

И Марко послѣдовалъ совѣту матери. Когда вѣхалъ
онъ въ лагерь, его встрѣтилъ отецъ его Вукашинѣ. Ты
миѣ приговоришь, Марко, Царство, отъ отца оно доста-
нется сыну; но Марко проѣхалъ мимо, не отвѣчая ни
слова.

(*) Подите въ городъ Прилипъ къ Краљевичу Мааку, онъ былъ
писаремъ у Царя у него староставны книги и онъ знаетъ, кому
должно наслѣдовать Царство.

(*) Ибо Марко никого не боится, кромѣ истиннаго Бога.

(***) Марко единственный мой сынъ, не говори не правды ни для
отца, ни для дядей, но скажи правду; ибо лучше погубить жизнь,
нежели согрѣшить.

Потомъ его встрѣтилъ воевода Угльешъ: мнѣ приговоришь, племянникъ, Царство. —

Оба чемо братски Царовати (*).

Но Марко проѣхалъ мимо, тоже не отвѣчая. Наконецъ его встрѣтилъ Гойко воевода: — мнѣ приговоришь, племянникъ, Царство —

Ты чешь Марко царовати,
А чу ти бити до колына (**).

Но Марко снова не отвѣчалъ ни слова и подѣхалъ къ шатру молодаго Уроша. На другой день послѣ заутрини все сошлись на совѣтъ и ждали приговора Марка. Марко развернулъ книги и громко прочелъ: Царство долженъ наследовать Урошъ. Разсвирѣпелъ Вукашинъ и съ обнаженнымъ мечемъ бросился на сына. Марко побѣжалъ

еръ се нѣму, брате, не пристой
са своимъ се бити родителемъ (***).

И скрылся въ церковь, сами собой затворились занимъ церковныя ворота. Съ разбѣгу ударилъ въ нихъ король Вукашинъ мечемъ и изъ дверей полилась кровь. Въ ярости онъ радовался, что убилъ сына, но изъ церкви кто-то отвѣчалъ ему:

Вукашине кралье

Ты ни еси посѣкао Марка
Вечь посѣче божега Ангела (****).

(*) Будемъ оба братски царствовать.

(**) Ты будешь царствовать, Марко, я буду твоимъ слугою.

(***) Ибо ему было непристойно драться съ родителемъ.

(****) Король, ты ранилъ не Марка, но божьяго Ангела.

Въ досадѣ Вукашинѣ проклялъ Марка

Ти ни мао гроба, ни порода,
И да би ти душа не испала,
Док' Турскога Цара не дворіо (*).

Но Урошѣ благословилъ его, желая успѣховъ его ору-
жію и славы его имени —

Што су рекли, тому се истекло (**).

И проклятье тяготѣло надъ головою Марка и исполни-
лось благословеніе, какъ надъ самимъ Сербскимъ наро-
домъ за измѣну Бранковича при Косовѣ тяготѣетъ иго
Турецкаго Владычества, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ
мысль освобожденія, какъ поборниковъ за православ-
ную вѣру. Вукашинѣ убилъ Уроша и сѣлъ на престолъ,
но вскорѣ онъ былъ сверженъ и Лазарь былъ избранъ
Царемъ. Но онъ царствовалъ не долго, вмѣстѣ съ Цар-
ствомъ онъ погибъ при Косовѣ. Сербія подпала Турец-
кому игу. И Марко Кралевичъ, выражая судьбу ея, въ
пѣсняхъ представляется воеводою города Признена,
покорнаго Турецкому Султану.

У Марка былъ братъ Андрей, они жили вмѣстѣ и
когда начала распространяться слава Марка, Андрею
очень хотѣлось подраться съ нимъ, чтобы рѣшить, кто
большой юнакъ. Разъ они ѣхали вмѣстѣ и Андрей сталъ
вызывать на бой Марка, но онъ отклонилъ вызовъ,
говоря, что съ братомъ не прилично ему драться. Если
же хочетъ онъ узнать, кто изъ нихъ большій юнакъ,

(*) Не будешь имѣть ты ни гроба, ни потомковъ и не выдетъ
изъ тебя душа до тѣхъ поръ, пока не покоришься Туркамъ.

(**) Что предвѣщали, то и сбылось съ нимъ.

то вотъ проба: кто протерпитъ долѣе жажду подѣ солнечнымъ зноемъ, тому и слава первенства. Андрей согласился; долго они ѣхали горами, наконецъ Андрей просить Марка поддержать ему его вороного коня, — и говорить ему: меня томить жажда, я хочу напиться его крови. — Нѣтъ, не дѣлай этого, отвѣчаетъ Марко, но поѣзжай немного впередъ, увидишь корчму моей по-сестримы Мары, тамъ можешь пить вина, сколько хочешь. У корчемницы Мары въ это время пировали 30 Турковъ, они рады были гостю и отрубили ему голову. Три дни и три ночи Марко дожидался брата, сидя въ полѣ.

Пакъ се Марко разлютіо (*)

и поѣхалъ самъ въ корчму. Турки встрѣтили и его съ оружіемъ, но на этотъ разъ неудачна была попытка; Марко перебилъ ихъ всѣхъ и отнялъ голову брата; возвращаясь домой, онъ пѣлъ:

А да ти се брате подигнути
Какъ самъ те дивно освѣтіо

За еднога тридесять и еднога (**).

Одинъ остался Марко съ матерью и она становилась стара. Часто говаривала она Марку, что трудно ей служить ему въ пирахъ и править домомъ, и упрашивала его жениться. Медлилъ Марко, тяжки казались юнаку оковы семейнаго быта. Но дошелъ до него слухъ, что у Леки Капитана есть сестра Росанда, красавица, какой нѣтъ другой ни у Турокъ, ни у Латиновъ.

(*) Наконецъ сильно разсердился.

(**) Вотъ, мой братъ, какъ сильно я отмстилъ за тебя, за одного тридцать и одного.

Кои видіо вилу на планини
 Ни вила іой брате, друга ніе,
 Дѣвойка е у кавезу расла
 Кажу расла петнаестъ годинахъ
 Ни видеа сунца ни месеца
 Данасъ чудо ходи по свѣту. (*)

Марко одѣлся въ лучшее платье, сѣлъ на своего шарца и поѣхалъ къ побратиму, воеводѣ Милошу и звалъ его вмѣстѣ съ собою. Милошъ слышалъ о красотѣ дѣвицы и съ радостію согласился на призываніе. Оба заѣхали къ крылатому Релю и его зазвали съ собою. Каждый взялъ по перстню и подарки и отправились къ Лекѣ.

Некъ ихъ види Лека и дѣвойка
 Нека поде за кога ей драго (**)

Испугался Лека увидавъ, что трое Сербскихъ воеводъ, храбрыхъ юнаковъ, вѣѣхали къ нему на дворъ, онъ думалъ что въ Сербіи началась война. Но воеводы объяснили ему причину пріѣзда и просили сестру его выбрать изъ нихъ себѣ жениха по сердцу.

А двоица да су два девера
 Съ тобомъ чесмо главни пріятели. (***)

Смутился Лека и отвѣчалъ: я не могу Марко ни отъ кого принять перстня, хороша сестра моя, но она

(*) Кто видалъ вилу въ горахъ, то и вила не сравняется съ нею; дѣвица росла затворенная въ свѣтлицѣ (кавестъ, огражденное мѣсто, cavea) пятнадцать лѣтъ, не видала ни солнца, ни мѣсяца и теперь какъ чудо явилась на свѣтъ.

(**) Пусть ихъ видитъ Лека и дѣвица, и пусть выйдетъ за мужъ за кого захочетъ.

(***) Другіе два будутъ ея деверями и твоими лучшими друзьями. Въ Сербскихъ пѣсняхъ всегда соединяются Марко и двое воеводъ Царя Душана: Милошъ Обиличъ или Кобиличъ и Рела прозванный крылатымъ, по крылатому племю, который далъ ему Душанъ за быстроту бѣга.

Самовольна
Не бойсе ни кого до бога
А за брата ни хабера нема. (*)

Она отказала уже 74 женихамъ. Покатился со смѣху Марко, удивляясь слабости Леки и говоритъ ему: такъ позови ее сюда, пусть выберетъ сама жениха себѣ по сердцу.

Твою сестру Лека освободи
Нека поде за кога ей драго,
А мы брате кавги не имамо. (**)

Лека вызвалъ сестру и — окруженная подругами, она вошла въ комнату гдѣ пировали воеводы. Забыта была чаша съ виномъ и прервались юнацкія рѣчи. Взглянувъ на нее, смутно опустили въ землю глаза храбрые воеводы. Дожидался Лека не начнетъ ли кто говорить изъ нихъ, но всѣ молчали. И онъ самъ обратился съ предложеніемъ къ сестрѣ, чтобы избрала жениха. Но гордая красавица отвѣчала: охотно бы пошла она за Марка, но стыдно ей быть женою Турецкаго придворнаго, и проклятаго отцемъ; оскорбился Марко, но молчалъ, ожидая приговора другимъ женихамъ.

Зачѣмъ ты предлагаешь мнѣ братъ, продолжала красавица, Милоша, — но знаешь ли что его родила и вскормила лошадь, или Релю, — найденыша безъ роду и племени.

Нечу томе почи ни еднога. (***)

(*) Никого не боится кромѣ Бога, а брата вовсе не уважаетъ.

(**) Дай волю своей сестрѣ, пусть пойдетъ за кого хочетъ, а мы между собою ссориться не будемъ.

(***) Не пойду ни за одного изъ нихъ.

и вышла изъ комнаты. Разсердился Марко, не его одного, но и побратимовъ тяжко обидила красавица. Онъ вскочилъ съ обнаженною саблею и хотѣлъ отрубить голову Лекѣ, но побратимы остановили его говоря: не платять такъ Марко за гостепріимство. Марко выбѣжалъ изъ свѣтлицы и на дворѣ встрѣтилъ Росанду, отрубилъ ей руку и выкололъ глаза, приговоривъ, теперь выбирай жениховъ.

Несчастно кончилось первое сватовство Марка, но удачнѣе было другое, хотя при свадьбѣ снова не обошлось безъ крови. Прослышалъ Марко о красотѣ дочери Шишмана короля Болгарскаго и по просьбѣ матери отправился просить ея руки. Ласково было принято его предложеніе и уговорена свадьба. Только, прощаясь съ нимъ, мать невѣсты предостерегала его говоря:

О мой зете одъ Прилипа Марко
Не мой водить тучина девера,
Вечь аль брата али братучеда;
Девойка е одъ више міена
Боимо се големе срамоте. (*)

Возвратясь домой Марко разсказалъ объ этомъ матери и она уговорила его пригласить въ сваты Венеціанскаго Дожа и Землича Стефана, съ тѣмъ чтобы каждый привелъ по 500 сватовъ и тогда нечего бояться. Послушался Марко, сваты пришли въ назначенное время и онъ повелъ ихъ къ Шишману. Благополучно дошли и взяли невѣсту. Она ѣхала подлѣ старшаго свата Венеціанскаго дожа и вдругъ вѣтеръ смахнулъ съ нея по-

(*) О мой зять Марко изъ Прилапа не бери чужихъ сватовъ, но братьевъ или племянниковъ, дѣвица слишкомъ хороша и я боюсь соблазна.

крывало. Дожь былъ пораженъ красотою невѣсты и сильно въ нее влюбился. На первомъ ночлегѣ онъ отправился въ шатеръ другаго свата, сторожившаго дѣвицу и просилъ ему позволить войти въ ея шатеръ, обѣщая за томного золота. Но Стефанъ отказалъ и оскорбился предложеніемъ. На другую ночь онъ повторилъ тоже предложеніе, обѣщая еще большую награду, но снова отказалъ Стефанъ; но на третью его поколебало обѣщанье богатства, и онъ согласился. Дожь вошелъ въ шатеръ къ дѣвицѣ, но на предложеніе она отвѣчала ему :

Подъ нами че се земе провалити

А више насъ небо проломити

Како че се кума миловати. (*)

Дожь приступалъ неотступно. Наконецъ она прибѣгла къ хитрости и сказала что не можетъ любить борода-таго юнака. Дожь обрился и лишь только вошелъ въ ея палатку она ушла и явилась въ палатку къ Марку и жаловалась ему. Усумнился Марко, но она говорила: тебѣ докажетъ правду моихъ словъ то, что ты увидишь обритаго Дожа. Дорого расплатились за обиду сваты, всѣ 1000 человекъ легли на мѣстѣ и одинъ Марко воротился домой съ своею невѣстою.

Во всѣхъ пѣсняхъ Марко представляютъ юнакомъ свято соблюдающимъ семейныя обязанности, онъ постоянно любилъ жену и повиновался матери. Также свято сохранялъ онъ и вѣру отцевъ, несмотря на признаніе власти Турецкой. Необходимость, огромной перевѣсъ внѣшней

(*) Подъ нами земля провалится и небо разверзится надъ нами, если я влюблюсь въ свата.

силы заставилъ его какъ и всѣхъ Сербовъ покориться и признать эту власть, но никогда Марко не измѣнялъ Сербамъ. Турецкое иго подвигло Сербовъ на военные подвиги, потому мысль объ освобожденіи составляетъ ту постоянную цѣль, къ которой они направлены. Но въ первое время эта мысль еще не была вполне сознанна. Потому Марко просто богатырь, — равно храбро дерется онъ и за Турокъ въ Аравіи и подъ стѣнами Багдада и противъ нихъ за Сербовъ. Между тѣмъ народное преданіе связываетъ съ нимъ по преимуществу мысль объ освобожденіи отъ Турецкаго ига. Марко Краевичъ есть поэтическое выраженіе Сербскаго воина; но все значеніе, весь смыслъ военныхъ подвиговъ Сербовъ, заключается въ мысли о сверженіи Турецкаго ига, потому она должна была необходимо соединиться съ лицомъ Марка, какъ полного выраженія воюющаго Сербскаго, не смотря на то что нигдѣ не замѣтно чтобы самъ Марко имѣлъ эту мысль и дѣйствовалъ для нее.

Въ такомъ характерѣ Марка, совершенно исчезаетъ его личность, онъ лице родовое и потому всѣ его дѣйствія не похожи на дѣйствія обыкновеннаго воина.

Такъ описывается въ пѣсняхъ его костюмъ. Вукъ Мадьяръ взялъ городъ Варадинъ и плѣнилъ Сербскихъ воеводъ. Изъ плѣна они писали къ Марку и просили выручить ихъ изъ бѣды. Марко отправился на своемъ Шарцѣ и подѣхавъ къ городу, подъ стѣнами привязалъ къ копыю коня и сѣлъ пить вино. Жена Мадьяра увидѣла его и такъ описывала мужу :

Сіеди юнакъ у полю широку
У ледину копље ударіо

За копље е коня привязао,
 А предъ нима стои тулумъ вина
 Не пие га чемъ се пие вино,
 Вечъ леченомъ о дванаестъ ока,
 Пола пие пола коню дае.
 Конь му ние каквино су коньи
 Вече шаренъ како и говеде;
 Юнакъ ние какви су юнаци:
 На плечима чуракъ одъ курыка
 На глави му капа одъ курыка
 Привезъ' о е мркомъ меджединомъ
 Нешто црно држи у зубама
 Коликъ ягне одъ пола године. (*)

Все особенное у Марка и пьетъ онъ не такъ какъ люди, но ковшомъ въ 12 окъ. Часто Турецкій Султанъ угощалъ его за подвиги и скоро въ Стамбулѣ ни оставалось ни капли вина. Однажды послѣ битвы Марко вздумалъ *кейфъ себѣ устроить* и въ нѣсколько дней выпилъ 300 вѣдеръ вина 50 ракій (водки). Сила Марка далеко превосходила силу всѣхъ; осаждая Варадинъ онъ одинъ побилъ 330 Мадьяръ и освободилъ плѣнныхъ воеводъ.

Како соколъ мечу голубове, показывался Марко на битвахъ. Турецкіе визири жаловались на него Султану, что нельзя имъ отличиться когда дерется Марко, онъ одинъ перебиваетъ всѣхъ, Султанъ имъ отвѣчалъ:

(*) Сидитъ юнакъ на широкомъ полѣ, въ землю вбилъ копье, къ коню привязалъ коня, передъ нимъ мѣхъ вина. Не тѣмъ онъ пьетъ, чѣмъ люди пьютъ, но ковшомъ въ 12 окъ, половину пьетъ половину коню даетъ. Да и конь не таковъ, каковы бываютъ кони, но пестрый какъ теленокъ, и юнакъ не таковъ какъ бываютъ юнаки, на плечахъ у него волчья бурка а на головѣ шапка изъ волка, перевязанная медведемъ, что-то черное въ зубахъ (усы), какъ будто ягненокъ полугодовалый.

Ево сютра данъ света неделя
Сютра Марко саблемъ несече ,
Но подъ чадоръ піе вино хладно
Да ви вижу мои витезови
Щтачете ми доніети главахъ. (*)

Но когда началась битва Турки были разбиты въ прахъ и только по полудни, когда выѣхалъ Марко рѣшилась битва въ пользу Султана. Его неугомонная сила иногда вредила ему, часто поссорившись съ Визирями Султана онъ перебывалъ ихъ. Въ наказанье за подобные поступки Султанъ посадилъ его въ тюрьму и долго въ ней томился Марко, цѣлые три года. Вспомнилъ про него Султанъ, когда вызывалъ чтобы кто нибудь наказалъ Мусу Албанца и никто не являлся. Пошли въ темницу и вывели полуживаго Марка.

Есилъ чегочъ у животу Марко,
спрашивалъ его Султанъ.

Есамъ царю але у ржаву, (**)
отвѣчалъ Марко.

И сталъ ему рассказывать Султанъ о Мусѣ Кеседжіа и спрашивалъ возмется ли онъ усмирить его. Марко отвѣчалъ что онъ ослабъ и теперь не знаетъ; ему нужно время собраться съ силою и тогда онъ скажетъ можетъ ли. Черезъ три мѣсяца снова спрашиваетъ Султанъ и Марко сталъ пробовать силу:

(*) Вотъ завтра воскресный день, завтра Марко не дерется; онъ подъ шатромъ пьетъ холодное вино, посмотрю мои визиріи, сколько вы принесете мнѣ головъ.

(**) Живъ ли ты Марко. Живу, но плохо.

Донеси ми сухе дреновине
Са тавана одъ десять година,
Да огледамъ може ли что быти. (*)

Ему принесли дерновое дерево, Марко переломилъ его на двое, но изъ дерева не полилась вода.

Богъ ми. Царе оште нѣ время, (**)

отвѣчалъ Марко. Такъ прошелъ еще мѣсяцъ и наконецъ проба удалась Марку, дерновое дерево, которое сохло 10 лѣтъ, дало воду, когда онъ сжалъ его. Тогда отправился Марко и на поединкѣ убилъ Мусу; но убивъ не могъ не признаться

^{1/2}Че погуби одъ себе болѣга. (***)

У мусы было три сердца и вооругъ одного обвилась змѣя.

Но смерть Мусы не прошла ему даромъ. Однажды онъ угощалъ гостей въ Призрѣнѣ: *Фала тебѣ Кралевичу Марко*, говорилъ ему одинъ старикъ монахъ:

Свега имашъ у біелу двору,
Юшь да имашъ рибе одъ Орида. (****)

Это замѣчаніе было непріятно Марку, но дѣлать было нечего; онъ поручилъ слугамъ угощать гостей и самъ пошелъ сѣдлатъ коня и поѣхалъ за рыбою. Когда онъ сѣдлалъ коня, мать говорила ему:

(*) Принесите мнѣ сухова дерева съ кровли дома, которое сохло 10 лѣтъ и тогда увидимъ что будемъ.

(**) Право царь не пришло еще время.

(***) Что убилъ сильнѣйшаго, нежели онъ самъ.

(****) Хвала тебѣ Марко всего вдоволь у тебя въ домѣ. только яѣтъ рыбы изъ Орида.

Не мой носить ништа одъ оружья
Ти си еси крви научію
Учинешъ крвцу у празднику. (*)

Это еще было непріятнѣе Марку, но не могъ же онъ не послушаться матери. Безъ оружія выѣхалъ онъ, въ поле и встрѣтилъ Турецкаго витязя, который спрашивалъ его дома ли Марко. Это былъ братъ Мусы, который хотѣлъ отмстить ему за смерть брата; Марко отвѣчалъ что не знаетъ. Тотъ поѣхалъ было въ Призрѣнъ, но Марко опасаясь за своихъ гостей воротился и сказалъ: вотъ Марко передъ тобою. Муса привязалъ его къ коню и хотѣлъ повѣсить; но куда не подѣзжалъ вездѣ жители умоляли не вѣшать возлѣ нихъ Марка, иначе постигнетъ ихъ несчастіе, откупались деньгами и заставляли ѣхать далѣе. Долго ѣздилъ онъ и утомился отъ жажды и хотѣлъ заколотъ Марка и напиться его крови. Стыдно юнаку пить кровь человѣка, отвѣчалъ Марко, вотъ подлѣ корчма; много разъ я пивалъ тамъ и ни разу не платилъ, теперь отмстить мнѣ корчемница. Муса повѣрилъ и вошли въ корчму, Марко далъ знакъ корчемницѣ, своей посестримѣ, и она подала Мусѣ семилѣтняго вина. Скоро онъ опьянѣлъ и заснулъ, Марко снялъ оковы и оковалъ его самого. Провезъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ его хотѣлъ повѣсить Муса, и возвратилъ всѣмъ деньги, имъ взятыя. Въ Оридѣ убилъ его и взялъ рыбы и благополучно возвратился домой.

(*) Не бери съ собой никакого оружія, ты привыкъ къ крови и убьешь кого нибудь въ праздникъ.

Пѣгой конь, шарець Марковъ, всегда раздѣлялъ всѣ его труды. И любилъ и лѣлѣялъ его Марко и не было лучшаго коня какъ шарець, какъ не было юнака храбрѣе Марка. Долго воевали они вмѣстѣ и славно жили; но вотъ однажды ѣдитъ Марко по приморью и видитъ что то грустенъ шарець и даже плачетъ,

То е Марку врло мучно было. (*)

И онъ сказалъ: вотъ уже сто и шесть лѣтъ какъ мы, конь мой не разлучались съ тобою, и никогда я не видалъ тебя грустнымъ, худо что ты грустенъ: мнѣ или тебѣ быть убитымъ. Какъ кончилъ Марко, горная вила отвѣчала ему:

Жали шарець тебѣ господара,
Ерѣ чети се брзо растанути. (**)

Я прошелъ всѣ города и страны отвѣчалъ ей Марко и не видалъ коня лучше шарца, а юнака храбрѣе меня :

Не мислимъ се са шарцемъ растати
Докъ е мое на рамену глава. (***)

Вила отвѣчала ему:

Побратиме кралевичу Марко,
Тебѣ никто шарца отеть нече,
Нимъ ти можешъ умріети Марко
Одъ юнака, ни одъ остра сабле,
Одъ топуза, ни одъ бойной копље,

(*) Это Марку очень горько было.

(**) Шарець жалѣетъ о тебѣ своемъ господинѣ, съ которымъ скоро разстанется.

(***) Не думаю я разстаться съ Шарцемъ пока на плечахъ моя голова.

Ти'с не боишь на землѣ никого,
Вечь чешь боланъ умирати Марко
Я одъ Бога. (*)

Если же не вѣришь моимъ словамъ, то подѣзжай къ рѣкѣ и взгляни въ нее, и тогда самъ увидишь правду ли я говорю. Марко подѣхалъ къ рѣкѣ, слѣзъ съ коня взглянулъ въ воду и увидалъ себя безъ головы. Заплакалъ онъ и говорилъ:

Лаживъ свете, мой ліене цвѣте
Ліенъ ти бѣше ма за мало года,
Та за мало три сотинъ година. (**)

Триста лѣтъ прожилъ Марко, но вотъ насталъ его послѣдній часъ. Вынулъ онъ саблю и отрубилъ голову Шарцу;

Да му шарецъ Туркамъ не допадне,
Да турцима не чини измена
Да не носе воде на Турака. (***)

Схоронилъ его, потомъ изломалъ свою саблю, чтобы не досталась Туркамъ и чтобы не хвалились Турки что получили ее отъ Марка и за это не проклиналъ бы его христіанинъ; на семь частей переломилъ копьѣ, бросилъ булаву въ море и такъ говорилъ ему:

(*) Побратинъ Кралевнчъ Марко, никто у тебя не отыметъ Шарца, и ты не умрешь Марко ни отъ сабли острой, ни отъ булавы и боеваго копьѣ, не можешь ты страшиться ни одного юнака на землѣ, но умрешь ты Марко по волѣ Божіей.

(**) Ложный свѣтъ, красивый цвѣтъ, хорошъ ты былъ да не на долго, только на 300 лѣтъ.

(***) Чтобы Шарецъ не достался Туркамъ, чтобы онъ не былъ измѣнникомъ и не возилъ воды на турецкій дворъ.

Кадъ мой топузъ изъ мора изшео

Одна' ваки дѣтичь постануо. (*)

Написалъ завѣшаніе, на три части раздѣлилъ золото, которое имѣлъ при себѣ: одну назначилъ часть тому кто похоронитъ его, другую для церкви, третью бѣднымъ и слѣпымъ.

Некъ слѣпе по свѣту ходе

Некъ спеваю и спомину Марко. (**)

Привязалъ къ дереву письмо, разослалъ подъ нимъ зеленую доламу, надвинулъ на глаза шапку, перекрестился легъ и умеръ. Долго онъ лежалъ мертвымъ, приходящіе боялись подойти думая, что онъ спитъ. Наконецъ два монаха нашли его тѣло и похоронили. Такъ прекратились подвиги Марка, онъ умеръ; но не прекратилась о немъ память народа и не умеръ онъ въ народной памяти. Марко спитъ, говорятъ Сербы и когда проснется—горе Туркамъ. Въ Болгаріи сохранилось нѣсколько особенныхъ преданій о смерти или лучше снѣ Марка. 300 лѣтъ дрался Марко и никогда не приходило ему въ голову, что въ битвѣ такой опасности подвержена жизнь человека. Но однажды пуля убила возлѣ него его побратима, опечалился Марко и подумалъ въ первые: пуля безъ силы, безъ боя, можетъ прекратить жизнь юнака. Поѣхалъ и бросилъ булаву свою въ море и мечъ вбилъ въ вершину горы, самъ легъ и умеръ въ пещерѣ, и Шарца взялъ съ собою. Когда море прибьетъ къ берегу булаву Марка, а мечъ

(*) Тогда явится мой преемникъ, когда моя булава выплыветъ изъ моря.

(**) Пусть слѣпые ходятъ по свѣту и воспѣвають память о Маркѣ.

пробьетъ гору и упадетъ въ пещерѣ къ ногамъ его, тогда проснется Марко и выгонитъ Турокъ изъ Европы. Какъ трауръ по немъ, говоритъ народная молва, Булгары носятъ черное платье.

Пѣсни о битвахъ начиная съ Косова поля, составляютъ второй кругъ Черногорскихъ пѣсенъ. Черноевичъ, Митрополитъ Даниилъ, и наконецъ всѣ послѣдующія произшествія воспѣты въ пѣсняхъ. Къ нимъ еще присоединяются пѣсни о замѣчательныхъ четахъ и подвигахъ отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ того существуютъ пѣсни о всѣхъ произшествіяхъ, связанныхъ болѣе или менѣе съ войною Сербовъ съ Турками. Такъ воспѣты почти всѣ Турецкія войны съ Россією и даже возстанія въ самой Турціи, какъ напримѣръ бунтъ Боснійскій. Сочинители этихъ пѣсенъ неизвѣстны, ихъ поетъ и слагаетъ весь народъ. Они писаны однимъ метромъ и поются съ акомпаниментомъ однострунныхъ гуслей. Въ Черногоріи поютъ всѣ и каждый, и нѣтъ особаго класса пѣвцовъ, какъ слѣпцы въ Сербіи. Особенно отличаются въ слаганіи пѣсенъ и пѣніи ускоки. Къ пѣснямъ иногда прилагаются особаго рода введенія и припѣвы, такъ напримѣръ:

Прва ріечь: боже намъ помогай

Друга вазда хоче, ако богъ да

На овоме мѣсту и свокоме

Домачину и у доме кому е,

А по томе брача моя драга

Ако умехъ пѣсню да ви кажемъ. (*)

(*) Первое слово: помоги Боже; второе, Божья воля, на всякомъ мѣстѣ надъ всякимъ домочадцемъ и надъ тѣми кто въ домѣ; а потомъ, братья драгіе пѣсню вамъ спою, какъ умѣю.

Почти всякая Черногорская пѣсня начинается слѣдующимъ образомъ:

Све за славу Бога великого
И во здравле Цара Русинскога
И нашего Владыки святого.

Иногда въ концѣ бываютъ особые припѣвы и почти всегда шуточные, въ родѣ слѣдующаго:

Одъ насъ пѣсня а помочь одъ Бога
Свакоему брату Ришчанину (Христіанину)
Текла вода и водица,
И текла е и тетиче
И около и кривудно
На свое че качъ озеро.

Такъ оканчивается пѣсня о сверженіи Русскими Татарскаго ига. Большою частію эти окончанія не имѣютъ никакого соотношенія съ содержаніемъ самой пѣсни и прибавляются какъ шутки. Вотъ еще образецъ припѣва:

Кукавица уловила Зеца
Было іой е до Божица мяса,
А на Божиць кости огмодала
Како една тако и последна. (*)

Кромѣ пѣсенъ въ Черногоріи есть и начатки нисѣмности. Первымъ писателемъ Черногорскимъ является покойный Владыка Петръ. Онъ составилъ исторію Черногоріи, которая доведена только до Митрополита Данила и напечатана въ Гр.лицѣ 1835 года. Онъ сочинялъ также и стихи, извѣстна его пѣснь въ честь Кара-Георгія, писанная по складу народныхъ пѣсенъ,

(*) Кукушка поймала зайца, до Рождества ей стало мяса, а на Рождество кости оглодала отъ первой до послѣдней.

отъ которыхъ отличается только рифмами. При немъ секретаремъ былъ Г. Милутоновичъ, извѣстный Сербскій поэтъ. Онъ много способствовалъ развитію письменности въ Черногоріи; собралъ и издалъ Черногорскія и Герцогивинскія пѣсни, которыя вмѣстѣ съ изданіемъ Вука Караджича, составляютъ довольно полное собраніе Сербскихъ пѣсенъ. Кромѣ того онъ написалъ поэму изъ Черногорской исторіи — *Дѣйка Черногорска*, которая состоитъ изъ ряду драматическихъ сценъ, обнимающихъ происшествія въ Черной горѣ отъ временъ паденія Сербскаго царства, до окончательнаго освобожденія Черногоріи при Данилѣ. Г. Милутиновичъ былъ воспитателемъ теперешняго владыки, который извѣстенъ между Сербами, какъ одинъ изъ лучшихъ поэтовъ. Еще въ первую молодость Владыка составилъ нѣсколько пѣсенъ, которыя только тѣмъ отличаются отъ пѣсенъ народныхъ, что извѣстно имя ихъ сочинителя. Къ числу этихъ пѣсенъ принадлежитъ прекрасная пѣсня о войнѣ Русскихъ съ Турками въ 1828 году. Въ 1834 году Владыка напечаталъ небольшое собраніе своихъ сочиненій подъ названіемъ *Пустыиникъ Цетински*, съ слѣдующимъ посвященіемъ:

Србинъ, Сербскомъ роду свое
Ово дѣлце, посвячуе,
Негово е ситнѣ цвѣче
По ливадъ правой Србства
И узрасло и побрато
И у вѣнаць роду дато. (*)

(*) Сербъ, Сербамъ своимъ единоплеменникамъ, посвящаетъ это сочиненіе, котораго цвѣты выросли на родной Сербской почвѣ и собраны для вѣнка Сербамъ.

Въ немъ десять стихотвореній; большая часть изъ нихъ писаны на разные случаи: — на день рожденія Императора Николая Павловича, Наслѣдника и проч. Изъ нихъ замѣчательны особенно два: *Черногоорецъ ко всемогущему Богу* и *зароблѣнъ Черногорацъ одъ Виле*. Последняя довольно большая поэма; вотъ ея содержаніе: Однажды вѣчеромъ, по обычаю, легъ пастухъ спать подъ деревомъ. Никого не было съ нимъ, лишь его стадо, да ружье, да пистолеты и кинжалъ. Не спалось ему и взялъ онъ гусли и началъ пѣть юнацкіе пѣсни, и внезапно заснулъ и также внезапно проснулся и увидалъ вокругъ себя странныя явленія: вдругъ занялась заря на востокъ и взошло солнце, но потомъ оно исчезло и снова наступила ночь. Къ нему слѣтела дѣвица прекрасная, не бояся меня говорила ему,

Ни самъ диво, ни тво неприятель,
Вечемъ твоя богомъ посестрима
Одъ Ловчена Црногорска вила. (*)

Увѣнчала цвѣтами его коня, покрыла блестящимъ покрываломъ, посадила его на коня и быстро вмѣстѣ съ нимъ полѣтела на вершину Ловчина. Чудное зрѣлище увидѣлъ тамъ Черногоорецъ. Въ свѣтлой одеждѣ, на тронѣ сидѣла Царица, въ ея взглядѣ блистала радость, вокругъ нее стояли толпы народа. Надъ ними носился вѣнецъ, соколы и орлы схвативъ его возложили на голову Царицы и слышалась пѣсня:

(*) Я не дивъ и не твой неприятель, но твоя посестрима, съ Ловчина Черногорская вила.

Мачь и храбрость сильнаго Душана
И ваятность Србахъ витизовыхъ,
Одъ Булгарахъ съ кровлю тешкомъ оте,
Вънаць славе и ныне државе
Нымъ те матерь Србію крунимо. (*)

Все ликовало, какъ вдругъ веселая картина превратилась въ печальную. Стало темно, раздались вопли и стоны вмѣсто звуковъ музыки и пѣсень. Заплакали глаза царицы, завяли и склонились печально цвѣты ея вѣнца, и покрылись кровью. Пролилась кровь потомка великаго Немана, цареубійца сѣлъ на престолъ Сербскій, рядъ несчастій постигъ Царство. Грустно пѣли Вилы, но изрѣдка начинали звучать и веселыя пѣсни, пѣсни о битвахъ Черногорцевъ съ Турками, на вѣнцѣ у Царицы мало по малу исчезали слѣды крови и ожили и зацвѣли нѣсколько цвѣтовъ; пѣсни звучали громче и громче и слышался голосъ самой царицы:

Стидъ ми живетъ вѣчь не дае,
Кадъ помислимъ тужна мати,
Да ми османъ законъ дае
Ахъ докле че тако стати. (**)

Тутъ выражена основная мысль всей Сербской поэзіи нашего времени. Владыка готовитъ къ изданію цѣлую

(*) Мочь и храбрость сильнаго Душана кровавымъ трудомъ отняли отъ Булгаръ венецъ славы и господства, имъ коронуемъ тебѣ мать Сербію.

(**) Стидъ мѣшаетъ мнѣ жить, когда подумаю что Турокъ предписываетъ мнѣ законъ. Ахъ долго ли это будетъ продолжаться.

поэму изъ исторіи Черногоріи. Вотъ стихи которые написалъ онъ въ мой альбомъ:

Добро къ нама доша, ты путниче милый
Изъ Москве велике, изъ Москве преславне,
Изъ свѣтине обще сильнаго Славянства.
Каква те е судьба къ нами довіела,
Мечу наше горе у нашу свободу,
Уздигнуту крвию праотацахъ свѣтомъ?
Ахъ, да збиля ніе судьба ти слена,
Нити нагонъ пута мечу насть довео,
Него чиста любовь што смо брача славы,
Што намъ сердце тука кровь по роду одну,
Што у олтарь еданъ на жертву идемо,
То дотегли тебе, друго нашта къ нама. "
Ахъ, како су свеза милогъ родства яке! (*)

Нѣсколько изъ его стихотвореній было помѣщено въ Календаръ Черногорскомъ Грлица (горлица), который издается съ 1835 года, Секретаремъ Владыки Г. Милановичемъ. Вышло уже пять книжекъ, въ немъ помѣщено окончаніе исторіи Черногоріи Владыки Петра I. Это окончаніе начиная съ Владычества Даніила и до смерти покойнаго Владыки составлено Г. Милаковичемъ. Тамъ же находится краткое статистиче-

(*) Привѣтъ тебѣ путникъ, пришедшій изъ славной, великой Москвы, изъ общей святыни сильнаго Славянства. Какая судьба привеза тебя къ намъ въ наши горы, въ нашу свободу воздвигнутую кровію, по завѣту отцевъ. Нѣтъ не слѣзная судьба не случайность путешествія привеза тебя къ намъ, но любовь: — мы всѣ братья славы, въ нашемъ сердцѣ течетъ однородная кровь, къ одному алтарю мы идемъ молиться. Вотъ что, а не другое привело тебя къ намъ. Какъ сильны связи родства.

ское и географическое описаніе Черной горы, имъ же составленное и описаніе округовъ Каттарскаго и Рагузскаго. Въ новое время при заведеніи училищъ явилась потребность учебныхъ книгъ, съ этою цѣлю Г. Милаковичъ издалъ Сербскую Грамматику. Этимъ пока ограничивается письменность Черногоріи.

ГЛАВА IV.

Исторія Черногоріи со времени ея отдѣленія отъ Сербскаго Царства до смерти Владыки Петра 1-го.

Во время существованія Сербскаго Царства, Черногорія составляло одну изъ его областей. Оно называлось Превалою, а послѣ Зетою, раздѣлялось на горную и дольную и управлялось Банами родственными Дому Неманьича, сидѣвшему на Сербскомъ Престолѣ. Когда сей Княжескій родъ прекратился и цареубійца Вукашинъ Мернявичъ началъ княжить въ Сербіи, Черногорія отложилаь. Не признавая власти Вукашина, Черногорцы избрали своего отдѣльнаго Князя изъ рода Бальшича, почетнаго между ними и родственнаго по женской линіи съ домомъ Неманьича. Съ этого времени начинается новая эпоха въ Исторіи Черногоріи, или, лучше, собственно съ этого времени начинается отдѣльная и самостоятельная ея Исторія.

Когда, по смерти Вукашина, Сербія избрала Царемъ Лазаря Гребляновича, Зета снова соединилась съ нею;

но удержала право управляться по своимъ обычаямъ и имѣть своихъ Бановъ. Современникомъ Лазаря былъ Зетскій Банъ Бальшъ или Баоша, женатый на его дочери (*). Есть преданіе, что Баоша, и послѣ того, какъ Сербы избрали Царемъ Лазаря, не хотѣлъ присоединиться къ Сербіи. Три раза онъ воевалъ съ Лазаремъ и три раза побѣдилъ его; но увидѣвъ его дочь, полюбилъ ее и, женись на ней, покорился Сербіи.

Недолго однакоже продолжался этотъ союзъ. Султанъ Амуратъ, разбивъ соединенныя Сербскія войска при Косовѣ (въ 1389), покорилъ Сербію. Въ этой битвѣ палъ Царь Лазарь, и Султанъ Амуратъ былъ убитъ Воеводою Сербскимъ Обилевичемъ. Баоша велъ войска на помощь Сербамъ, и на дорогѣ узнавъ о паденіи Сербіи и смерти Лазаря, возвратился назадъ, умножилъ войско и на границахъ ждалъ появленія Турокъ. Но смерть Амурата на время отсрочила походъ на Зету, и Турки ограничились небольшими нападеніями на границы, которыя были счастливо отбиты Черногорцами.

У Баоши былъ сынъ Стефанъ или Стратимиръ. Преданіе говоритъ, что онъ родился смуглымъ и мать, взглянувъ на него, сказала: «Ахъ! црно ми самъ діете родила!» Отъ того Стефанъ былъ прозванъ чернымъ и весь родъ его назывался Черноевичами.

Стефанъ наследовалъ отцу. Онъ былъ современникомъ Георгія Кастріота, прозваннаго Скендеръ-Бегомъ. Пока Кастріотъ защищалъ Эпиръ и Албанію отъ Турокъ и тѣмъ разобщалъ Черногорію и часть Герцего-

(*) Не извѣстно навѣрное ея имя; одни называютъ ее Деспиною, другіе Марією и Еленою.

вины, сосѣднюю Адриатическому приморью, Турецкія силы не могли непосредственно дѣйствовать на эти страны. Въ Герцоговирѣ образовалось небольшое независимое Государство, гдѣ владѣлъ Герцегъ Стефанъ. Онъ построилъ крѣпость Клобукъ, близъ Требина, и основалъ въ ней столицу. Стефанъ Черноевичъ былъ всегда въ союзѣ съ Герцегомъ Стефаномъ и Георгіемъ Кастріотомъ; его сынъ Андрей, прозванный Арванитомъ храбрымъ, съ дружиною Черногорцевъ, постоянно дрался съ Турками въ войскѣ Георгія. По смерти Кастріота, Султанъ Мехмедъ, завоевавъ Имперію Греческую, покорилъ своей власти весь Эпиръ и Албанію. Всѣ силы Турецкія устремились на Черногорію и небольшую Державу Герцега Стефана. Въ это время умеръ Стефанъ Черноевичъ и ему наслѣдовалъ сынъ его Иванъ, знаменитый въ преданіяхъ Черногорцевъ тѣмъ, что онъ положилъ основаніе ихъ вольности. 1345 года Турецкія войска встрѣтили соединенныя дружины Черногорцевъ и Герцеговцевъ у Хотскихъ горъ и разбили ихъ. Вскорѣ вся Держава Стефана подпала власти Турокъ. Теперь сохранился только городъ Клобукъ — одна изъ сильнѣйшихъ Турецкихъ крѣпостей на Черногорскихъ гранацахъ, да имя Герцеговина. Эта страна составляла часть Босніи и прозвалась Герцеговиною въ слѣдствіе Герцегскаго титула Стефана — какъ владѣніе Герцега.

Иванъ Черноевичъ, видя невозможность защитить отъ Турокъ дольную Зету, оставилъ свою прежнюю столицу Жаблякъ и удалился въ горы. Не надѣясь одними собственными силами защититься отъ непріятеля,

онъ поѣхалъ искать помощи у Западныхъ Державъ, поставивъ своимъ Намѣстникомъ своего сына Арванита. Между тѣмъ какъ Иванъ вездѣ получилъ отказъ, Арванитъ храбро защищалъ Черногорскія границы и отражалъ Турокъ. Когда Иванъ возвратился, онъ уже ясно понималъ, что Черногорцамъ нѣтъ никакой надежды на другихъ, и если они могутъ защищаться, то единственно своими силами отъ грозной силы Турокъ, ужасавшей тогда всю Европу. Онъ рѣшился защитить Черногорскую свободу; собралъ народъ и издалъ слѣдующее указаніе: «вѣчный бой съ Турками, и ни одинъ Черногорецъ во время битвы не можетъ самовольно оставить своего мѣста, или бѣжать назадъ; таковой да не имѣетъ чести и почтенія между собратіями; онъ будетъ одѣтъ въ женскую одежду, въ руки дадутъ ему куделю и женщины куделями должны прогнать его по всѣмъ городамъ и селамъ Черногорскимъ, какъ измѣнника.» Учредивъ столицу и Митрополию въ Цетинѣ, Иванъ сталъ укрѣплять границы.

Каттарскій Округъ въ это время былъ уже подъ покровительствомъ Венеціи. Видя положеніе Черногоріи, сильнѣе начала дѣйствовать Венеціанская власть и вмѣстѣ съ тѣмъ Римскокатолическая Пропаганда. Желая навсегда прекратить связи Приморцевъ съ Черногорією, Венеція рѣшилась уничтожить Православіе въ Приморьѣ и всѣхъ жителей обратить въ Латынство. Для этой цѣли они поступили слѣдующимъ образомъ. Близъ Каттаро былъ знаменитый Православный монастырь Превала, построенный еще Стефаномъ первовѣчнымъ, Царемъ Сербскимъ. Этотъ монастырь былъ сре-

доточіемъ Православія. Римскіе Католики отравили здѣсь вдругъ 72 монаха и потомъ разрушили самый монастырь.

Черногорцы въ это время воевали съ Турками на Албанскихъ границахъ и не могли защитить своихъ со-
братій въ Приморьѣ. Чернсевиць, опасаясь, чтобы подобныя бѣдствія не постигли и Черногорію, которая постоянно находилась въ сношеніяхъ съ Приморьемъ, рѣшился опредѣлить свои границы отъ Бара до Герцеговины, и заключилъ объ этомъ договоръ съ старшинами обласи Каттарской.

Между тѣмъ главныя силы Турціи были отозваны воевать въ другихъ мѣстахъ Имперіи. Испытавъ уже нѣсколько разъ храбрость Черногорцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣрены въ томъ, что если не нынѣ, то завтра можно покорить эту маленькую область, Турки отложили окончательный походъ на Черногорію. Султанъ Мехмедъ прямо причелъ ее къ своимъ областямъ, какъ часть Скутарскаго пашалыка, и поручилъ Санджакъ-Бею, Пашѣ Скутарскому, покорить и владѣть ею. Его нашествія счастливо отразилъ Черноевиць и укрѣпилъ границы со стороны Албаніи. На рѣкѣ Ободѣ, впадающей въ Скутарское озеро, онъ построилъ крѣпость.

У Ивана было два сына: Георгій и Стефанъ, прозванный Станишею. Первый, по смерти отца, сдѣлался владѣтелемъ Черногоріи, а второй, взявъ съ собою нѣсколько Черногорцевъ, отправился къ Султану. Завидуя брату, онъ пошелъ просить, чтобы Султанъ отдалъ ему Пашалыкъ Скутарскій, обѣщаясь тогда поко-

рить и Черногорію его власти. Султанъ обѣщалъ исполнить его требованіе только въ такомъ случаѣ, когда Станиша приметъ Исламизмъ, и онъ принялъ его. Но ему не удалось его предпріятіе: Черногорцы его отвергли.

Преданіе говоритъ, что Станиша послѣ раскаялся въ своемъ поступкѣ и умеръ монахомъ; народная же пѣсня повѣствуетъ, что Станиша, по возвращеніи своемъ, когда Черногорцы его не приняли, пытался было остаться въ Скутари; но Паша и тамъ не далъ ему мѣста, опасаясь соперничества. Тогда Станиша поселился въ селѣ Бушатѣ и отъ него произошелъ родъ Бушатлиевъ, славный въ Турецкой исторіи.

Георгій Черноевичъ продолжалъ защищать границы и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о просвѣщеніи своей родины. Онъ учредилъ типографію и печаталъ церковныя книги, которыя прежде Черногорія получала изъ Сербіи или Приморья. Теперь Приморье было подъ властію Венеціанъ, и самимъ Приморцамъ запрещено было печатать эти книги, а Сербія находилась во власти Турокъ.

Георгій былъ женатъ на Венеціанкѣ Маріи, изъ рода Мочениго, и не имѣлъ дѣтей. Въ старости онъ рѣшился оставить Черногорію и уѣхалъ въ свои владѣнія въ Италію. На свое мѣсто онъ предложилъ народу Митрополита Германа, и народъ согласился. Съ этого времени начинается власть Митрополитовъ въ Черной горѣ. Турки, услышавъ объ этомъ происшествіи измѣнили свою политику и стали дѣйствовать по примѣру Венеціи. Подарками и деньгами склоняли они Черногор-

цевъ къ принятію Исламизма, и между тѣмъ частыми набѣгами вытѣсняли ихъ изъ долинъ и сосредоточивали болѣе и болѣе въ безплодныхъ горахъ. При Митрополитахъ Германѣ, Павлѣ, Василіѣ и Никодимѣ эти мѣры мало удавались. Когда же, по смерти Никодима, Черная Гора осталась безъ Митрополита, Турки начали дѣйствовать рѣшительнѣе.

Черезъ каждые 7 лѣтъ пріѣзжалъ въ Черную Гору Патріархъ Сербскій, который ставилъ имъ Митрополитовъ. Еще много лѣтъ оставалось до его пріѣзда. Турки не позволяли Греческому Патріарху поставить Черногорцамъ Митрополита, а съ другой стороны Венеціане не допустили Черногорскихъ Пословъ проѣхать къ Сербскому Митрополиту. Въ это время Скутарскій Паша, подкупивъ нѣкоторыхъ отуречившихся Черногорцевъ провести Турецкія войска въ Ободъ, завладѣлъ этою крѣпостью и вмѣстѣ съ тѣмъ Рѣцкою Нахією и базаромъ, единственнымъ въ то время въ Черногоріи, и тѣмъ лишилъ ее почти всякихъ средствъ пропитанія. Въ такомъ положеніи были Черногорцы до Митрополитовъ Висаріона и Саввы. Во время Саввы (въ 1623 году) Венеція начала войну съ Турками, и пригласила Черногорцевъ соединиться съ нею противъ общаго врага. Черногорцы соединились. Зано Грибичъ съ полутысячами Венеціанцевъ вступилъ въ Черногорію и соединился съ ея войсками. Но лишь только Сулейманъ Паша Скутарскій напалъ на нихъ во время самаго боя, Венеціанцы удалились въ свои предѣлы и выдали Черногорцевъ. Сулейманъ овладѣлъ Петинскою долиною и, разрушивъ монастырь, удалился въ крѣпость Ободъ.

Въ это время умеръ Митрополитъ Савва, и Черногорцы избрали Даніила.

Со времени Митрополита Даніила начинается новая эпоха въ Исторіи Черногоріи.

До сихъ поръ Черногорія была страною богатою образцами храбрости, любви къ родинѣ, ея свободѣ и независимости; однакожъ эта страна не представляла стройнаго цѣлаго, полнаго въ себѣ самомъ, обѣщающаго будущее Государство. Она колебалась между властію Венеціи и Турціи. Черногорцы всегда помогали Венеціи въ войнахъ ея съ Турками, почитая братьями подвластныхъ ей Приморцевъ и желая пріобрѣсти въ ней союзницу и защитницу отъ Турокъ. Но многіе опыты наконецъ разубѣдили Черногорцевъ въ этой надеждѣ. Между тѣмъ Турція начинала угрожать Черногоріи не только внѣшнею силою, но и нравственнымъ вліяніемъ; многіе Черногорцы, привлекаемые и силою и внѣшними выгодами, переходили на сторону Турокъ, становились потурченками, говоря языкомъ Черногорцевъ, т. е. подчинялись власти Турокъ и принимали Магометанскую Вѣру. Число вѣрныхъ Черногорцевъ уменьшалось и разобщалось; Исламизмъ проникъ почти всюду въ Черногорію и особливо въ Берду; одна Катунская Нахія вполнѣ хранила преданія отцевъ. Разновѣріе породило взаимную вражду между Черногорцами, усилило кровавую месть, если не произвело, и грозило наконецъ полнымъ уничтоженіемъ Черногоріи.

Въ такое время Даніиль, союзникъ Петра Великаго, сдѣлался Митрополитомъ Скендерскимъ и Владыкою Черногоріи.

Его предки, по взятіи Герцеговины Турками, удались въ Черную Гору и поселились въ Катунской Нахѣ, на скатахъ Ловчина. Село называли Нѣгоши, по имени горы въ Герцеговинѣ, у которой они жили прежде. Ихъ родъ раздѣлился въ послѣдствіи на два и назвался по имени двухъ главныхъ родоначальниковъ Раича и Херака — Хераковичами и Раичевичами, а имя Нѣгошъ стало общимъ прозвищемъ обѣихъ вѣтвей. Даниилъ происходилъ изъ рода Хераковичей. Еще ребенкомъ онъ тайно ушелъ отъ родителей въ монастырь Петинской; тамъ былъ постриженъ монахомъ и принялъ имя Даниилъ, вмѣсто прежняго Нѣйко (Николай). Старшій братъ Даниила Лука Петровичъ, прозванный Радомъ, былъ въ это время главнымъ Сердаремъ; его любилъ и уважалъ народъ, и потому желалъ, чтобы братъ его сдѣлался Владыкою. По смерти Саввы (1697), народъ собрался въ Петинѣ и избралъ Даниила. Ему было не болѣе 16 лѣтъ; когда пришли его звать въ народное собраніе, онъ отказывался и плакалъ. Воевода Драго Вукотичъ почти насильно вывелъ его на средину долины, и 3 тысячи выстрѣловъ привѣтствовали его какъ Владыку. Черезъ три года, его послали въ Венгрію, въ Сечуй, гдѣ Сербскій Патріархъ Арсеній IV Черноевичъ (родомъ Черногорецъ, изъ Баицы) рукоположилъ его Архіереемъ и на соборѣ передалъ его попеченію Епархію Скендерскую (*). О первыхъ годахъ

(*) Въ Исторіи Черногорья Милутиновича (Бѣлградъ 1835 стр. 30 и сл.) находится грамота Арсенія, данная Даниилу. Любопытно въ ней описаніе Скендерской Епархіи: «въ ней же именуются мѣста сіи, Прѣвсе Црна Гора и племе Грбаль, Пашроевича, Крѣто-

его владычества почти нѣтъ извѣстій; вѣроятно правленіе было болѣе въ рукахъ его брата. Слѣдующее происшествіе вывело Даніила на попріще дѣйствія, и съ этого времени вся Исторія Черногоріи, современная ему и будущая, тѣсно связана съ его лицомъ. Народная пѣсня, воспѣвающая это происшествіе, нѣсколько разногласитъ съ другими преданіями.

Зетскій Священникъ Іовъ, видя какъ сильно распространяется Магометанство, собираетъ на совѣтъ Зечанъ и говоритъ имъ:

О Зечане, ядна брача драга
 Что хочемо отъ живота свога?
 Не имамо Церкви ни Закона,
 Но погиге Лазарь у Косово
 А клетъици прискочише Турцы,
 Развалише церкве и олtare,
 Оградише све Турское мунаре (*).

Чтобы противодѣйствовать распространенію Магометанства, онъ убѣдилъ ихъ построить Православную Церковь. Сейчасъ были собраны деньги и отправлены послы къ Скутарскому Пашѣ испросить позволеніе. Паша позволилъ и скоро быма построена церковь; оставалось освятить ее. Снова отправились къ Пашѣ съ просьбою вызвать Владыку Даніила, чтобы онъ освятилъ имъ церковь. Паша писалъ къ Владыкѣ:

ли, лужица и градъ Баръ, градъ Скадаръ и градъ Уцинь и градъ Подгорица и Жаблякъ и въ племе Зета и Кучи, Вьсоевиче, Братоножиче, Пинери и Бѣлопавличи съ всеми Вароши и сіюлы.»

(*) «Братья Зечане! что намъ за жизнь, нѣтъ у насъ ни Церкви, ни закона. Съ тѣхъ поръ, какъ при Косовѣ погигъ Царь Лазарь, пришли проклятые Турки, разрушили алтари и церкви и настроили своихъ минаретовъ.»

Чуй Владыко черный калуджере
Я ти Паша твердо вѣру даемъ,
Дойд' Владыко Зети земли равной
Да у Зету свешташъ церкву малу,
Ево ти е даемъ на поклону
Зету равна и Берда остала
Да имъ чинишъ церковни начине. (*)

Владыка, обнадеженный обѣщаніемъ Паши, хотя и не вѣрилъ Турецкому слову, но рѣшился —

Ради Вере и закона свога

ѣхать въ Зету; онъ опасался измѣны и отбѣзжая говорилъ :

Богъ да знаде хочу л' игда дойди. (**)

И его предвѣщаніа сбылось: во время Литургіи Турки схватили его и начали мучить. Такъ рассказываетъ народная пѣсня обстоятельства, предшествовавшія плѣну Владыки, между тѣмъ какъ Г. Милутиновичъ передаетъ другое преданіе.

Въ это время пріѣхалъ въ Подгорицу Посланникъ изъ Константинополя Демиръ-Паша, съ цѣлію прекратить войны на границахъ и присоединить Черногорію. Онъ собралъ жителей Зеты и послалъ ихъ къ Владыкѣ просить его къ себѣ для переговоровъ. Владыка отказывался, но Зечане увѣрили его словомъ въ безопасности и онъ поѣхалъ. Демиръ-Паша самъ вышелъ ему на

(*) Слушай Владыка, черный монахъ, положиись на мое слово, пріѣзжай въ дольную Зету, освѣти тамъ небольшую церковь, за то я позволю тебѣ вѣдать въ духовныхъ дѣлахъ и дольную Зету и Берду.

(**) Богъ знаетъ, возвращусь ли я.

встрѣчу, принялъ ласково; но потомъ, видя, что Даниилъ не соглашается на его предложенія, предалъ его мученіямъ. Описаніе мученій и потомъ освобожденія одинаково рассказываютъ и пѣсня и преданіе.

Даниилу привязали назадъ руки къ дубовому колу и отъ Подгорницы повели къ Спужу, говоря, пусть выберетъ самъ себѣ мѣсто для казни. Такъ нѣсколько дней водили его взадъ и впередъ, а ночью подвязывая подъ руки веревку, привѣшивали къ стѣнѣ, чтобы не ушелъ. Іовъ тайно прокрадывался къ нему и на плечахъ поддерживалъ его. Такъ переносилъ мученія Черногорскій Владыка; но такой поступокъ возмутилъ Зечанъ. Они пришли къ Пашѣ, умоляли отпустить Даниила и принять выкупъ.

Не мой Пашо за Бога едного.
Не мой Пашо изгубить Владыку!
Не мой Зету землю отравити
Е ти нигда ништа родить нече,
А сувише изгубицешъ вѣру
Но ходи га верзи на откупе
Узми блага, колико ти драго. (*)

Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ согласился взять 600 пехиновъ. Зечане и Черногорцы собрали 300, а другіе 300 заняли у Митрополита Герцеговинскаго Савватія, жившаго въ Кастель-Ново, и выкупили Даниила.

(*) Не губи Паша, ради Бога, не губи Владыку, ты отравишь нашу землю, никогда ничего не будетъ родить она, а болѣе того ты нарушишь слово. Отпусти за выкупъ Владыку, возьми сколько хочешь денегъ

Лишь только возвратился Данилъ, какъ собралъ на вѣче всѣхъ Черногорцевъ и Зечанъ въ Цетинъ и такъ говорилъ имъ: (*) «Видите ли, что сдѣлали Потурченки; если вы желаете свободы и независимости вашей родины, то должны истребить всѣхъ Магометанъ внутри Черногоріи.» Это предложеніе было принято и Черногорцами и Зечанами. Подъ Рождество Христово съ вечерней зари началось избіеніе; однихъ убивали, другихъ перекрещивали и къ утру уже не оставалось ни одного потурченка въ Черной Горѣ.

Съ этого времени образъ дѣйствія Митрополита Данила перемѣнился. Въ отношеніи къ Венеціи онъ повелъ себя гораздо независимѣе, нежели его предшественники, а съ Турками сталъ въ явную вражду, какъ бы сознавая свои силы. Въ 1706 году, разбивъ Герцоговцевъ, онъ многихъ взялъ въ плѣнъ, и рѣшился принять выкупъ тогда, когда Турки-Магометане согласятся заплатить ему за голову по свинѣ, — и Турки согласились. Это презрѣніе показываетъ, что Данилъ уже сознавалъ свою силу. Упрочивъ свою область въ отношеніи внѣшнемъ, Владыка занялся внутреннимъ устройствомъ: онъ построилъ монастырь Цетинскій, предъ нимъ разрушенный Турками, и заботился о внутреннемъ порядкѣ. Но вскорѣ новыя обстоятельства вызвали его къ войнѣ съ Турками и помогли еще болѣе упрочить независимость Черногоріи.

Петръ Великій объявилъ войну Туркамъ. Бывшій въ Русской службѣ Графъ Владиславлевичъ, уроженецъ

(*) Его рѣчь приводитъ Владыка Петръ въ своей Исторіи Черногоріи Грлица 1835, стр. 71.

Герцеговинскій, знавшій и Владыку и Черную Гору, подалъ мысль Петру соединиться съ Черногорцами, заставить ихъ ударить на Албанію и тѣмъ отклонить отъ войны съ Россіею храбрыхъ Албанцевъ. Въ 1711 году прибыли въ Черную Гору Русскіе Посланники Полковникъ Мих. Милорадовичъ, родомъ изъ Герцеговины, и Капитанъ Иванъ Лукашевичъ, Подгоричанинъ, съ грамотами отъ Петра Великаго на имя Владыки Данила и брата его Луки Петровича. Въ грамотахъ сказано, что Россія начинаетъ войну съ цѣлю: «утѣсненныхъ Православныхъ Христіанъ, если Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить, на которую войну полагаемъ крайніе наши таланты и съ любезновѣрными и искусными нашими войсками самоперсонне выступаемъ противъ врага Вѣры: ибо всѣмъ добрымъ чистымъ и кавалерскимъ Христіанскимъ сердцамъ должно есть, презрѣвъ страхъ и трудности за Церковь и Православную Вѣру, не токмо воевати, но и послѣднюю каплю крови проліяти, что отъ насъ по возможности нашей и учинено будетъ. Того для, въ нынѣшнее отъ Бога посланное время, пристойно есть вамъ древнія свои славы обновити, союзившись съ нашими силами, и единокупно на непріятеля вооружившись, воевать за Вѣру и отечество, за честь и славу вашу, за свободну вашу и наслѣдниковъ вашихъ» (*) — «да имя Христово вѣще прославится, а поганина Магомета наслѣдники прогнаны будутъ во старое ихъ отечество, во пески и степи Аравійскія (**). Лишь только прибыли Послани-

(*) Смотр. Грлица 1835, грамота Данилу, стр. 78.

(**) Тамъ же грамота Вуку Петровичу, стр. 85.

ки въ Черную Гору, Владыка собралъ весь народъ и такъ говорилъ имъ: Мы, братья Черногорцы, слыхали, что Богъ знаетъ, какъ далеко, гдѣ-то на Сѣверѣ, есть Христіанскій Царь. Всегда мы желали узнать о немъ и его Царствѣ, но заключенные въ горахъ, ни отъ кого не могли получить извѣстій. Донынѣ, мы думали, о насъ, маленькой общинѣ, окруженной змѣями и скорпіонами, не можетъ онъ знать и Посланники его не могутъ прійти къ намъ. Но вотъ мы видимъ его Посланниковъ, вотъ его грамоты въ нашихъ рукахъ, не съ чужими Посланниками говоримъ, но съ нашими братьями Сербами и они сказываютъ намъ, что есть Петръ I Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и его Царство Богомъ благословенно, сильно и пространно отъ всѣхъ Царствъ свѣта; онъ ратуетъ съ Турками и не ищетъ другой славы, какъ освободить церкви и монастыри Христовы, воздвигнуть на нихъ крестъ и родъ Христіанскій избавить отъ тяжелаго ига Турецкаго. Мы должны молить Бога, да будетъ ему помощникомъ, а сами, взявъ оружіе и соединившись съ нимъ, идти противу общаго врага. Мы съ Русскими одной крови и одного языка. Вооружитесь, братья Черногорцы, и я, не жалѣя, ни имущества, ни жизни, пойду съ вами на службу Царю Христіанскому и нашему Отечеству, моля преблагаго Бога да молитвами Пречистой Своей Матери и всѣхъ Святыхъ, будетъ намъ помощникъ и путеводитель. (*)» Сказавъ эту рѣчь, Митропо-

(*) Эта рѣчь заимствована изъ Исторіи Черногоріи Петра I Петровича, Владыки Грлица 1835. 74 и 5.

литъ представилъ Посланниковъ народу и прочиталъ царскія грамоты.

Черногорцы какъ то разумѣли, — говоритъ народная пѣсня, воспѣвающая это происшествіе

Сви кликнуше и единогласно:
Фала да е Богу великоме,
Те смо кнѣиге ове видѣли
Одъ нашего Царя Славинскога,
Словинскога по и Рицанскога;
Ерь ніесмо нигда помышляли,
То да чемо мы кадъ доживіети,
Да познамо Цара Православна.
Нако негде да е у свѣту,
Да онъ за насъ ни чути не може;
А кадъ чуо и занаске знаде
Ево наше сабле при поясу.
Ево наше пушке у рукама
Садъ и вазда справны и готовы
Сви еданакъ срѣца веселога
На овій часъ удрити Турцима;
И што брже, то е нама драже
Штѣе прежде, то е нама сладже. (*)

Переписали грамоты и послали ихъ въ Боснію и Герцеговину, приглашая всѣхъ Православныхъ соединить-

(*) Милутиновича Исторія Чер. стр. 52 и 3. Когда сіе услышали Черногорцы, всѣ воскликнули единогласно: «Слава великому Богу; мы видѣли письма отъ нашего Царя Славянскаго и Православнаго. Никогда мы не помышляли дожить до того времени, когда узнаемъ о немъ. Мы слышали, что живетъ онъ на свѣтѣ тамъ, гдѣ и слышать ему о насъ невозможно. Когда же онъ услышалъ и знаетъ о насъ, вотъ наши сабли при поясѣ, вотъ наши ружья въ рукахъ, мы исправны и готовы съ веселыми сердцами ударить на Турокъ; чѣмъ быстрее, тѣмъ намъ лучше, чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе.

ся съ Черногорцами и за одно ударить на Турокъ. Скоро собралось войско и двинулось къ границамъ.

Не бы рѣки, драгій побратиме,
Да се иде съ Турцемъ боя бити,
Но на игру хладно вино пити
И веселе пѣсни запѣвати. (*)

Всѣ села отъ Спужа до Скутари были взяты и сожжены.

Но веселе оно не траяло
Неко само мѣсяцъ и полъ данахъ
Негосе е брзо обратило
На Сербальску жалость и несречу;
Ербо худи гласи допадоше. (**)

Пришло извѣстіе, что Петръ I заключилъ миръ съ Турціею при Прутѣ. Полковникъ Милорадовичъ, который во все это время былъ въ Черной Горѣ, собралъ народъ, оставилъ имъ грамоту и удалился въ Россію (***).

(*) Не сказалъ бы ты, милый братъ, что идутъ съ Турками биться, но на пированіе пить холодное вино и пѣть веселыя пѣсни.

(**) Но сіе веселье не долго продолжалось, только мѣсяцъ съ половиною, и скоро обратилось въ несчастіе и грусть Сербамъ, ибо худыя пришли вѣсти.

(***) Въ грамотѣ онъ благодарилъ ихъ за храбрость и жаловалъ— за садашню вѣрну службу допускаемо имъ сваку слободу да су свое властни, да не маю надъ собомъ Господаря токмо Цара (Петра) и другу меньшу Господу и Офицерахъ даимаю отъ своихъ племенахъ и отъ свога отечества, и отъ друге землѣ и отъ другога племена да нема никада мечу нима никога старіега токмо Цара по Царскому закону и суду, а по духовному Митрополита..ъ да не маю давать никакве дацію, ни харача... да има свакему Офицеру плата отъ Цара. Милют. Ист. Ч. Г., стр. 25 и 6, на рамотѣ годъ 1711 Апр. 18.

Въ договорѣ, заключенномъ при Прутѣ, не было упомянуто о Черногоріи (1711). Сераскирь Ахметъ-Паша получилъ приказаніе двинуться въ ту же осень съ 60 тыс. войска на Черногорію, но, неожиданно скоро наступившая зима, остановила сей походъ до слѣдующаго 1712 года. Услышавъ о движеніи Турецкихъ войскъ, Владыка собралъ Черногорцевъ, составилъ войско и пошелъ имъ на встрѣчу къ рѣкѣ Маршулѣ. Тутъ раздѣлилъ онъ войска на три отряда: одинъ, подъ предводительствомъ Янка Дюрашковича, отправилъ къ горѣ Пржнаку, другой, подъ предводительствомъ Вука Мигуновича, къ горѣ Враня, а самъ сталъ между ними, ожидая нападенія. На третій день пришло извѣстіе, что Турецкое войско остановилось лагеремъ у рѣкѣ Влахи-ни. Владыка рѣшился предупредить ихъ нападеніе: рано утромъ двинулся къ лагерю и къ вечеру битва рѣшилась полною побѣдою Черногорцевъ. Турки были разбиты и прогнаны, лагерь со всѣми припасами и 34 знаменами былъ взятъ въ добычу. Съ тѣхъ поръ это мѣсто прозвалось Царевъ Лазъ (*).

Султанъ, желая отмстить Черногорцамъ за пораженіе, послалъ Душманъ-Пашу Чуприловича съ 120 тысячами войска. 1714 года, въ Маѣ, онъ приступилъ къ границамъ Черногорскимъ со стороны Герцеговины; но, зная трудность вести войну въ горахъ Черногорскихъ и храбрость Черногорцевъ, рѣшился на хитрость: послалъ письмо Владыкѣ и главарямъ Черногорскимъ; писалъ, что Турки желаютъ заключить съ ними миръ и

(*) Милют. Собр. пѣсенъ, № 8, 140.

звалъ полномочныхъ для переговоровъ, увѣряя ихъ честнымъ словомъ въ безопасности. Черногорцы послали 37 человекъ; Турки убили ихъ и двинулись на Черногорию, съ огнемъ и мечемъ прошли ее отъ границы до границы. Самъ Владыка едва не погибъ; остальные скрылись въ горахъ или ушли въ Приморье къ Венеціанцамъ. Но Венеціанцы выдали ихъ Туркамъ, и не только взрослыхъ, но даже и дѣтей, которыхъ Черногорцы ведя войну и видя опасность, отослали напередъ въ Приморье. Турки, возвращаясь назадъ, взяли у нихъ Морею.

То му фала, то му исполати
За негово врло пріятельство (*).
говорить народная пѣсня.

Паша хвалился, что Черногорія уже не встанетъ; но Черногорцы не упали духомъ. Лишь только вышли Турки, Владыка снова принялся строить церкви и села, и на слѣдующій годъ (1715) отправился въ Россію. Петръ Великій, услышавъ о бѣдствіяхъ Черногоріи, пожаловалъ ей книги и утвари церковныя, 5 тысячъ рублей на сооруженіе Цетинскаго монастыря, 5 тысячъ на вспоможеніе Черногорцамъ, и 160 медалей для раздачи храбрымъ (**). Обѣщалъ и впредь награждать ихъ за вѣрную службу, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ имъ поддерживать миръ. Когда Владыка возвратился назадъ и роздалъ награды, слухъ прошелъ между Турками, что Россія поощряетъ Черногорцевъ и они соби-

(*) Милют. пѣсни № 11. На томъ имъ спасибо, за ихъ хорошую дружбу (т. е. Венеціанцевъ.)

(**) См. грамоты Петра Великаго у Милютин. Ист. Ч. Г., стр. 65 70 отъ 1715 г. 9 Іюля.

раются мстить за походъ Чуприловича. Начались небольшія стычки по границамъ.

Между тѣмъ Венеціанцы, въ отмщеніе за взятіе Мореи, послали Алоизія Мочениго взять Баръ и приглашали Черногорцевъ помочь имъ; Черногорцы выслали 5 тысячъ. Но вскорѣ Венеція заключила миръ съ Портою, не упомянувъ въ трактатѣ о Черногоріи, и только частнымъ письмомъ благодарила ихъ за помощь. Въ отмщеніе, два брата Ченгича и Бей Любовичъ съ Герцеговцами напали на село Травино въ Цуцахъ. Но Черногорцы разбили ихъ и 170 челов. взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и трехъ предводителей. Плѣнниковъ привели въ Кчевъ и начали переговоры о выкупѣ; но Кресте (Христина), жена Мойша Чукановина, одного изъ предводителей Черногорскихъ, упрекала Черногорцевъ въ томъ, что они рѣшаются на выкупъ, когда головы ихъ братьевъ, которыхъ вызвалъ Чуприловичъ для переговоровъ и коварно умертвилъ, еще не отмщены.

Вы хочасте брачу откупити
Уклетаго Чуприловичъ Везира,
Но ихъ нехче дати на откупе,
Спомевисе Вуко удовицахъ,
Удовицахъ црнихъ куковицахъ
Онамлени што се остануле,
Кукаюче и сузе ронечи
Безъ мужевахъ и безъ бранителяхъ.
Ніе-ли ви зазоръ и срамота
Да-вы брачу свою не свѣтите,
Но пуштите Турке на откупе. (*)

(*) Вы хотѣли выкупить собратій у проклятаго Визиря Чуприловича, но вамъ ихъ не выдали. Вспомни же, Вукъ, вдовъ, чер-

Всѣмъ плѣнникамъ отрубили головы въ отмщеніе за убитыхъ посланниковъ Черногорскихъ. (*)

Послѣдніе годы владычества Данила прошли большею частию мирно. Въ 1727 и послѣ были нападенія со стороны Герцоговины, но ихъ счастливо отражали Черногорцы. Внутреннее устройство Черногоріи послѣ опустошенія Чуприловича составляло главную его заботу во всю жизнь. Онъ умеръ 1735 г. Съ его времени собственно начинается независимость Черногоріи и Черногорцы по справедливости называли его возобновителемъ свободы. Онъ былъ храбръ и мужественъ, всегда самъ предводительствовалъ войскомъ, былъ болѣе нежели любимъ народомъ. Когда онъ умеръ, вся Черногорія собралась на его погребеніе. За его гробомъ несли знамена и оружія, отбитыя имъ у Турокъ.

По смерти Данила, Митрополитъ Савва былъ избранъ Владыкою Черногоріи. Въ первые годы своего Владычества, онъ ходилъ для сбора милостыни въ Россіи и щедро былъ надѣленъ деньгами, книгами и утварями отъ Императрицы Елисаветы (**). Возвратясь изъ

ныхъ кукушекъ, что, плача и роняя слезы остались безъ мужей и безъ защитниковъ. Не будетъ ли стыдъ вамъ и срамъ, если вы за выкупъ отпустите Турокъ и не отмстите за своихъ собрatій.

(*) Ист. Ч. Г. Милютин., стр. 71—75. Въ пѣсни перечисляется, кто былъ убитъ за кого:

Два Ченгича за Попа Малича

Любовича за Джакановича и проч.

А остае брoити не могу,

Ерь бы пѣсна одвечь дуга была.

(**) См. Ист. Черн. Горы Милютинов., грамоты Императрицы Елисаветы отъ 1744 г. 10 Мая, стр. 76 и 7.

Россіи, онъ удался на покой въ монастырь Станевичъ, избравъ, по волѣ народа, своимъ Намѣстникомъ племянника своего, Василия, и пославъ его къ Сербскому Патріарху Афанасію, гдѣ онъ пробылъ нѣскольکو лѣтъ. Наконецъ Черногорскій народъ писалъ чрезъ Кучкаго Воеводу Илью Дрекаловича къ Патріарху, чтобы онъ прислалъ къ нимъ Василия. Въ 1750 году возвратился въ Черногорію Василій, рукоположенный Архіереемъ съ титуломъ: Митрополита Епархіи Скендерскія и Приморскія и Екзарха Святѣйшаго Трона Пекскаго Патріархіи Славяносербской (**), поселился въ Черницѣ и принялъ управленіе Черногоріею.

Съ сего времени начинается постоянное стремленіе Черногоріи къ устройству внутренняго порядка и управленія.

Въ слѣдъ за сознаніемъ своей независимости и свободы, окончательно укрѣпленнымъ Владыкою Данииломъ, возникло стремленіе къ внутреннему миру и общенію. Истребленіе потурченковъ не искоренило внутренняго разобщенія и вражды между Черногорцами. Кровавая месть и соперничество племенъ и родовъ безпрерывно выказывались во внутренней враждѣ и неустройствѣ. Мысль объ общемъ народномъ единствѣ, укрѣпляемая единствомъ Вѣры, была обезсилена распространеніемъ потурченковъ. Какъ предчувствіе будущаго или воспоминаніе прежняго, она не покидала народа, проявлялась въ крайнихъ случаяхъ, но не была вполне сознаваема. Мысль о твердой и самостоятельной

(**) Ib., стр. 78 и 9, грамота Патріарха Афанасія, 1740 г. Августа 22.

Государственной власти явилась только со времени Владыки Данила, и еще не успѣла укорениться. Народъ дробился на племена и роды, каждое племя, каждый родъ считалъ себя Государственнымъ цѣлымъ, имѣющимъ право суда и расправы, право самъ карать преступленія. Слѣдствіемъ этого была постоянная кровавая месть во всей Черногоріи. Когда нѣтъ личной безопасности, не можетъ быть и безопасности имущественной: потому рядомъ съ местию, такъ же сильно распространились грабежи и кража.

Устройствомъ общаго суда и расправы думалъ Владыка искоренить зло. Черногорцы имѣли общаго Воеводу и Сердаря, который избирался изъ дома Вукотича изъ Кчева. Этотъ Воевода, если онъ обладалъ нужными достоинствами, бывалъ предводителемъ въ войскахъ, если же нѣтъ, то его воеводство оставалось простымъ титуломъ. Дѣла суда и расправы почти не входили въ кругъ его дѣйствій и притомъ онъ былъ одинъ для всей Черногоріи. Владыка, по общему согласію и избранію народа, поставилъ Губернатора Стана Радовича Нѣгоша и подчинилъ ему Князей и Сердарей племенъ, ввѣривъ всѣмъ общій судъ и расправу. Его дѣйствія были прерваны поѣздкою въ Россію для сбора милостыни (*), и послѣ, въ слѣдъ за его возвращеніемъ, войною съ Визиремъ Боснійскимъ.

Въ 1756 г. Визирь Боснійскій писалъ къ Владыкѣ

(*) Ист. Чорн. Горы Милютин., грамоты Императрицы Елисаветы 1754 г. 8 Мая; ему поручено было отъ Сербскаго Патріарха Леанасія, стр. 81 — 5.

Василію и требоваль дани съ Черногоріи, и въ числѣ дани —

И дванаестъ младихъ дѣвоякахъ
Отъ дванаестъ до шестънаестъ лѣтахъ
А сувиша Бѣлу Станишича (*).

Разумѣется, подобное предложеніе только возмутило Черногорцевъ, и они на общемъ сеймѣ положили послать ему такой отвѣтъ:

Посла чу ти за дѣвойке младе
Отъ вепровахъ дванаестъ реповахъ,
А са саму Бѣлу Станишича
Одъ овновахъ дванаестъ роговахъ,
Да то носишь на Турбану твоме
И сувише дванаестъ каменахъ,
Да ихъ пошлешъ Цару за хараче
Нека знае што е гора Црна (**).

Съ 40 тысячами войска двинулся Чехай-Паша къ Черногорскимъ границамъ. Около Оногошта встрѣтились Черногорцы съ Турецкимъ войскомъ и 15 дней продолжалась непрерывная битва. Наконецъ у Черногорцевъ не оставалось ни пороха, ни пуль. Они принуждены были отступить и послали въ Венеціанское поморье купить пороху; но Венеція подъ страхомъ смертной казни запретила всѣмъ и каждому продавать порохъ и пули Черногорцамъ. Турки обратились къ

(*) Двѣнадцать молодыхъ дѣвицъ, отъ 12 до 16 лѣтъ, особенно-же Станишину Бѣлу.

(**) Тамъ-же, стр. 85 и 90: пошлю тебѣ вмѣсто молодыхъ дѣвицъ 12 свиныхъ хвостовъ, а вмѣсто Бѣлы 12 бараньихъ роговъ носи ихъ на своей чалмѣ, да сверхъ того 12 каменьевъ вмѣсто подати, чтобъ ты зналъ какова Черная Гора.

Кчеву, взяли его и пробыли тамъ около трехъ недѣль. Въ это время тайно одинъ изъ приморскихъ Христіанъ прислалъ Черногорцамъ нѣсколько тысячъ патроновъ.

Богъ му дае душе спасеніе!
Черногорцы ка то видѣше,
Учиниша хиску и веселіе
Одъ радости играти стадоша.
Пѣваючи пѣсне одъ побѣде (*).

Рано утромъ 25 Ноября Черногорцы напали на Турецкій лагерь, разбили и выгнали Турокъ. Послѣ этой битвы, во время Владычества Василия, Турки не нападали на Черногорію.

Внутреннія преобразованія въ Черногоріи не удавались Владыкѣ; избранные начальники и судьи слѣдовали обычаямъ народа, сами местили и снисходили къ мести другихъ. Владыка видѣлъ, что нѣтъ инаго средства искоренить зло, какъ дѣйствовать просвѣщеніемъ на нравы народа. Поэтому, взявъ 15 дѣтей, отправился съ ними въ Россію, чтобы тамъ воспитать ихъ и потомъ привести обратно въ Черногорію. Въ 1765 году онъ снова поѣхалъ за ними, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы просить помощи у Россіи для заведенія школъ и стройнаго управленія. Но въ слѣдующемъ году, 10 Марта, онъ умеръ въ Петербургѣ.

(*) Ист. Черн. Горы Милютин., вышеприведенная пѣсня Грлица, 1836. Дай Боже ему спастися, Черногорцы когда это увидѣли возрадовались и играли отъ радости и пѣли уже побѣдные пѣсни.

Въ это время является въ Черногоріи любопытное лице — Самозванецъ Степанъ Малый. Подъ видомъ лекаря, онъ прошелъ всю Черную Гору, и въ Приморьѣ, въ Майнѣ, объявилъ себя Петромъ III, Русскимъ Императоромъ. Всѣ Приморцы явились къ нему съ поклономъ и поздравленіемъ и даже чиновники Каттарскіе. Одинъ Капитанъ Майнской общины Марко Тановичъ, который бывалъ въ Россіи, поклялся семьею и имуществомъ, что это точно Петръ III. Эта клятва увѣрила Черногорцевъ и не только они, но и Кучи, Пиперы и Бѣлопавличи, которые были еще подъ властію Турокъ, признали его своимъ Царемъ. Владыка Савва рѣшительно называлъ его самозванцемъ, но онъ никакого не имѣлъ значенія въ народѣ; живя на покоѣ, онъ былъ уважаемъ только по имени, а не на дѣлѣ. Степанъ Малый, явившись въ Черногоріи, пошелъ въ монастырь Станевичъ, гдѣ пребывалъ Владыка Савва, велѣлъ его заключить и разогнать всѣхъ монаховъ. Въ томъ же году, около Рождества, пріѣхалъ въ Черногорію Сербскій Патріархъ Василій Іоанновичъ Беркичъ, сверженный Турками и заключенный на островъ Кипръ. Онъ бѣжалъ оттуда, явился въ Печь, но тамъ Турки хотѣли убить его и онъ ушелъ оттуда въ Черногорію. Митрополитъ Савва принялъ его и просилъ поставить Владыку Черногоріи, и онъ поставилъ Арсенія, изъ рода Пламенацъ. Такимъ образомъ въ Черногоріи явилось вдругъ два Владыки, — изгнанникъ Патріархъ и Самозванецъ. Къ этому внутреннему безпорядку присоединилась еще война. Венеція, опасаясь вліянія Самозванца на подвластныхъ ей приморскихъ Сербовъ,

писала Портѣ, предвѣщая ей возстановленіе Сербскаго Царства, если она не обратитъ вниманіе на происшествія въ Черногоріи.

Въ 1768 году, по повелѣнію Султана, 180-тысячное войско двинулось къ Черногоріи подъ предводительствомъ Визиря Боснійскаго и Румелійскаго, и въ Августѣ пришло къ ея границамъ. Прежде войны, Визирь началъ было переговоры и требовалъ выдачи Петріарха и самозванца; но Черногорцы отказали въ этомъ, увѣряя, что у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго. Началась война. Визирь почти завоевалъ всю Берду, а Паша Скутарскій занялъ Черницу. Венеція прислала также войско и выстроила его по всѣмъ границемъ, отъ Грахова и до Бара. Черногорцы дрались, пока могли противостоятъ огромному войску. Между тѣмъ у нихъ оказался недостатокъ въ порохѣ. Вдругъ 1-го Ноября, — рассказываетъ пѣсня:

Падє страшна Киша изъ облака,
Ударіше шумє и громовє
У средь войске Дужда млетачькога,
Близу Будве града млетачькога
И у таборѣ другіи громъ удри,
Ударіо Паши Скадорскога
На дно равна поля Церницкога;
Разагнаше войска оба двє (*).

Гроза ли разогнала войско Скутарскаго Паши или нѣтъ, но только онъ оставилъ Черницу и удалился въ

(*) «Страшный дождь полился изъ облаковъ, ударили молнии и громы въ средину войска Венеціанскаго Дожа и въ лагерь Скутарскаго Паши, что стоялъ въ Церницкой долині, и разогнали оба войска».

Скутари. Между тѣмъ Черногорцы отбили у Турокъ обозъ съ порохомъ и свинцомъ, который шелъ къ Визирю въ Кчевъ. Слухъ объ этомъ происшествіи и приближающаяся зима принудила Визиря прекратить войну и удалиться. Степанъ Мамый остался съ прежною властію.

Въ 1769 году Россія начала войну съ Портою. Въ Черногорию прибылъ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій съ грамотою отъ Императрицы Екатерины къ Черногорскому народу; въ грамотѣ онъ приглашаемъ былъ вмѣстѣ воевать противъ Турокъ. Съ радостію приняли Черногорцы это предложеніе; когда же Князь Долгорукій собралъ всѣхъ и увѣрялъ, что Степанъ Мамый — Самозванецъ, и что они должны отъ негѣ отступить, народъ обѣщалъ; но въ это время показался Степанъ малый и всѣ обратились къ нему съ привѣтствіемъ. Послѣ еще нѣсколько лѣтъ онъ пользовался тѣмъ же уваженіемъ. Наконецъ, проводя новую дорогу въ Черницу, онъ попалъ подъ пороховой взрывъ, ослѣпъ и получилъ 62 раны, но остался живъ и прожилъ еще два года, пока одинъ Грекъ, бѣжавшій изъ Турціи, измѣннически не убилъ его.

Степанъ Мамый, въ первое время появленія въ Черногоріи, созвалъ народъ на вѣче и уговорилъ ихъ простить другъ другу и раны и убійства и прекратить кровавую месть. Народъ послушался. Жестоко наказывалъ онъ самые малѣйшіе проступки, а за убійство вѣшалъ. Разсказываютъ, что онъ бросилъ нѣсколько цехиновъ на дорогѣ близъ Каттаро, и въ продолженіе долгаго времени никто ихъ не тронулъ. Не смотря на

строгія мѣры, внутреннее устройство Черногоріи не только не улучшилось, но разстроилось еще болѣе. — Ему повиновалась только одна партія, другіе боялись его силы и ненавидѣли, ожидая первой возможности дѣйствовать противъ него. Владыка Савва и Арсеній, не имѣя внѣшней силы въ это время всеобщаго не-устройства, утратили и нравственное вліяніе на народъ. Неопредѣленность власти породила партіи; каждая изъ нихъ тайно дѣйствовала одна противъ другой и только сила Степана Малаго поддерживала видимый порядокъ. Послѣ его смерти, внутренняя вражда и неустройство выразились въ самой сильной степени и грозили Черногоріи потерей независимости.

Въ 1778 году, Владыка Савва послалъ въ Россію племянника своего Архимандрита Петра Петровича Нѣгоша и вмѣстѣ съ нимъ Губернатора Черногорскаго Ивана Радоница и Сердаря Нѣгушскаго Ивана Петровича. Въ Вѣнѣ Губернаторъ имѣлъ свиданіе съ нѣкоторыми Австрійскими вельможами и, возвратясь въ Черногорію, по смерти Владыки Саввы, вздумалъ Черную Гору подчинить Австрійской Имперіи. Изъ Вѣны онъ привезъ нѣсколькихъ людей, подъ предлогомъ завести книгопечатаніе въ Цетинѣ. Но это намѣреніе не удалось Радоницу. По смерти Саввы, народъ избралъ Владыкою Петра Петровича. Онъ хотѣлъ получить рукоположеніе въ Россіи; но Русскій Посланникъ въ Вѣнѣ, Князь Голицынъ, не далъ ему паспорта и онъ долженъ былъ идти въ Карловецъ. Между тѣмъ какъ онъ путешествовалъ, Главари Черногорскіе перессорились между собою и завязали междоусобную войну. Одна изъ сто-

ронъ, чтобы скорѣе побѣдить другую, призвала на помощь Турокъ. — Визирь Албанскій Кара-Махмудъ Бушатлія вошелъ съ войскомъ въ Черногорію, въ 1785 году, прошедъ Лешанскую и Рѣцкую нахіи и въ Іюнь мѣсяцъ явился въ Цетинской долині. Онъ разрушилъ монастырь, съ племенъ Катунской нахіи взялъ едино-временную дань, а другихъ обложилъ постоянною по-датью.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Петръ Петровичъ, рукоположенный Архіереемъ, возвратился Владыкою въ Черногорію. Новому Владыкѣ предстоялъ подвигъ почти равный подвигу Данила, и онъ явился достойнымъ продолжателемъ дѣлъ своего предка.

Разсмотримъ первоначально внѣшнія его дѣйствія, военную Исторію Черной Горы въ его время, и потомъ обратимъ вниманіе на мѣры, которыми онъ желалъ упрочить внутреннее благосостояніе.

Возвратившись въ Черногорію, Владыка Петръ цѣ-
лый годъ употребилъ на то, чтобы снова пробудить единомысліе въ своей родинѣ; ѣздилъ по всѣмъ селамъ и племенамъ, собиралъ старшинъ, упрекалъ ихъ за вражду, за то, что безъ нужды, безъ боя и крови, по-зорно поддались власти Турокъ, что унизили Черную Гору, рѣшившись платить дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщевалъ прекратить плату подати Туркамъ, соеди-ниться и готовиться къ бою за свободу и независимость родины. Народъ любилъ его и послушался его совѣта. Всѣ готовились къ войнѣ.

Въ это время Императрица Екатерина, заключивъ союзъ съ Австріею (1787), хотѣла начать войну съ

Турками. Въ 1788 г., въ Генварѣ, въ Черногорію пришелъ Австрійскій Майоръ Вукасовичъ съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ. Онъ привезъ денегъ и пороху и вмѣстѣ грамоту отъ Императора Іосифа II, который уговаривалъ Черногорію соединенно дѣйствовать противъ Турціи (*). Черногорцы приняли Вукасовича; но, замѣтивъ въ его дѣйствіяхъ желаніе присоединить Черногорію къ Австрійской Имперіи, готовы были отказать въ помощи, какъ вдругъ пришло извѣстіе отъ Русскаго Посланника при Венеціанской Республѣикѣ Мордвинова о томъ, что и Россія начинаетъ войну съ Турціею. Вскорѣ прибылъ Полковникъ Тутолминъ съ письмомъ отъ Генерала Заборовскаго и привезъ грамоту (1788 г. 4 Марта) отъ Императрицы, вызывавшей Черную Горы къ войнѣ съ Турками (**). Черногорцы съ радостію приняли предложеніе. Майоръ Вукасовичъ писалъ всюду письма, уговаривая съ своей стороны къ возстанію и обѣщая награды; но лишь только Черногорцы начали войну, онъ удалился съ своимъ отрядомъ. По всѣмъ границамъ Черногоріи начались битвы.

Между тѣмъ союзные Дворы заключили миръ съ Турціею (1791). Кара-Махмудъ, желая отмстить Черногорцамъ, собралъ войско. Слухъ объ этомъ пришелъ

(*) Въ грамотѣ такъ говорится о цѣли войны: «за еже народы Христіанстіи отъ тиранства Оттоманскія власти избавити помощію Всемогущаго, у Христіанску свободу поставити и всѣхъ отъ нихъ достоинствъ, преимуществъ и свободъ участники учи ити, коихъ толь мирно и спокойно уживаю благополучни жители всѣхъ нашихъ царствъ». Грлица, 1836, стр. 62 Милют. Истор. Ч. Г. 113 и 14.

(**) Милют. Ист. Ч. Г. 115 — 20.

въ Черногорію, и Владыка писалъ къ нему, спрашивая, на нихъ ли готовится онъ итти войною. Кара-Махмудъ отвѣчалъ, что онъ идетъ не на Черногорію, но хочетъ наказать Берду, и просилъ не помогать Берчанамъ. Турки считали Берду подвластною имъ областію, между тѣмъ въ это время она совершенно присоединилась къ Черногоріи и Турки хотѣли вновь отнять ее (*). Владыка отвѣчалъ ему : «о помощи Бердѣ ми не мой говорити, што ми законъ и моя душа не да учинити, Брчане су моя брача као и Црногорцы, — и если не отложишь своего намѣренія то, — ми чемо и отъ твоей силе и напасти съ помочу Божиємъ бранити доколѣ единъ тече» (**).

Между тѣмъ Черногорцы не имѣли пороху и Владыка принужденъ былъ отослать къ Императору Леопольду II драгоценную митру, подаренную Императрицею Елисаветою Владыкѣ Василю, съ тѣмъ, чтобы онъ далъ за нее пороху и свинцу. Леопольдъ прислалъ 300 бариловъ пороху.

Въ 1797 году, Кара-Махмудъ двинулся на Берду. Берчане послали къ Черногорцамъ просить помощи. Владыка собралъ народъ и собраніе отвѣчало Берчанамъ грамотою, обѣщая помощь.

(*) «Если же поможете Берде» — писалъ Кара-Махмудъ — «то я завоюю всю Черную Гору».

Но невели Турчинъ ако Богъ да,
Прибавляетъ пѣсня объ этомъ происшествіи.

(**) Грлица, 1836. 70.

Договорно твердо вѣру даю
Да Брчане издавати нече.

говорить пѣсня (*).

На другой же день Владыка отправился съ Черногорцами къ рѣкѣ Зетѣ и сталъ лагеремъ на мѣстѣ, называемомъ Слатина. Турецкія войска стояли около Спужа въ долинѣ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Черногорскаго войска. У Кара-Махмуда было 20 тысячъ, между тѣмъ какъ у Владыки только 8. Девять дней войска стояки другъ противъ друга, наконецъ въ 10-й, 11-го Іюля, Турки начали битву у села Мартыничи (**). Къ вечеру Черногорцы разбили Турокъ и прогнали въ Спужъ. Самъ Кара-Махмудъ былъ раненъ. На нѣскольکو времени утвердился миръ; но скоро Кара-Махмудъ выздоровѣлъ отъ раны, и, желая отмстить Черногорцамъ, собралъ 40 тысячъ войска и осенью двинулся на Черногорию. Владыка, узнавши о походѣ Турокъ, съ 400 Катунянами двинулся къ Волчьему Колодцу. Тамъ присоединились къ нему другія нахіи и составилось 4 тысячи. Турки подошли къ рѣкѣ Ситницѣ и напали на Крусе, село въ Лешанской нахіи, взяли его и сожгли. Тутъ завязалась битва, которая продолжалась три дни; Кара-Махмудъ былъ убитъ и Турки разбѣжались. Голова Кара-Махмуда была выставлена на показъ на Цетинской башнѣ. Наступилъ миръ, но опять не надолго.

(*) Грлц. 35. 103. Совокупно обѣщаемся не выдавать Берду.

(**) Описывая эту битву, пѣсня говоритъ: «нельзя бы подумать, дае оно боякъ огневитый, него судный данакъ страховитый».

Въ Западной Европѣ гремѣла война, измѣнялся старый порядокъ вещей, падали Государства и возникали новыя. Венеціанская Республика была завоевана и уничтожена Французами; ея судьба имѣла вліяніе и на подвластную ей Далмацію.

Въ 1410, опасаясь быть покоренными Турками, жители Каттаро съ окружными общинами рѣшили искать покровительства Венеціи. — Они подчинились ей на слѣдующихъ условіяхъ: «Ако республика Млетачка, макаръ збогъ каквога политическаго догада, не буди каква бранити Которъ, а она да га не може никоме другоме ни уступити, ни продати, него да га остави у неговой сторонѣ слободи» (*). Между тѣмъ въ Европѣ ходъ дѣлъ политическихъ измѣнился: въ 1797 году, по Кампоформійскому договору, была уничтожена Республика Венеціанская и со всѣми подвластными ей землями вошла въ составъ Австрійской Имперіи. Помня древнюю свободу, трудно было, говоритъ Г. Миляковичъ, Бокезамъ признать новую власть, постановленную безъ ихъ вѣдома и согласія. Собрались Главари и Старшины, и, не зная на что рѣшиться, послали просить совѣта у Митрополита Черногорскаго. Митрополитъ имъ отвѣчалъ, чтобы они установили временное управленіе, держали бы судъ и порядокъ по прежнему и спокойно ожидали дальнѣйшей судьбы. Если возстановится опять Венеціанская Республика, то присоединились бы къ

(*) Если въ слѣдствіе какихъ-либо политическихъ причинъ Венеціанская республика не будетъ владѣть Каттаромъ, то она не можетъ ни уступить, ни продать его никому другому; но должна оставить въ прежней независимости.

ней; если же нѣтъ, то признали бы власть Римскаго Императора, на тѣхъ условіяхъ, какъ признавали власть Венеціи. Дѣло въ условіяхъ, а не въ той или другой власти, равно чуждой Славянамъ.

Будва съ ея округомъ послѣдовали такому совѣту. 14 Іюля, всѣ стороны составили и подписали договоръ, что передаются Австрійскому Императору, на тѣхъ условіяхъ, какъ поддались прежде Венеціанской Республикѣ. Но «дотле, докле у покровительства Всемилоствѣйшаго Негова Величества приѣмлена буде, избра за свога покровителя и судію Петра Петровича Многославнаго Архіепископа и Митрополита Черногорскаго». Въ Воскресенье этотъ договоръ былъ торжественно прочитанъ въ церкви и при народѣ врученъ Митрополиту.

Между тѣмъ 16 Іюля Австрійскій флотъ подошелъ къ Травѣ. Генераль Руковини былъ встрѣченъ Духовенствомъ и народомъ и послѣ торжественнаго те Деи говорилъ рѣчь народу, увѣряя, что подъ Австрійскимъ владычествомъ будутъ «сречни и честити вы и вашъ походъ до породи». Съ кораблей сошли Австрійскія войска: полкъ Князя Гогенлое, и часть Кроатовъ и заняли крѣпости въ Травѣ, Спалатро и по островамъ. Вскорѣ пріѣхалъ уполномоченный Посланникъ Императора, чтобы устроить управление Далмаціи, Князь Раймондъ Турнь.

Первымъ его дѣломъ были устройство верховнаго Правительственнаго мѣста изъ многихъ членовъ въ Зарѣ, въ замѣну Венеціанскаго *Proveditor generale*, потомъ устройство подобныхъ же мѣстъ въ каждомъ

городѣ. Вообще, говорить Г. Катилиничъ (*), разница новой системы управленія отъ прежней Венеціанской состояла :

1) Въ умноженіи чиновъ.

2) Въ замѣнѣ въ дѣлахъ Гражданскихъ и Уголовныхъ законовъ Венеціанскихъ Австрійскими; въ слѣдствіе чего произошло большое измѣненіе. Венеціанцы не имѣли общаго свода законовъ, который бы обнималъ всѣ стороны юридической жизни, и потому давалась возможность народнымъ обычаямъ дополнять законы; дѣйствіемъ Австрійскаго Свода обычаи исключены были навсегда.

3) Умноженіемъ писмоводства въ судахъ.

Все прочее осталось почти въ прежнемъ видѣ: налоги не увеличены, и только Полиція, особливо въ городахъ, получила полнѣйшее устройство. Бокезы, увидѣвъ, что Австрійское Правительство уже заняло Далмацію, 10 Августа послали депутатовъ въ Курцолу къ Генералу Руковини и предалися власти Австрійской Имперіи.

Но вскорѣ побѣды Наполеона принудили Австрію, по Презбургскому миру (26 Декабря 1805 г.), уступить Далмацію Франціи. Баронъ де Браде объявилъ народу, что съ 19 Февраля 1805 года прекращается власть Австріи и Далмація переходитъ въ руки Французовъ.

Между тѣмъ, послѣ занятія Далмаціи Австрійскими войсками, въ Черногорію пріѣхалъ Аббатъ Дольче. — Хитрый Аббатъ вошелъ въ довѣренность къ Митрополиту, который полюбилъ его, нисколько не

(*) *Memorie degli avvenimenti successi in Dalmaz. dopo la caduta d. Venezia, cap. 3. Spalato 1841.*

подозрѣвая въ немъ Французскаго лазутчика, посланнаго съ цѣлію преклонять Черногорію на сторону Французовъ или образовать въ ней партіи и тѣмъ не дать возможности единодушно дѣйствовать за Россію. Слухи объ этомъ дошли до Россіи. Въ концѣ 1803 г. посланъ былъ Русскимъ Правительствомъ Графъ Ивеличъ въ Черногорію, предупредить и остановить заговоръ. Въ Высочайшей грамотѣ къ народу Черногорскому (отъ 26 Октября 1803 г.) такъ сказано о Посольствѣ Графа Ивелича: «Встрѣвожены мы были дошедшими до насъ достовѣрными свѣдѣніями, показавшими намъ, что властолюбіе иноземцевъ, подкрѣпляемое вредными замыслами нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей изъ среды самаго Черныя Горы, угрожаетъ нашествіемъ своимъ народу Черногорскому и Бердскому и стремится низпровергнуть независимость его. — Желаніе Наше отвратить опасность сію побудило насъ отправить въ Черную Гору довѣренную особу въ лицѣ Нашего Генералъ-Лейтенанта Ивелича, съ препорученіями удостовѣрить народъ Черногорскій во всегдашнемъ къ нему благоволеніи Нашемъ, открыть предстоящую ему гибель и показать путь, начертанный собственною его пользою и славою. Мы надѣемся, что въ семъ подвигѣ Нашемъ, доселѣ столь вѣрный намъ Намъ народъ Черногорскій и Бердскій найдетъ новый опытъ попечительности Нашей о благѣ его и полную будетъ подавать вѣру, что помянутый Генералъ Графъ Ивеличъ ему отъ имени Нашего предлагать будетъ».

По пріѣздѣ Графа Ивелича въ Черную Гору, съ одной стороны были открыты намѣренія Аббата, а съ другой

полная преданность Митрополита и народа Черногорскаго къ Россіи. Но народу Черногорскому было тяжело видѣть подозрѣваемаго Россіею любимаго ими Митрополита. На общемъ сеймѣ составили они оправдательную грамоту и послали также любимому ими Императору. Отъ 20 Генваря 1805 года была получена новая грамота, успокоившая Черногорію. Въ ней было сказано : «Желая при всякомъ случаѣ подать вамъ опыты всегдашняго Нашего къ вамъ расположенія удовлетворили мы охотно желанію вашему относительно Митрополита, возвративъ Архипастырю сему Императорскую Нашу милость. Мы увѣрены, впрочемъ, что въ поведеніи какъ его, такъ всѣхъ Намъ любезныхъ членовъ Черногорскаго Правительства, не токмо не будемъ мы находить поводовъ къ сомнѣнію, либо не-удовольствію, но напротивъ сознать будемъ въ нихъ всегда достойныхъ потомковъ тѣхъ сыновъ Черногорскихъ, кои подали предкамъ Нашимъ первые примѣры непоколебимой приверженности и преданности ихъ къ Россійской Державѣ». Вскорѣ происшествія въ Далмаціи показали справедливость этой надежды. Въ слѣдъ за грамотою прибылъ въ Черную Гору Бригадиръ Санковскій съ письмами на имя Черногорскаго Бладыки и привезъ 3 тысячи червонныхъ, — сумму, назначенную Императоромъ Павломъ I въ жалованье Черногоріи, но которая не выдавалась съ 1802 года. По его прибытіи, пришло извѣстіе въ Поморье и Черногорію о Презбургскомъ мирѣ.

Правившій должность Гражданскаго Губернатора въ Восса di Cattaro, Австрійскій Делегатъ Баронъ Каваль-

кабо, объявилъ жителямъ, что въ шестинедѣльный срокъ всѣ крѣпости должны быть сданы Французамъ. Русскій Консулъ въ Каттаро Мазуревскій снялъ Русскій гербъ и отправился въ Черногорію. Графъ Ивеличъ думалъ ѣхать въ Россію, но слухъ о показавшихся уже въ Адриатическомъ морѣ Французскихъ судахъ и увѣренія Австрійскаго Делегата въ трудности проѣхать безопасно въ Россію, заставили его отложить поѣздку на нѣкоторое время. Между тѣмъ отъ Русскаго Посланника изъ Неаполя было получено Высочайшее повелѣніе — не оставлять Каттарской области и защищать ее отъ Французовъ. Отправивъ это извѣстіе въ Черную Гору къ Г. Санковскому, Графъ Ивеличъ созвалъ жителей Рисано (мѣстечко близъ Каттаро), объявилъ имъ желаніе Россіи, и они всѣ поклялись до послѣдней капли крови защищаться отъ Французовъ.

Прошелъ шестинедѣльный срокъ и Французы еще не являлись въ Каттаро. Графъ Ивеличъ, по совѣщаніи съ Барономъ Кавалькабо, требовалъ, чтобы Австрійцы сдали всѣ крѣпости Бокезамъ; въ противномъ случаѣ, считая эти крѣпости уже принадлежащими непріятелю, они принуждены будутъ брать ихъ вооруженною рукою. Австрійцы на другой день (3 Февраля) обѣщали дать отвѣтъ, а между тѣмъ на общемъ совѣтѣ положили защищать крѣпости отъ Черногоріи и Приморцевъ.

Между тѣмъ Майоръ Милотичъ былъ отправленъ къ Адмиралу Сенявину въ Корфу, съ просьбою прислать эскадру въ заливъ Каттарскій. Рисано и Пастровичи отдались торжественно въ покровительство Россіи и послали объ этомъ грамоты въ Черную Гору къ Г. Сан-

ковскому. Укрѣпленія Каттарскія мало по малу переходили въ руки Бокезовъ и 16 Февраля прибылъ изъ Корфу Капитанъ Белли на кораблѣ «Азія» съ однимъ фрегатомъ и гальотою подъ Кастельново. Объ этомъ сообщено было Рисанской общинѣ, которая, поднявъ Русскій флагъ, приготовилась къ битвѣ.

18 Февраля, на корабль «Азія» прибыли : Митрополитъ Черногорскій съ Губернаторомъ Радоничемъ, Статскій Совѣтникъ Санковскій и Графъ Ивеличъ, и положили приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ къ крѣпости подошли войска изъ Рисано, 1000 человѣкъ. 20 Февраля, къ Австрійскому Коммиссару Маркизу Гизильери отправлена была депутація съ требованіями сдать крѣпость. Маркизъ, видя невозможность защищать оную, сдалъ ей ключи начальникамъ Приморскихъ общинъ. 3 тысячи Австрійскаго гарнизона положили оружіе и вмѣсто Австрійскаго флага на стѣнахъ Кастельново былъ развѣтъ флагъ Русскій. — Затѣмъ были переданы ключи Будвы и Каттаро и другихъ небольшихъ укрѣпленій въ Каттарскомъ заливѣ.

На другой день въ Саввиномъ монастырѣ Митрополитъ Черногорскій отпѣлъ хвалебное : «Тебѣ Бога хвалимъ», освятилъ знамена и произнесъ народу слѣдующую рѣчь :

«Выше желаніе исполнилось, храбрые Славяне! вы видите среди насъ, давно жданныхъ вашихъ братьевъ, родныхъ вамъ по роду, Вѣрѣ и храбрости. Благословенный Русскій Монархъ принимаетъ васъ подъ свое покровительство. О, да будетъ благословенъ промыслъ

Божій, да будетъ памятенъ вамъ этотъ счастливый день! Но прежде, нежели передамъ въ ваши руки освѣщенные знамена, клянитесь, что будете защищать ихъ до послѣдней капли крови». Народъ клялся, восклицалъ: «да здравствуетъ Александръ!» а съ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы.

Вскорѣ послѣ того къ Митрополиту пришло извѣстіе, что Рагузскій Сенатъ согласился чрезъ свои земли пропустить Французскія войска и изъ Станьо на своихъ судахъ переправить ихъ въ Рагузу; что Французы съ сильною командою прибыли уже въ Макаresco, близъ Неретвы, къ Рагузской границѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Кастель-Ново. Митрополитъ послалъ отрядъ Черногорцевъ къ границамъ Рагузы, съ тѣмъ чтобы они принудили Сенатъ держать нейтралитетъ. Капитанъ) Белли писалъ къ Сенявину о случившемся и просилъ, чтобы онъ не позволялъ моремъ пройти Французамъ въ Рагузу и прислалъ войска, для снабженія крѣпостей гарнизонами. Въ слѣдствіе сего, 7 Марта прибылъ Генераль-Маіоръ Мусинъ-Пушкинъ, съ двумя батальонами на трехъ военныхъ корабляхъ.

Когда Сенявинъ узналъ наконецъ, что Каттарскій округъ покоренъ, онъ прибылъ самъ съ частию флота, 15 Марта подошелъ въ Porta Rosa для обозрѣнія Каттарскаго залива и высадилъ въ Кастель-Ново 3-й батальионъ Витебскаго Мушкатерскаго полка.

28 Марта Адмиралъ Сенявинъ отправился въ Триестъ, а Экспедицію, подъ начальствомъ Капитана Белли, послалъ для осмотра и занятія острововъ Далматинскихъ. Она состояла изъ трехъ военныхъ судовъ и сопровож-

дала вмѣстѣ съ тѣмъ 9 торговыхъ. 30 числа того же мѣсяца они прибыли въ Курцолу и нашли тамъ Русскій корабль Ярославъ, за 5 дней передъ ними туда посланный, для занятія крѣпости, въ которой находилось до 300 человѣкъ Французскаго гарнизона. Онъ атаковалъ уже крѣпость, но она не хотѣла сдаваться. Когда же прибыла эскадра Капитана Белли и выстроилась вмѣстѣ съ кораблемъ Ярославомъ на одинъ ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости, тогда Французы выкинули бѣлый флагъ и прислали Капитана для переговоровъ о сдачи крѣпости на капитуляцію. Но Капитанъ Белли требовалъ безъ всякихъ условій сдачи крѣпости и гарнизона военнопленнымъ. Французы согласились и островъ Курцола перешелъ въ руки Русскихъ.

Наполеонъ, видя успѣхи Русскаго оружія въ Далмаціи и не имѣя возможности моремъ переправить туда войска, заключилъ съ Вѣнскимъ Дворомъ трактатъ, въ слѣдствіе котораго позволено было Французскимъ войскамъ пройти чрезъ Австрійскія владѣнія въ Далмацію. Сорокъ тысячъ войска вступили въ Истрію.

Между тѣмъ Сенявинъ (6 Мая) успѣлъ заключить договоръ съ Рагузскимъ Сенатомъ. Сенатъ обязался въ то время, когда въ ихъ предѣлы войдутъ Французскія войска, впустить въ Рагузу Русскій гарнизонъ; жители же обѣщались соединенно съ Русскими драться противъ Французовъ. Но нѣкоторые изъ Сенаторовъ, обольщенные ложными обѣщаніями Французскихъ Агентовъ, заключили съ ними договоръ и 15 Мая впустили въ Рагузу 3 тысячи Французовъ, подъ начальствомъ Лористона. На другой день отъ имени Наполео-

на Лористонъ объявилъ, что нейтралитетъ Республики Рагузской тогда только будетъ признанъ, когда Русскіе совершенно оставятъ Далмацію.

Когда Владыка услышалъ, что Французы вступили въ Рагузу, онъ двинулся къ ней съ Черногорцами и Приморцами и двумя ротами Витебскаго и одною Егерскаго полковъ. У Цавтана онъ встрѣтилъ Французскія войска и вступилъ съ ними въ бой. Послѣ первой стычки, Французы заперлись въ Цавтатъ. На другой день къ Владыкѣ пришли еще 4 роты Витебскаго и 4-го Егерскаго полковъ и онъ осадилъ городъ. Послѣ кратковременнаго сопротивленія, Французы оставили крѣпость и 4 пушки. Войска Митрополита заняли ее и въ продолженіе трехъ дней въ окрестностяхъ Цавтана дрались съ Французами. Въ эти дни Французы потеряли до 600 человѣкъ и одно знамя, и наконецъ (25 Мая) отступили къ Рагузѣ и стали строить укрѣпленіе на горѣ Бреатъ. Черногорцы не переставали нападать на передовые отряды Французовъ.

Между тѣмъ Сенявинъ услыхавъ въ Триестѣ о занятіи Рагузы Французами, возвратился въ Каттарои, сдѣлавъ тамъ нужныя распоряженія, съ флотомъ пошелъ къ Рагузѣ (1 Іюня); потомъ, соединившись съ Митрополитомъ, рѣшился напасть на укрѣпленіе на горѣ Бреатъ и островъ Св. Марка. Французы, увидѣвъ приближающіяся войска, заперлись въ укрѣпленіяхъ, а Митрополитъ сталъ лагеремъ подъ стѣнами Рагузы.

4 Іюня Генераль-Маіоръ Князь Вяземскій, Шефъ 13-го Егерскаго полка съ батальйономъ своего имени, пришелъ изъ Корфу въ Цавтатъ и оттуда на ладь-

ихъ переѣхалъ къ Рагузѣ и соединился съ войсками Владыки.

На другой день, въ 4 часа утра, по данному знаку, 5 Русскихъ кораблей подошли къ Рагузѣ, а канонирскія лодки къ острову Св. Марка (Ласгота). Контръ-Адмиралъ Сорокинъ открылъ пальбу по крѣпости. Въ этотъ день было славное для Черногорцевъ и Русскихъ сраженіе. Непріятель укрѣпился въ горахъ у Рагузы, построилъ баттарей и ожидалъ нападенія. Его войска обнимали все узкое пространство отъ моря до Турецкой границы, правымъ крыломъ примыкая къ морю и утесистому берегу, а лѣвымъ къ Турецкой границѣ, гдѣ нельзя было драться. Передъ фронтомъ были устроены 4 баттарей на четырехъ важнѣйшихъ пунктахъ, изъ которыхъ каждый защищалъ другъ друга. Непріятельское войско состояло изъ 3,000 регулярнаго Французскаго войска и 4,000 жителей Рагузы, хорошо вооруженныхъ. Крѣпко было положеніе Французовъ, но Русскіе и Черногорцы рѣшились на другой день (5 Юня) ударить на нихъ. Первые напали Черногорцы. Князь Вяземскій, видя, что непріятель хочетъ окружить ихъ, послалъ имъ въ помощь 3 роты егерей. Во время битвы пришло извѣстіе къ Митрополиту отъ Турецкаго Забита, что къ непріятелю приближается помощь. Митрополитъ немедленно напалъ на Французовъ съ остальными Черногорцами и 3 ротами Егерей, но Французы крѣпко защищались. Между тѣмъ какъ шло сраженіе, Князь Вяземскій, раздѣливъ свой отрядъ на двѣ колонны и пустивъ впередъ охотниковъ, подъ предво-

дательствомъ Красовскаго, Кличьки и Ренекампа, пошелъ на высоты, защищенные баттареями.

Лористонъ, примѣтивъ общее движеніе, сильно потѣснилъ охотниковъ и ударилъ на отрядъ Митрополита, когда онъ подымался въ гору. Отступить было невозможно. Между тѣмъ съ Русскаго флота глядѣли на битву и ожидали съ нетерпѣніемъ, когда на вершинахъ горъ покажутся Русскія знамена. Наконецъ отрядъ Владыки вошелъ на вершину, отнялъ укрѣпленія и водрузилъ на нихъ Русское знамя. Громкое ура раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Обѣ колонны Князя Вяземскаго соединясь съ Митрополитомъ, напали на 10-пушечную баттарею, взяли ее и вытѣснили Французовъ изъ ихъ позиціи. Французы отступили, уступивъ три укрѣпленія и три баттарей, и, собравшись съ силами, ударили въ оба фланга соединенныхъ Русскихъ и Черногорскихъ войскъ, но были отбиты. Снова отступили Французы и устроились въ четвертомъ укрѣпленіи подъ горою, близъ самой Рагузы. Но и тутъ не могли удержаться: Черногорцы и Русскіе отрѣзали имъ дорогу въ городъ. Въ это время пришла помощь къ Французамъ; они двинулись узкимъ проходомъ, чтобы соединиться съ нею. Но Черногорцы предупредили ихъ, напавъ на нихъ съ двухъ сторонъ, а Русская картечь настигла ихъ при переправѣ черезъ мостъ. Въ 8 часовъ вечера раздался послѣдній пушечный выстрѣлъ и прекратилось сраженіе. Укрѣпленія на горѣ Бреатъ были взяты. Въ это сраженіе было отбито 19 пушекъ, убиты: Генераль Дельгогъ, 18 Офицеровъ, между которыми и Адъютантъ Лористона,

400 солдатъ; 90 было взято въ плѣнъ. Жителей Рагузы убито до 400, Русскихъ до 60 и до 100 Черногорцевъ.

6 Юня Русскіе съ моря ударили на крѣпость острова Лакромы, но безъ успѣха, а Черногорцы между тѣмъ пресѣкли воду осажденнымъ въ Рагузѣ. Рагуза принуждена была сдаться, какъ вдругъ пришло повелѣніе отъ Императора Александра прекратить военныя дѣйствія и оставить Далмацію въ рукахъ Французовъ. Слухъ объ этомъ распространился въ войскѣ и большая часть Черногорцевъ разошлись по домамъ. Между тѣмъ какъ Митрополитъ и Сенявинъ писали къ Императору о томъ, какъ Французы нарушили народныя права, завладѣвъ Рагузою, 2300 Русскихъ не могли поддерживать осаду крѣпости. Лористонъ со дня на день ожидалъ подкрѣпленія и въ этой надеждѣ отказалъ Сенявину сдать крѣпость на капитуляцію. Нѣсколько разъ Французы дѣлали вылазки (16 и 21 Юня) и нападали на Русскихъ, но всегда неудачно; наконецъ заперлись въ крѣпости и ожидали подкрѣпленій.

Митрополитъ, узнавъ, что изъ Стона идетъ помощь къ Французамъ въ Рагузу, пошелъ къ рѣкѣ Омбле перерѣзать имъ дорогу, но Генераль Молиторъ съ 3500 ч. прошелъ черезъ Турцію и приблизился къ Рагузѣ. Русскіе, видя его приближеніе, сняли осаду и на корабляхъ отправились въ Кастель-Ново. Митрополитъ послѣ небольшой стычки, отступилъ къ Цавтату и оттуда также перешелъ въ Кастель-Ново.

Между тѣмъ Французы вели переговоры съ Австрійцами о Далмаціи. Лористонъ, желая преклонить на

свою сторону Митрополита Черногорскаго, предложилъ ему отъ имени Наполеона званіе Патріарха всей Далмаціи. Митрополитъ отклонилъ предложеніе. 2 Августа Сенявинъ заключилъ перемиріе съ Французами. Между тѣмъ какъ длились переговоры, пришло повелѣніе отъ Императора Александра (26 Августа) продолжать войну. Передъ тѣмъ Французы нарушили перемиріе, и, перейдя нейтральную границу, построили укрѣпленія на углу Каттарскаго залива Остро, чтобы запретъ тамъ Русскій флотъ. 2 Сентября Черногорскіе отряды ударили на Французовъ и прогнали ихъ отъ границъ, а 13-го 3000 Русскаго войска вышло изъ Кастель-Ново, а съ моря открытъ былъ огонь на укрѣпленіе Остро. Французы оставили укрѣпленіе Остро и потомъ Монтонти, и отступали, держась берега. 14 Сентября Митрополитъ взялъ весь *дебелый* берегъ и вмѣстѣ съ Русскими постоянно преслѣдовалъ Французовъ. 16 Сентября былъ взятъ ихъ укрѣпленный лагерь у Виталини, а непріятель удалился въ главный свой лагерь подъ Павтатъ. Русскія войска проникли и туда (17 Сентября). Генераль-Майоръ Папандопуло, командовавшій регулярнымъ войскомъ, напалъ на Французовъ; но узнавъ отъ плѣнниковъ, что къ непріятелю пришла помощь (два полка) и къ вечеру ожидается еще другая, отступилъ къ *доброй водѣ* и занялъ мѣсто, гдѣ не могъ опасаться быть окруженнымъ непріятелями. Черногорцы во все продолженіе этого дня отдѣльными отрядами беспокоили Французовъ.

На другой день (18 Сентября) Французы напали на Русскихъ; вытѣснивъ ихъ изъ позиціи, Лористонъ на-

палъ на Митрополита, который стоялъ около Черной рѣки, но Черногорцы отбили нападеніе. Къ вечеру Генераль Папандопуло, замѣтивъ движеніе семи непріятельскихъ отрядовъ, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ, ночью двинулся къ Мойдежу и занялъ тамъ твердую позицію на Каттарской границѣ, Митрополитъ же отступилъ къ Каменному и Мокрину, чтобы загородить непріателямъ дорогу въ Кастель-Ново.

19 Сентября, рано утромъ, непріатель ударилъ на Папандопуло, но былъ отбитъ. Мармонъ подкрѣпилъ свой отрядъ отборными войсками и Русскіе, не ожидая ни откуда помощи, послѣ семичасоваго кровопролитнаго сраженія, отступили въ Кастель Ново, и, соединившись съ Черногорцами, не допустили непріателя завладѣть Каменнымъ и Мокриномъ.

Французскія войска остановились у Суторина и на другой день утромъ (20 Сентября) одну часть войскъ Мармонъ отправилъ къ Кастель-Ново, а другую самъ повелъ на Черногорцевъ къ Мокрину, Каменному и Мойдежу. Корабль и нѣсколько канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ у Кастель-Ново, открыли огонь и не допустили Французовъ къ крѣпости, а Митрополитъ, раздѣливъ Черногорцевъ на небольшіе отряды, двинулъ ихъ на Мармона, оставя одну часть войска въ запасъ, на случай подкрѣпленія. Сильно ударили Черногорцы и послѣ долгой битвы принудили Французовъ отступить снова къ Суторинѣ. Уже была ночь, когда затихли выстрѣлы. Въ этотъ день одна изъ Черногорскихъ четъ, подъ предводительствомъ Сердаря Мартиновича, взяла

Французскій лагерь у Виталини и освободила нѣсколько Русскихъ плѣнниковъ.

Мармонъ, предчувствуя сильную битву на другой день и опасаясь быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, оставилъ лагерь, бросилъ семь пушекъ и отошелъ къ Цавтату. Передъ зарею (21 Сентября), Черногорскія стражи, замѣтивъ отступленіе непріятеля, закричали: «кое витезъ на ноге, утече Французъ!»! Услыша призывъ, Черногорцы бросились преслѣдовать Французовъ. Черезъ два часа и Митрополить двинулся за ними съ своимъ войскомъ и вскорѣ нагналъ ихъ и окружилъ со всѣхъ сторонъ. Французы спѣшили уйти въ укрѣпленный лагерь, находившійся подъ Цавтаномъ, бросая по дорогѣ тяжести и пушки, а Черногорцы били ихъ со всѣхъ сторонъ. Съ немногими изъ своего войска удалось Мармону прійти подъ Цавтатъ. Черногорцы, простоявъ тамъ два дня, воротились опять въ Кастель-Ново и соединились съ Русскими.

Въ продолженіе 22-хъ дней войны, Русскихъ пугибло до 600 челов., нерегулярнаго же войска около 200 человекъ. Французовъ убито до 5 тыс. солдатъ и въ томъ числѣ 1 Генералъ и 55 Офицеровъ. Генералъ Молиторъ былъ раненъ; Г. Бове и съ нимъ 47 Офицеровъ и 1300 солдатъ были взяты въ плѣнъ; взято также 50 пушекъ и 10 перевозныхъ судовъ съ грузомъ. Обезсиленный Мармонъ затворился въ Рагузъ и Цавтатъ, ожидая помощи изъ Италіи. Четы Черногорцевъ, по распоряженію Вице-Адмирала, непрерывно нападали на Французовъ и ежедневно приводили плѣнныхъ и приносили добычу. 2 Октября Митрополить двинулся къ

Рагузѣ, разбилъ отрядъ непріятеля и возвратился, оставивъ тамъ стражу для наблюденія за движеніями Французовъ.

Между тѣмъ Сенявинъ задумалъ покорить Курцулу, покоренную прежде и вновь уступленную Французамъ. 26 Октября, посадивъ на суда два батальйона Егерей и 150 Черногорцевъ, онъ пошелъ къ Корцулѣ и 29 Ноября ударилъ на Французовъ, которые защищали укрѣпленія у монастыря Св. Біаджіо. Послѣ полуторачасоваго боя, Французы оставили укрѣпленія и ушли въ городъ. На другой день Русскіе осадили городъ и взяли его. Полковникъ Орфенаго, 13 Офицеровъ и 380 солдатъ были взяты въ плѣнъ. Въ этой битвѣ особенно отличались: Савва Петровичъ, братъ Владыки, — за что онъ получилъ Георгія 4-й степени, и Станиславъ Петровичъ, который былъ награжденъ золотою шпагою съ орденомъ Св. Анны.

Сенявинъ готовилъ ту же участь и острову Лезинѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе отъ уполномоченнаго Русскаго Графа Мочениго, изъ Корфу, что Али-Паша взялъ Превезу и вмѣстѣ съ Шермитъ-Беемъ хочетъ ударить на Ионическіе острова; Вице-Адмиралъ долженъ былъ возвратиться въ Каттаро, чтобы оттуда итти въ Корфу; на пути онъ взялъ островъ Браца. Сенявинъ, отправившись въ Корфу (1807 г. 13 Генваря), оставилъ начальство надъ флотомъ въ Адріатическомъ морѣ Капитану Баратынскому. Митрополитъ двинулся въ Каттаро, чтобы защищать его отъ непріятелей. Г. Санковскій былъ сдѣланъ Гражданскимъ Губернаторомъ Кат-

тарскаго Округа, а Полковникъ Книперъ предводительствовалъ Русскимъ сухопутнымъ войскомъ.

Не смотря на то, что Турки въ это время соединились съ Французами, положеніе союзниковъ не измѣнилось и непріятель не смѣлъ нападать на нихъ, но между тѣмъ долженъ былъ измѣниться планъ войны.

Въ началѣ Марта мѣсяца нѣсколько Старшинъ Герцеговинскихъ съ Черногорской границы пришли къ Митрополиту и просили, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ притѣсненій Турокъ. Санковскій объяснилъ Владыкѣ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Будбергъ, говорилъ ему, что слѣдуетъ защищать Славянъ отъ Турокъ. По общему совѣту Начальниковъ союзныхъ войскъ, положено было ударить съ двухъ сторонъ на Никшичи (Оногште). 2 Апрѣля, 1000 человекъ регулярнаго войска, подъ предводительствомъ Подполковника Забелина, изъ Рисана двинулось къ Никшичи; въ тоже время пошли туда и Черногорцы, подъ предводительствомъ Митрополита. Другая часть Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Полковника Радуновича, вмѣстѣ съ Приморцами, изъ Кастель-Ново двинулась къ Требиню. Но этотъ походъ окончился небольшими стычками. 19 Мая вновь ходили союзныя войска подъ Клобукъ, но должны были воротиться въ Каттаро: ибо къ Туркамъ подоспѣли въ помощь Французы, и вмѣстѣ съ тѣмъ они грозили взять Каттаро.

Около половины Іюля пришло извѣстіе, что заключенъ миръ въ Тильзитѣ, и 23 того же мѣсяца пришло повеленіе отъ Императора передать Каттарскій Округъ

Французамъ. Генераль Лористонъ (29) занялъ Кастель-Ново, потомъ и остальные города.

Въ 1813 году, когда слухъ дошелъ о войнѣ Россіи съ Французами, вновь возгорѣлась война въ Каттарскомъ Округѣ. Митрополитъ, письменно уговорившись съ Англійскимъ Адмираломъ, который въ это время былъ въ Адриатическомъ морѣ, вооружилъ Черногорцевъ съ цѣлю выгнать Французовъ изъ Каттарскаго Округа. Черногорцы только ожидали приказанія и съ радостію приготовились къ войнѣ.

Владыка съ отрядомъ (9 Сентября) двинулся къ Будвѣ, а другой отрядъ Черногорцевъ, подъ предводительствомъ Губернатора Вука, пошелъ къ крѣпости Троица. Владыка остановился подъ Майною и собралъ совѣтъ о томъ, какъ дѣйствовать противъ Будвы. По мнѣнію Петра Джюрашковича, рѣшились дѣйствовать такъ: написали письмо въ Будву къ Пандурамъ, чтобы они соединились съ Черногорцами и рѣшились возстать противъ Французовъ и выгнать ихъ изъ крѣпости. Если Пандуры будутъ согласны, то на другой день рано утромъ они должны были напасть на Французскій гарнизонъ и отворить крѣпостныя ворота, и тогда Черногорцы придутъ имъ на помощь. Съ радостію согласились Пандуры на такое предложеніе, и на другой день Будва была взята. Между тѣмъ Губернаторъ Черногорскій ударилъ на Троицу и разбилъ отрядъ, пришедшій защищать ея изъ Каттаро, взялъ и сжегъ крѣпость. Такимъ образомъ Приморье до самаго Каттаро было въ рукахъ Черногорцевъ. Между тѣмъ какъ Владыка писалъ къ Англійскому Адмиралу, чтобы онъ вошелъ въ

Каттарскій заливъ и помогъ взять крѣпость, Черногорцы взяли нѣсколько баттарей Французскихъ на горахъ вокругъ Каттаро и потомъ окружили Кастель-Ново и Спаньолу и тѣмъ разобили Французовъ съ Рагузою.

1-го Октября Англійскій флотъ вошелъ въ Каттарскій заливъ. Въ это время нѣсколько пограничныхъ съ Каттаро селъ покорились власти Митрополита. Всѣ укрѣпленія были отняты у Французовъ и наконецъ съ помощію Англичанъ были взяты и крѣпости Кастель-Ново и Спаньола.

Митрополитъ предложилъ Французскому Коменданту Готье сдать Каттаро, но тотъ отказался. Готовясь къ осадѣ Каттаро, Митрополитъ собралъ всѣхъ Приморцевъ на общій совѣтъ и вмѣстѣ постановленъ былъ слѣдующій договоръ: всѣ общины Каттарскаго Округа соединяются за одно съ Черногоріею и просятъ принять ихъ въ покровительство кого-нибудь изъ трехъ союзныхъ Монарховъ, предоставивъ имъ право управленія по своимъ обычаямъ. Устроена была для управленія Округомъ Центральная Коммисія, въ которой предсѣдательствовалъ Митрополитъ. 8 Ноября, по рѣшенію Коммисіи, отправленъ былъ Савва Пламенацъ къ Императору Александру, съ просьбою принять подъ свое покровительство Черногорію и Каттарскій Округъ.

Между тѣмъ какъ шла война съ Французами, прибыло извѣстіе, что Далмація уступлена Австріи. Готье сдалъ Каттаро Англійскому Капитану Хосту, который передалъ его въ руки Владыки и самъ (30 Декабря)

оставилъ заливъ. Наконецъ Австрійскія войска пришли занять Далмацію. По повелѣнію Императора Александра, Владыка сдалъ имъ Каттаро (1814 г. 27 Марта) и удалился въ Черную Гору.

Въ послѣднее время его жизни была одна важная война при Марачѣ (1820), большею же частію его вниманіе было устремлено на внутреннее устройство Черной Горы.

ГЛАВА V.

Юридическій бытъ Черногоріи, очеркъ государственнаго, уголовного, граждан- скаго и семейнаго права.

Не одними военными подвигами Владыка Петръ заслужилъ необыкновенную любовь народа. Столько, если еще не болѣе важны его труды для внутренняго устройства и управленія Черногоріею. Обратимъ вниманіе на эту сторону его дѣйствій.

Во время Черноевичей мысль о свободѣ и независимости Черной горы, не только не вошла въ общее сознаніе, но даже не была въ инстинктѣ народа. Искони привыкла Черногорія быть одною изъ областей покорныхъ Сербскому Царству. Она дралась съ Турками, за то, что Турки погубили Царя Лазаря и Сербію и за то, что Турки гнали православную вѣру. Князь былъ лицомъ уважаемымъ или простымъ предводителемъ войска, нисколько не сознавая своего Государственного значенія. Потому съ одной стороны онъ ищетъ опоры и покровительства въ другихъ Государствахъ. Во время Черноевичей и послѣдующее за нимъ нѣтъ дан-

ныхъ, изъ которыхъ можно бы заключить что Черногорія останется и окрѣпнеть, какъ область не зависимая. Напротивъ легко ей было подчиниться другому Государству, также какъ подчинялась она Сербіи. Мысль объ этой зависимости еще не прошла. Съ другой стороны положеніе Черногоріи оторванной отъ Сербіи, не приставшей ни къ какому другому Государству, требовало развитія внутри ея понятій государственныхъ. И они развились и вошли въ общее сознаніе въ смыслѣ государственнаго значенія каждаго Черногорца, мысль, — которая въ послѣдствіи перешла въ понятіе о равенствѣ въ братствѣ всѣхъ Черногорцевъ. Это, если можно такъ выразиться, только личное сознаніе государственныхъ понятій, войдя въ семейное устройство Черногорцевъ, общее имъ со всѣми Славянами, произвело понятіе о родѣ, — родовое устройство. Каждый родъ получилъ значеніе Государства. Въ чемъ же могло заключаться общее средоточіе Черногоріи, что соединяло эти роды, эти многочисленные государства въ одно цѣлое? единство происхожденія, народность; но это единство было имъ общимъ и съ другими Сербамъ, покорными власти Турокъ и Венеціанъ! Вѣра; — но и Вѣра Православная принадлежала всѣмъ Сербамъ; однако у покоренныхъ сербовъ Православная вѣра потеряла свое исключительное значеніе. Въ областяхъ Турецкихъ Магометанство, въ областяхъ Венеціанскихъ Латинство, занимали первое мѣсто въ общественной жизни. И такъ не собственно вѣра, исповѣданіе, но ея значеніе въ общественной жизни, ея такъ сказать государственная сторона, власть церковная — вотъ что могло сосредото-

чивать, разрозненные члены Черногоріи. Прекращеніе Княжеской власти въ Черногоріи представляетъ любопытное историческое явленіе. Послѣдній Черноевичъ какъ бы сознавая, что власть Бана вовсе не можетъ имѣть государственнаго значенія въ Черногоріи и быть средоточіемъ общественной жизни — добровольно отказывается отъ власти и удаляется въ Венецію. вмѣстѣ съ тѣмъ, тоже какъ бы подвигнутый тайнымъ сознаніемъ что единственно Церковная власть можетъ быть средоточіемъ Черногоріи, ставить на свое мѣсто, по общему согласію народа, Митрополита. Такъ начинается духовная власть въ Черногоріи, власть Владыкъ.

Владыка Петръ, рассказывая объ отреченіи послѣдняго Черноевича, замѣчаетъ: по необходимой нуждѣ сталъ Митрополитъ Черногорскій владѣтелемъ Черной Горы, не по властолюбію или славолюбію, какъ думаютъ тѣ, которые не малѣйшаго не имѣютъ понятія о состояніи Черногоріи и значеніи ея Митрополита (*). Безспорно не жажда власти поставила Митрополита Черногорскаго Владыкою народа, но внутренняя необходимость ихъ общественнаго быта. Какого же рода было его значеніе, въ чемъ состояло его дѣйствіе?

Съ того времени какъ Митрополитъ сдѣлался Владыкою Черногоріи, общимъ средоточіемъ ея общественной жизни и потому получилъ нѣкоторымъ образомъ государственное значеніе — его власть стала въ противоположность съ государственнаго властію рода. Такая

(*) Грлица 1835 г. стр. 66 пр.

противоположность вмѣсто сосредоточенія разрознила общественный бытъ и породила борьбу, которая должна была кончиться или побѣдою рода или власти Митрополита; двухъ государственныхъ средоточій быть не могло. Ни то, ни другое послѣдствіе не было въ духѣ Славянскаго племени.

Побѣди родъ, то въ первое время мысль о средоточіи уничтожилась бы совершенно. Ибо родъ никогда не существуетъ какъ нѣчто общее и единое, напротивъ всегда предполагаетъ многіе роды и съ равными правами. Разумѣется мысль о средоточеніи жизни не могла бы исчезнуть, а потому въ первое время взаимная вражда была бы первымъ слѣдствіемъ преобладанія мысли о родѣ въ общемъ устройствѣ общественнаго быта. Усиленіе нѣкоторыхъ родовъ на счетъ другихъ, болѣе или менѣе тѣсный ихъ союзъ между собою, аристокрація была бы дальнѣйшимъ слѣдствіемъ — явленіе противное Славянству.

Побѣди власть Митрополита значеніе родовъ, — вся власть государственная соединилась бы съ духовною, произошло бы явленіе похожее на власть папъ на Западѣ — явленіе противное Христіанству.

И такъ противоположность между родомъ и властію Митрополита должна была разрѣшиться и примириться въ новомъ среднемъ понятіи, и такимъ понятіемъ былъ-законъ.

Обратимъ вниманіе на историческое появленіе и движеніе мысли о законѣ въ Черногоріи.

Власть Владыки здѣлавшись средоточіемъ общественнаго быта, въ первое время появленія почти неза-

мѣтна и бездѣйствуетъ въ отношеніи государственномъ. Ея вліяніе на жизнь остается по прежнему чисто религіознымъ и нравственнымъ.

Съ другой стороны сильно начинаетъ развиваться родовое устройство. Роды растутъ и умножаются, одни начинаютъ преобладать надъ другими. Каждое село и община получаютъ родовыя названія (сохраняющіеся и до сихъ поръ), что указываетъ на родовое ихъ происхожденіе, званія Сердарей и Князей становятся наследственными. Взаимное соперничество родовъ выражается въ кровавой мести.

Во все это время броженія государственнаго значенія рода, власть духовная остается въ сторонѣ и не выступаетъ на поприще дѣйствія. Наконецъ слѣдствіемъ постоянной вражды родовъ между собою было ослабленіе внутренней связи и единства жизни. Многія изъ племенъ подпали подъ власть Турокъ, другія признали ихъ покровительство, и внутри всей Черногоріи сильно прокралась Магометанская пропаганда и нравственно разобщила Черногорцевъ. Власть Владыкъ не могла уже болѣе бездѣйствовать; борьба изъ области государственной перешла въ область нравственную и грозила разрушеніемъ религіозныхъ убѣжденій народа. Тутъ является Митрополитъ Даніиль и истребленіе всѣхъ потурченковъ внутри Черной Горы. Съ этой минуты начинается новая эпоха во внутреннемъ развитіи Черногоріи.

Мысль о народномъ единствѣ, основанномъ не на случайныхъ судьбахъ историческихъ, но на единствѣ народнаго убѣжденія, ярко обрисовывается въ это вре-

мя и дѣлается основною мыслію послѣдующей исторіи. Истребленіе потурченковъ имѣло большое вліяніе. Во 1-хъ оно заставило выразиться мысль объ единствѣ народномъ. Но эта мысль не доходитъ далѣе простаго народнаго инстинкта. Будучи сознана она получила бы государственное значеніе и, дѣйствуя на бытіе общественной, породила бы другую — мысль о независимости, сознаніе того что въ жизни народной есть зерно, способное развиться въ государство. Во времена Даниила Черногорія пришла въ сношеніе съ Россіею, слѣдствіемъ этихъ сношеній было признаніе Черногорцевъ себя Русскими подданными. Изъ этого мы видимъ, что народъ еще не достаточно сосредоточился внутри себя и ищетъ внѣшней опоры, — мысль о внутреннемъ единствѣ не достигла полнаго сознанія. Послѣдующая исторія представляетъ рядъ постепеннаго сознанія этой мысли. Во 2-хъ, истребленіе потурченковъ произведено вліяніемъ Владыки. Этотъ случай представлялъ ему полную возможность сосредоточить въ своемъ лицѣ все государственное значеніе. Но, какъ мы сказали что нѣтъ ничего противнѣе значенію Православнаго Епископа, какъ внѣшняя государственная власть; потому Владыка Данииль не беретъ на себя значеніе этого подвига. Онъ собиралъ прежде народное собраніе, которое рѣшилось на мѣру истребленія потурченковъ. Съ этого времени является народное собраніе средоточіемъ государственнымъ. Но во всякомъ случаѣ главнымъ лицомъ въ народномъ собраніи представляется Владыка. Стало бытіе ему предстояла снова возможность пріобрѣсть всю власть государственную. Чтобы окончательно от-

странить отъ себя такую возможность, пріемникъ Данила ставить свѣтскаго Предсѣдателя народнаго собранія, избираемаго самимъ народомъ, Губернатора. Значеніе Владыки опредѣляется окончательно какъ чисто нравственнорелигіозное. Въ 3-хъ, народное собраніе становится въ противоположность съ родовымъ устройствомъ. Но тѣ же представители и члены родовъ составляютъ и народное собраніе. На этомъ основывается, съ одной стороны необходимое движеніе впередъ общественной жизни, съ другой медленность этого движенія. Народное собраніе противоположно исключительному, государственному значенію рода. Народное же собраніе было простою совокупностію тѣхъ же родовъ. И такъ борьба введена внутрь самаго рода, онъ самъ возстаетъ на себя. Въ слѣдствіе этого родовое устройство обезсилило и дало возможность развитію новыхъ началъ. Съ другой стороны члены родовъ входя въ составъ народнаго собранія вносили въ него убѣжденія о государственномъ значеніи рода. Столкновеніе этихъ убѣжденій только обезсильвало одно другое; но не могло произвести новыхъ убѣжденій. Они должны были привзойти извнѣ. Нравственное вліяніе Владыкъ, стремленіе ихъ разпространить образованіе и тѣмъ измѣнить народныя убѣжденія, медленно начинается вводить новый порядокъ вещей.

Народныя собранія часто созываются и это помогаетъ усиленію ихъ значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденія собранія еще такъ шатки, что оно долго не сознаетъ своего государственнаго значенія. Потому и кровавая месть остается во всей силѣ, и народъ непрерывно

ищетъ государственнаго единства внѣ самаго себя, и бѣжитъ за каждымъ знаменемъ. Этимъ объясняется и появленіе и сила Самозванца Стефана Малаго, и его чисто произвольныя дѣйствія въ отношеніи къ внутреннему устройству и управленію народа,—и возможность видимой измѣны, такъ Губернаторъ Черногорскій хочетъ подчинить ее, по смерти Митрополита Саввы, Австрійской Имперіи; такъ партіи Черногорскія, пересорясь между собою, призываютъ на помощь Турокъ и поддаются имъ.

Мысль о народномъ единствѣ не совпадаетъ съ мыслию о независимости, живетъ въ народѣ какъ простой инстинктъ, не достигая государственнаго сознанія до временъ Владыки Петра. Съ сего времени народное собраніе получаетъ окончательную силу. Каждое его рѣшеніе записывается и утверждается какъ законъ. Въ понятіи о законѣ народное собраніе сознаетъ себя и получаетъ силу, которой должны покориться частныя роды. Чтобы законъ имѣлъ силу, само народное собраніе, во 1-хъ, клятвою обѣщается исполнять его; во 2-хъ, устраиваетъ суды для приведенія въ исполненіе закона, и для наказанію преступниковъ. Такимъ образомъ, частный судъ и расправа, кровавая месть уничтожаются, вмѣстѣ съ паденіемъ государственнаго значенія родовъ. Вотъ мысль, которую вно- ситъ въ общественное сознаніе Владыка Петръ. Просвѣщенный и знакомый съ устройствомъ и управленіемъ другихъ Государствъ Европейскихъ, онъ желалъ, чтобы Черногорцы *унапріедъ можемо управляти на изгледъ прочіе народахъ одъ свѣта*, но вмѣстѣ съ тѣмъ,

сознавая вполне святость народной свободы и ничтожность законовъ противорѣчащихъ нравамъ и обычаямъ, стремился къ установленію законнаго порядка, полезнаго и приложимаго къ жизни народной. Поводомъ такого стремленія былъ Судебникъ, о которомъ говорить Г. Милаковичъ: этотъ Судебникъ написанъ по слѣдующему правилу: *Законе треба принаровляти на родима, а не народи законима* (*). Разсмотримъ характеръ народныхъ собраній въ Черногоріи, ихъ отношеніе къ Власти Владыкъ и значеніе закона, потомъ приступимъ къ гражданскому и семейному быту.

Понятіе о внутреннемъ единствѣ ясно высказано въ заключеніи Судебника: «обязанности всякаго сына отечества говоритъ ему и побуждаетъ быть вѣрнымъ и преданнымъ своему отечеству. Ни какое благо, ни богатство не можетъ разлучить его съ нимъ, ни подкупить сдѣлаться отступникомъ и измѣнникомъ. Эту обязанность должны исполнять всѣ мы, рожденные и воспитанные въ одномъ отечествѣ. Но къ несчастію не многіе изъ насъ равно познаютъ эту прекрасную и великой чести достойную обязанность. Потому дай Боже, чтобы она наконецъ вошла въ общее сознаніе и всѣ мы впредь совокупно и нераздѣльно могли бы называться истинными сынами, преданными своему отечеству.» Эта мысль объ единствѣ народномъ, выражается въ народныхъ собраніяхъ, значеніе же народныхъ собраній, въ законѣ. При Владыкѣ Петрѣ часто повторялись народные собранія. Въ 1790 году, когда Берда просила по-

(*) Грлица, 1835. стр. 52.

мощи у Черногорцевъ, народное собраніе отвѣчало грамотою и обѣщалось помогать. Въ 1796 году 5-го августа, послѣ перваго пораженія Кара Махмуда, собрано было народное собраніе, которое постановило законы противу кровавой мести въ 16-ти статьяхъ. Черезъ два года, въ 1798 году октября 18-го, народное собраніе, бывшее въ монастырѣ Станевичъ, распространило эти законы. Наконецъ собраніе, 17-го августа 1803 года въ Цетинѣ, привело ихъ въ большую полноту и составило нѣкоторымъ образомъ полную систему законодательства.

Сюда собрались, какъ говоритъ заглавіе самаго Судебника: *Главари и Старшины и остала наша брача, свободие Области Црнегоре и Брдахъ наединокупный соборъ и вієчу*. Народное собраніе было подъ предѣтельствомъ Владыки, съ цѣлію установить *единогласно и договорно законъ и уредьбу*. Владыка и Старшины предлагали статьи на общее сужденіе народа, потомъ собирались голоса и единогласіе утверждало постановленія.

Слово *договорно*, употребленное въ Судебникѣ, имѣетъ полное значеніе. Законъ представляется здѣсь не инымъ чѣмъ, какъ договоромъ народа между собою и съ его Правительствомъ, въ лицѣ Старшинъ и Владыки. *Ни единъ народъ не може быти честитъ, ни срененъ, у коему законитаго суда и добраго правительства нема, и ни едно правительство безъ помочи народне стояти не може*, говоритъ тотъ же самый судебникъ. Это общее правило служило основаніемъ новому законодательству, потому (ст. 16) самые законы часто называются дого-

ворами (по овому нашему состанку и договору). Не менѣе того значительно и слово *единогласно*. Единогласіе въ рѣшеніяхъ составляетъ одну изъ отличительныхъ славянскихъ формъ, въ противоположность западно-Европейскому большинству голосовъ.

Это народное собраніе окончилось торжественною клятвою. Всѣ клялись подъ знаменемъ Черногоріи, цѣловали крестъ, Евангеліе и мощи Св. Пантелеймона, въ томъ, что будутъ строго исполнять всѣ постановленія Судебника.

Для наблюденія за исполненіемъ закона и для того, чтобы держать судъ и расправу, устроено было высшее судилище подъ именемъ Кулукъ и низшіе. Общій составъ народнаго суда назывался — судомъ Земскимъ (судъ Земальски).

Народное собраніе 1808 года 17 августа, для содержанія судей постановило подать. Такъ говоритъ объ этомъ ст. 19-я: «Всѣ народы въ свѣтѣ платятъ извѣстную дань, не для кого нибудь другаго, но для себя самихъ. Чтобы на эти деньги правительство содержало судей и войска, которыя бы защищали ихъ отъ непріятельскихъ нападений и оберегали отъ всякаго зла и опасности. Потому и мы постановляемъ, чтобы каждый домъ платилъ ежегодно 60 динаровъ. Преосвященный Петръ I даетъ ежегодно весь доходъ отъ принадлежащихъ ему земель Цетинскаго монастыря. Каждый Князь или Главари должны собирать эту подать съ своей общины и ежегодно въ день Рождества приносить въ Цетинъ, или туда гдѣ будетъ находиться правительство. Отъ правительства они получаютъ свидѣтельство,

которое могли бы показать общинѣ, въ удостовѣреніе того, что заплатили деньги. На эту дань будутъ содержимы люди, которые бы судили по закону.» Этимъ постановленіемъ наносился послѣдній и рѣшительный ударъ государственному значенію рода и потому было чрезвычайно трудно привести его въ исполненіе. Несмотря на то, что законъ постановленъ былъ общимъ согласіемъ народа, онъ почти не былъ исполняемъ или исполнялся неопредѣленно и не всѣми. Черногорцы видѣли въ немъ ограниченіе своей свободы; если платить дань, говорили они, то почему же не платить ее Туркамъ, чтобы чрезъ это жить съ ними въ мирѣ. Почти постоянно продолжавшіяся войны во все послѣднее время Владычества Митрополата Петра препятствовали рѣшительному введенію податей. Потому ропотъ народа не ярко высказывался, чему способствовало и необыкновенное уваженіе народа, которымъ пользовался Владыка.

Слѣдствіемъ неисполненія этого закона было то, что и законы о кровавой мести тоже неправильно исполнялись и судъ не былъ правильно устроенъ. Въ послѣдніе годы, когда наконецъ прекратились войны, Владыка снова было обратилъ вниманіе на внутреннее устройство, но вскорѣ занемогъ и умеръ (окт. 1830). Незадолго передъ смертію онъ собралъ народъ въ Цетинѣ и увѣщавалъ ихъ оставить месть и исполнять законы, ими же постановленные. Наконецъ въ своемъ завѣщаніи онъ просилъ народъ, чтобы за всю Черногорию, за всѣ нахіи, племена и села они дали обѣщаніе при его мертвомъ тѣлѣ, прекратить всѣ ссоры и не

мстить другъ другу до Юрьева дня. Законъ не имѣлъ достаточной силы и Владыка долженъ былъ прибѣгнуть къ своему нравственному вліянію на народъ. И народъ послушался увѣщанія любимаго Владыки, далъ слово и свято сдержалъ его. Владыка говорилъ послѣ Юрьева дня, судъ вами же устроенный, примирить и разсудить васъ. Но лишь только прошелъ срокъ, кровавая мечь загорѣлась сильнѣе прежняго.

Наслѣдникъ Петра I, Петръ II, теперешній Владыка, рѣшился привести въ исполненіе намѣреніе своего предшественника и дяди. Онъ собралъ народъ, уговаривалъ враждующихъ прибѣгнуть къ суду и помириться. Но мѣры оставались безъ дѣйствій, — такъ силенъ былъ старый обычай, — не смотря на желаніе большей части народа. Часто собравшись въ Цетинѣ, чтобы заключить миръ, враждовавшія партіи начинали войну передъ домомъ Владыки. Никакіе средства прекратить бой не удавались. Тогда въ средину битвы являлся самъ молодой Владыка, и предлагалъ слабѣйшей сторонѣ войти въ его домъ и тамъ защищаться. На домъ Владыки не дерзалъ идти ни одинъ Черногорецъ, и такъ на время прекращался бой. Наконецъ Владыка собралъ собраніе, и умолчавъ на время о законѣ о податяхъ, объявилъ, что законъ о прекращеніи кровавой мести и устройствѣ судовъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе. Большая часть согласилась, но Рѣцкая нахія взбунтовалась. Всѣ средства преклонить ее къ миру были напрасны, должно было прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ. Сама нахія раздѣлялась на партіи, и одна только изъ нихъ бунтовала. Владыка

призвалъ другую партію и ей поручилъ усмирить собратій. Любопытно до какой степени былъ силенъ обычай мести и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ Владыкѣ. Враждовавшая партія непрерывно присылала пословъ къ Владыкѣ просить, чтобъ онъ прекратилъ своимъ словомъ войну и не вводилъ закона объ уничтоженіи мести. Самая высокая степень просьбы въ Черногоріи состоитъ въ томъ, что Черногорцы посылаютъ просить женъ съ грудными дѣтьми. По 50 и 60 грудныхъ дѣтей приносили ежедневно передъ домъ Владыки—умоляли оставить принятыя имъ мѣры. Но эта просьба не могла поколебать Владыку, — онъ исполнялъ завѣтъ предшественника и ясно видѣлъ необходимость и пользу закона. Не противъ Владыки возставалъ народъ, это не была война за частныя выгоды, но вражда началъ—родоваго и общественнаго. Наконецъ она прекратилась и Владыка приступилъ къ окончательному устройству судовъ.

Этому предшествовало дѣйствіе, которое уменьшило значеніе партій въ Черногоріи, усилило значеніе Владыки и тѣмъ помогло водворенію внутренняго порядка — это уничтоженіе званія губернатора. Въ послѣднее время онъ явился соперникомъ Владыкѣ и стремился къ уничтоженію ихъ власти, но его дѣйствія были открыты, и народъ осудилъ его какъ измѣнника и выгналъ со всею семьею изъ Черной Горы. Образовано было новое мѣсто, соотвѣтствующее Губернатору — мѣсто Предсѣдателя Сената, которое занимаетъ теперь братъ Владыки, Георгій Петровичъ (въ 1831). Высшее судилище, устроенное при Владыкѣ Петрѣ I,

преобразовано и названо Сенатомъ. Онъ состоитъ изъ 16-ти членовъ, избираемыхъ по всѣмъ нахіямъ самимъ народомъ и утверждаемыхъ Владыкою. Первоначально они мѣнялись черезъ годъ, теперь срокъ иногда продолжается долѣе; но вообще это званіе временное. Каждый изъ нихъ получаетъ по 100 гульденовъ жалованья. Вмѣсто низшихъ судовъ введена гвардія, состоящая изъ 150 человекъ. Они находятся въ каждомъ селѣ и племени, и также избираются народомъ и утверждаются Владыкою. Каждый изъ нихъ получаетъ по 30 гульденовъ жалованья. Кромѣ того учреждено было 15 перениковъ, составляющихъ свиту Владыки. Теперь они умножены до 30; въ ихъ число избираются самые храбрѣйшіе изъ всѣхъ нахій и племенъ. Каждый изъ нихъ получаетъ по 40 гульденовъ. Въ слѣдъ за устройствомъ судовъ, Владыка требовалъ исполненія закона о податяхъ. Это требованіе встрѣтило такія же трудности какъ и первое. Снова зашевелились партіи и племя Пиперовъ взбунтовалось. Но твердая воля Владыки преодолѣла препятствія и подати были введены. Теперь каждый Черногорецъ платитъ подать отъ одного цванцигера до 6-ти гульденовъ, смотря по имуществу. Такимъ образомъ устроился внутренній порядокъ въ Черногоріи, котораго характеръ мы постараемся изложить въ общихъ чертахъ.

Предшественники теперешняго Владыки опредѣлили свою власть какъ чисто религіозно-нравственную, отрѣшивъ отъ всякой свѣтской власти.

Постояннымъ стремленіемъ Владыки Петра было придать государственное значеніе народному собранію

и въ немъ сосредоточить общественный бытъ Черногоріи. Смысль собранія выразить въ законѣ и силу закона привести въ дѣйствіе устройствомъ судовъ. Новое устройство исполнило ли эти требованія или измѣнило ихъ? не возросла ли власть Владыкъ на счетъ всего остального и не измѣнила ли первоначальнаго своего характера? Послѣднія рѣшительныя дѣйствія Владыки принуждаютъ насъ сдѣлать этотъ вопросъ. Но эти дѣйствія были исполненіемъ законовъ, постановленныхъ самимъ народнымъ собраніемъ. Потому дѣйствія Владыки въ этомъ случаѣ не представляются произвольными, но прямымъ исполненіемъ закона. Святость закона соблюдена во всей его силѣ и стало быть значеніе народнаго собранія. Народное собраніе представляется средоточіемъ государственнымъ — оно избираетъ Владыкъ. Правда со времени митрополита Даниила, Владыки избирались съ однимъ только исключеніемъ изъ рода Нѣгошей, но это избраніе совершалось народомъ. Послѣдній Владыка былъ назначенъ по завѣщанію Петра I, но народъ же призналъ его и привѣтствовалъ какъ Владыку. — Общее народное собраніе созывается всегда при объявленіи войны. И такъ, оно составляетъ главное средоточіе въ управленіи Черногоріи. Каждое село и племя образуютъ самостоятельныя общины и соединяются въ частныя собранія, имѣющія право избирать чиновниковъ. Общее собраніе почти всегда соединяется въ Цетинѣ, какъ внѣшнемъ средоточіи страны, не смотря даже на то, тамъ или нѣтъ въ это время Владыка. Разумѣется, эти собранія совершаются безъ всякихъ особенныхъ формъ.

Черногорецъ не любитъ формальности и видитъ въ ней стѣсненіе своей свободы. Каждый можетъ говорить и говорящаго слушаютъ внимательно. «Вообще, говорятъ Вукъ Кораджичъ, краснорѣчіе высоко цѣнится въ Черногоріи. Начальникъ не краснорѣчивый ничего не значить, а самый бѣдный и ничтожный но краснорѣчивый человѣкъ можетъ занять его мѣсто, сдѣлаться Главаремъ Нахії или Племени.»

Въ лицѣ Владыки сосредоточивается вся нравственно-религіозная власть, его титулъ: Владыка Черногорскій и Бердскій. Первоначально они посвящались въ разныхъ мѣстахъ, послѣдній Владыка посвященъ въ Петербургѣ Св. Прав. Синодомъ, въ 1833 году, въ Митрополиты Черногоріи. Народъ называетъ его иногда Господаремъ. Этотъ титулъ онъ получаетъ какъ высшее лицо во всей Черногоріи и какъ представитель ея въ отношеніи къ другимъ землямъ, но не потому чтобы заключалъ въ себѣ свѣтскую власть. Онъ присутствуетъ въ Сенатѣ и утверждаетъ рѣшенія, также какъ главное лицо во всей Черной Горѣ. Сенатъ имѣетъ особаго предсѣдателя. Въ рѣшеніяхъ дѣлъ уголовныхъ, Владыка, какъ лице духовное, не участвуетъ и они предоставлены вполнѣ Сенату. Усмиреніе послѣднихъ бунтовъ предоставлено было тоже народу и суду. Владыка только отлучилъ отъ церкви возмутителей.

Онъ главный представитель Черногоріи въ отношеніи къ другимъ землямъ—ведетъ переговоры и заключаетъ трактаты. Въ послѣднее время Владыка достигъ того, что если не сама Порта, то уполномоченныя ея визири въ трактатахъ называютъ Черногорію свобод-

ною и независимою областію. Уже самое заключеніе трактатовъ свидѣтельствуетъ о молчаливомъ признаніи независимости Черногоріи. Австрія въ 1832 году тоже заключила трактатъ съ Черногоріею о границахъ. О заключенномъ трактатѣ объявляется народу. Вотъ объявленіе о мирѣ съ Герцеговинскимъ пашею, заключенномъ въ 1842 году, въ Рагузѣ.

Одъ насъ Петра Петровича Владыке Црногорскога и Бердскога и Каваліера Русскога Цара

Свему народу Црногорскоме и Брдскоме кои граничи съ Херцеговиномъ,

Объявленіе и поздравъ.

Послѣдъ дугога зла и кровопролича, кое е было мечу нама и Турцима Херцеговачкіема, Я и Али — Паша, Везиръ Херцеговачкій состадосмо се у Дубровнику око свашта се діено разговорисмо и мечу собомъ миръ и яко пріятельство утвѣрдисмо; ради тога дае се на знаѣ вама, кои сте по границы Херцеговачкой, да не бы кои задіо чоека, кои е подъ власть Али-Пашину, ербо знадите добро ко бы и каква зла учинію на границы Везира Херцеговачкога, та нека држи, да га чини мени, и да му мѣста у моіой земљи быти нече.—Тако знадите и да сте здраво!

Переники составляютъ свиту Владыки. они посылаются иногда для объявленія народу желаній Владыки, для приведенія въ исполненіе приговоровъ суда и т. под. Въ переники принимаются только тѣ, которые отличились какимъ нибудь храбрымъ поступкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они составляютъ начало постоянного войска. Но этотъ послѣдній характеръ перениковъ исче-

заетъ въ воинственномъ характерѣ всей Черногоріи. Со временъ паденія Сербскаго Царства и до сихъ поръ, Черногорія постоянно ведетъ войну. Черногорецъ родится воиномъ, и начинаетъ носить оружіе съ 10 лѣтъ и даже ранѣ. Простая и полная славянская природа видитъ въ государствѣ такое явленіе какъ онъ самъ, какъ его семья. И если чужое племя, чуждое государство лишаетъ его своей независимости, онъ смотритъ на него какъ на вѣшнюю силу, которой можно или противоборствовать или покориться. Покорность представляется ему совершенною потерей своей народности, потерей самого себя. Потому Сербовъ покорныхъ Туркамъ, Черногорцы не называютъ иначе какъ по-турченками, не смотря на то, сохраняютъ ли они свой языкъ и вѣру. Борьба съ этою силою не составляетъ простой борьбы за политическую независимость, но борьбу за свое существованіе въ полномъ смыслѣ, государственное самосохраненіе. Такая борьба иначе и быть не можетъ какъ на жизнь и смерть, и столѣтія маленькое племя Черногорцевъ боролось и борется съ силою Турокъ,

Ради свете вѣре Православне

И свободе свога отачаства

какъ повторяютъ многія пѣсни. Мысль о договорномъ отношеніи къ чуждой власти непонятна Черногорцу. Потому мира съ Турками, въ собственномъ смыслѣ, не можетъ быть. Турки оторвали Черногорцевъ отъ единства съ Сербією, разрушили и покорили Сербское Царство. Черногорецъ до сихъ поръ считаетъ себя Сер-

бомъ. Мысль отомстить Туркамъ за Косово поле, составляетъ постоянную народную мысль Черногоріи. Во всѣхъ случаяхъ жизни, Черногорецъ называетъ себя Черногорцемъ, но когда дѣло идетъ о войнѣ, то всегда употребляется имя Сербъ. Почти во всѣхъ пѣсняхъ о военныхъ дѣйствіяхъ они называются Сербами —

Одъ Србаля мало ко погипе
Одъ Турака мало ко утече
Славу Богу Срби задобише.

Такъ оканчивается одна изъ новыхъ пѣсенъ. Въ своей войнѣ съ Турками Черногорецъ видитъ войну всей Сербіи, потому она не можетъ окончиться прежде полного освобожденія Сербовъ. Таковъ общій характеръ войны Черногорцевъ и Турокъ, но онъ измѣнился и измѣняется по мѣрѣ измѣненія внутренняго быта самой Черногоріи.

Въ первое время, когда еще жила въ народѣ мысль о подданствѣ Сербіи, Черногорцы дрались съ Турками за Сербовъ. Когда потомъ мысль о государственномъ значеніи превратилась въ мысль о родѣ, и каждый отдѣльный родъ заключалъ въ себѣ значеніе государства, тогда и война, не измѣнивъ своего существеннаго характера, раздробилась и получила болѣе видъ частной мести, нежели войны въ собственномъ смыслѣ. Образовался особый родъ войны — четами. Каждый Черногорецъ считалъ себя обязаннымъ начинать войну, какъ месть съ Турками и быть представителемъ народнымъ въ этомъ случаѣ. Этотъ родъ войны особенно развился

по границамъ. Въ послѣднее время когда мысль о самостоятельности Черногоріи развилась и окрѣпла, война получила болѣе опредѣлительный характеръ. Явилась возможность если не полного мира, то по крайнѣй мѣрѣ перемирій. Война сдѣлалась общимъ дѣломъ всей Черногоріи, потому чтоводство, хотя не уничтожилось совершенно, однако измѣнило свой характеръ. Нападеніе на Турцію безъ особенной причины считается уже преступленіемъ и судится. Чета допускается только въ томъ случаѣ, когда она отмщаетъ Туркамъ за оскорбленіе, нанесенное кому нибудь изъ Черногорцевъ. Четовство стало собственно частною местию. Месть уничтожена внутри Черной горы, но еще сохранилась въ отношеніи къ Туркамъ.

Въ наибольшей связи съ развитіемъ государственныхъ началъ въ Черногоріи было уголовное право.

При родовомъ устройствѣ понятіе о преступленіи не можетъ образоваться и быть понято въ его истинномъ смыслѣ, потому что нѣтъ преступника. Преступникъ является въ дѣлѣ общественномъ представителемъ цѣлаго рода и слѣдовательно только родъ можетъ совершить преступленіе. Наказаніе точно также падаетъ не на лице совершившее преступленіе, но на цѣлый родъ. То или другое лицо будетъ наказано, все равно для обиженнаго. Отношеніе между родами не опредѣляется никакими юридическими условіями, а потому и наказаніе и его степень, произвольны, — мечь.

Часто мстили не тому кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій. И мечь почти никогда не останавлива-

лась на одномъ, но многіе падали жертвою за обиду, причиненную однимъ.

Только съ той минуты, когда преступленіе соединяется съ лицомъ его совершившимъ и наказаніе становится дѣломъ государственнымъ, образуется понятіе объ уголовномъ правѣ.

Выразить и утвердить эти начала и было дѣломъ судейника. Всѣ постановленія народнаго собранія 1796 г. 16 Августа относились къ уничтоженію мести. Главное требованіе новаго законодательства состояло въ слѣдующемъ: да не будетъ самосуда и самоуправства въ Черной горѣ. Такъ въ ст. 8-й говорится: да не чини бой и самовольна osveta и въ ст. 16-й: истецъ безъ суда не можетъ взять у отвѣтчика своей вещи, и самъ да не ужима ништа безъ руке одъ суда. Въ постановленіяхъ слѣдующаго народнаго собранія это правило распространено и на Приморье, не смотря на то, что Приморцы не принадлежатъ къ Черногоріи, а подчинены Австрійскому Правительству. Въ отношеніи къ сосѣднимъ Туркамъ, можно сказать что принимается тоже самое правило, но оно не соблюдается и не можетъ быть соблюдено. Причины этому заключаются въ исконной враждѣ и ненависти къ Туркамъ и въ самихъ Туркахъ пограничныхъ Черногоріи, которые не имѣютъ никакого правильнаго устройства и управленія и сами постоянно нарушаютъ это правило. Я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ подобныхъ тяжбъ. Обиженные Турки почти всегда приходятъ на судъ къ Владыкѣ и если по разборѣ дѣла окажутся виновными Черногорцы, то онъ присуждаетъ ихъ къ пени. Это уже дока-

зываетъ что самоуправство не позволено и въ отноше-
ніи къ Туркамъ, но оно также часто бываетъ, какъ и
походы четъ, не смотря на мирное время.

Въ судебникѣ исчисляются слѣдующіе роды преступ-
леній:

1) Убійство, будетъ ли оно совершено изъ мести
или нѣтъ, во всякомъ случаѣ оно считается преступле-
ніемъ.

Убійство раздѣлено на нѣсколько видовъ: а) Умыш-
ленное убійство, — *безъ нужде, него, одъ силе и опаси-
не*. За такое убійство преступникъ долженъ быть по-
вѣшенъ, или камнями побить и разстрелянъ. (2) Если
преступникъ уйдетъ за границу, тогда оцѣнивается все
его имущество и, изъ той части которая принадлежитъ
ему, половина отдается семьѣ убитаго, а другая въ каз-
ну. (3) Если быонъ когда нибудь возвратился въ Чер-
ногорію, то всякій Черногорецъ безнаказанно можетъ
убить его. (5) Тотъ же кто приметъ его и будетъ дер-
жать у себя, или укажетъ ему путь, подвергается
такому же наказанію, какъ и самый убійца. (4)

б) Въ Черногоріи былъ обычай, изъ мести и чащепро-
сто изъ удали, вызывать другъ друга на поединокъ. Убіи-
ство на поединкѣ наказывается одинаково съ злоумыш-
леннымъ убійствомъ. Чаще же случалось что поединщи-
ки созывали къ себѣ на помощь и когда вокругъ завязы-
вался бой, удалялись. Таковыхъ предписано предавать
суду, какъ возмутителей тишины народной (25), равно
и тѣхъ которые начинаютъ ссору на базарахъ и у Цер-
квей. (19)

в) Убійство неумышленное. Напримѣръ у кого ни-

будь случайно выстрѣлить ружье и убить или ранить другого, тогда судъ обязанъ смягчать наказаніе.

д) Кто убьетъ человека защищаясь отъ нападенія, тотъ наказывается также, какъ неумышленный преступникъ. (10)

е) Кто убьетъ вора или ранитъ во время кражи, тотъ вовсе не наказывается и это не считается преступленіемъ (13).

Законы о наказаніи за убійство приведены въ исполненіе только при теперешнемъ Владыкѣ. За всякое умышленное преступленіе теперь существуетъ только одно наказаніе—разстреливаніе. Собираютъ какъ можно болѣе Черногорцевъ изъ всѣхъ нахій и всѣ стрѣляютъ въ преступника. Это устроено для того, что иначе народъ, неотвыкшій еще отъ мести, считалъ бы себя въ правѣ мстить, тому кто стрѣлялъ въ преступника. Тутъ и наказываетъ и исполняетъ наказаніе не кто либо отдѣльно, но весь народъ и потому сама собою прекращается возможность мести.

2) Раны. — За нанесеніе раны преступникъ наказывается денежною пеней (глоба). Въ этомъ отношеніи различаются два случая:

а) Если ранитъ одинъ другого въ ссорѣ, судъ разобравши дѣло и открывъ виновнаго, смотря по обстоятельствамъ, налагаетъ пеню (6).

б) Если же ранитъ безъ всякой причины, — *нода се юнакъ назове*, то пеня двойная (7).

3) Ударъ. — Высочайшею обидою въ Черногоріи считается ударить другого ногою или чубукомъ. Эта обида наказывается высокою пеней. Если же обижен-

ный не вынесетъ обиды и убьетъ обидившаго, то онъ не считается преступникомъ, какъ тотъ, кто убилъ вора на кражѣ (8).

4) Воровство. — Народное собраніе 1796 года постановило судить воровство по прежнимъ обычаямъ (14). Этотъ обычай состоялъ въ платѣ за украденную вещь въ семь разъ болѣе того, чего она стоила. Въ послѣдствіи рѣшеніемъ Земскаго Суда 1797 года, которое было признано закономъ, это постановленіе развито въ отношеніи къ частнымъ видамъ покражи и пени увеличены. Напримѣръ за вещь которая стоитъ грошъ, платили 15 (ст. 14). Въ послѣдствіи 1808 г. снова подтверждены эти постановленія и усилены. «Наибольшее зло и кровопролитіе въ нашей землѣ бываетъ отъ воровства и въ этомъ особенно виновны родители, которые не воспитываютъ дѣтей своихъ на добрыя и полезныя дѣла и не держатъ въ страхѣ Божіемъ, но напротивъ сами учатъ красть и грабить имущества другихъ,» говоритъ судебникъ (17). Понятіе о воровствѣ вовсе не считалось преступленіемъ въ Черногоріи и ловко украсть вещь у другаго, было дѣломъ храбрости, которою хвастались. Очевидно, что такія понятія развились въ слѣдствіе первоначальнаго, враждебнаго отношенія между родами. Потому законъ совѣтуетъ родителямъ учить своихъ дѣтей, жить въ мирѣ и уважать неприкосновенность чужой собственности. Въ противномъ случаѣ грозитъ наказаніемъ. Эти наказанія увеличены и распространены не только на покражу въ Черной горѣ и Бердѣ, но и въ Приморьѣ.

За покражу коня или вола, такое же наказаніе, какъ и за злоумышленное убійство.

За покражу барана или вещь равную цѣною барану, пеня на основаніи прежнихъ законовъ, т. е. 15 талеровъ (14) если покража совершена въ 1-й разъ, за повтореніе того же преступленія, казнь.

Въ денежныхъ наказаніяхъ судебника различаются двѣ платы, — одна, которая платится обиженному, она называется *осудбина*, и другая, которая платится суду, она называется *глоба*. Глоба почти всегда вдвое болѣе осудбины.

Такими строгими законами уменьшено гораздо воровство въ Черногоріи, они соблюдаются до сихъ поръ. Только въ присужденіи наказаній предоставлена большая свобода суду.

5) Къ числу преступленій судебникъ причисляетъ: похищеніе чужихъ женъ и дочерей. Въ послѣдствіи мы скажемъ о побудительныхъ причинахъ такого закона. Преступникъ изгоняется изъ Черногоріи, и съ его имуществомъ поступаютъ также, какъ съ имуществомъ злоумышленнаго убійцы. Священникъ, повѣнчавшій на чужой женѣ или похищенной дѣвицѣ, лишается священства и изгоняется изъ Черной горы.

Таковы постановленія объ уголовномъ правѣ.

Судебное устройство замѣнило самоуправство въ Черногоріи. Первоначально каждый Черногорецъ считалъ себя вправѣ или мстить или прибѣгнуть къ суду. Въ послѣднемъ случаѣ судъ бывалъ Третейскимъ. Теперь также остался и Третейскій судъ, но рядомъ съ нимъ существуетъ земскій, замѣняющій месть.

Статья 16 судейника говоритъ: всякій ищущій чего либо на другомъ: долгъ или покражу или заемъ и проч. обязуется искать судомъ и закономъ, самъ же безъ воли суда да не расправляется, иначе подвергается наказанію.

Земскій Судъ состоитъ изъ двухъ инстанцій — нижней — гвардіи и высшей — Сената. Недовольные первою инстанціею, могутъ переносить дѣло въ Сенатъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о ходѣ судопроизводства, общаго какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ судебникѣ находятся слѣдующія узаконенія о судьяхъ, постановленные народными собраніями :

Всякій Черногорецъ и Берчанинъ долженъ повиноваться судьямъ, уважать и любить ихъ, какъ людей, ими же самими по общему согласію избранныхъ и постановленныхъ, судьями (26). Съ своей стороны судьи обязаны: 1) Соблюдать миръ и со тшаніемъ отправлять свою должность. Если же какой нибудь судья затѣетъ ссору или несогласіе, тогда сей часъ же отрѣшается отъ должности и отсылается въ свое племя, которое обязано на его мѣсто избрать *добродѣтельна и у дружину погодна чоека*. Также поступаютъ съ непослушнымъ или лѣнивымъ судьею (28).

2) Такъ какъ судьи и правители получаютъ жалованье изъ податей платимыхъ народомъ, потому и должны быть только народными, земскими заняты дѣлами, а не своими частными. Вслѣдствіе этого они не могутъ

отлучаться и заниматься домашними дѣлами, до истечения срока ихъ службы (29).

3) Если судья возьметъ съ кого либо изъ подсудимыхъ взятку (Мито), — такой *да се има отъ суда безчестно прогнанъ* и подвергается суду и наказанію (24). Равно и тяжущійся, давшій или обѣщавшій взятку судѣ (25).

4) Когда судьи сядутъ на мѣсто суда, должны: а) вспомнить, что они избраны всѣмъ народомъ и мотому должны судить, какъ истинно любящіе свое отечество, а не какъ наемники.

б) Должны молить Бога чтобы далъ имъ просвѣщеніе разума и силу мудрости для уразумѣнія, того что справедливо.

с) Должны вспомнить свое обѣщаніе и клятву, судить не по пристрастію и подкупу, но по правдѣ (22).

Таковы по судебнику предписанія судьямъ. Тамъ же опредѣляется и порядокъ суда слѣдующимъ образомъ: Истецъ и отвѣтчикъ являясь передъ судомъ, словесно излагаютъ свое дѣло. Судьи обязаны выслушивать по порядку доводы той и другой стороны и наблюдать за ходомъ спора, который долженъ идти безъ шума и ссоры. Когда говоритъ одинъ, другой не имѣетъ права перебивать и вмѣшиваться въ рѣчь. Судьи могутъ переспрашивать то, что не ясно было сказано или непонятно. Одинъ изъ судей долженъ записывать рѣчи. Потомъ, когда тяжущіеся объявятъ что они все высказали, они удаляются и судьи полагаютъ приговоръ. Приговоръ пишется, одинъ экземпляръ отдается тяжущимся, другой вносится въ книгу, находящуюся при судѣ (22).

Если при положеніи рѣшенія одинъ изъ судей начнетъ защищать кого нибудь и безъ всякихъ доводовъ, на петрекоръ всѣмъ настаивать на своемъ мнѣніи, тогъ объявляется подкупленнымъ, лишается званія судьи и предается суду (23).

Дѣла рѣшаются по единогласію, большинства голосовъ допускается только, какъ исключеніе. Потому меньшая партія должна поклясться, что защищаетъ свое мнѣніе не по частнымъ видамъ, но по убѣжденію (27).

Точно тотъ же порядокъ судопроизводства и теперь. Только не всегда записываются рѣчи подсудимыхъ; большею частію одно рѣшеніе, котораго форма слѣдующая:

*Да се зна и да е впрована, ова данасъ учинена сентенція предъ Господаромъ и свакиамъ правіемъ судомъ, да бы было потребито приказати . . . слѣдуетъ рѣшеніе и потомъ заключается : и овако мы судъ и обе стране довольны были за увѣрный вѣкъ и Аминь. Къ каждому рѣшенію прикладывается народная печать. Такимъ образомъ характеръ судопроизводства чисто обвинительный, какъ въ гражданскихъ такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ послѣднемъ случаѣ есть нѣкоторыя особыя формы. Напримѣръ если въ покражѣ или въ лихоимствѣ судьи (этотъ случай упоминается въ 25 ст. судебника) нѣтъ доказательствъ, которыя бы прямо уличали вора или лихоимца, тогда истецъ объявляетъ что у него пропала такая-то вещь и вызываетъ свидѣтеля за плату, который бы открылъ передъ судомъ преступника и уличилъ его; этого рода свидѣтель называется *сокъ* (отъ глагола сочити, отыскивать), обыкновенно*

онъ не прежде является, какъ сговорившись напередъ въ платѣ съ истцомъ. Потому послѣ объявленія посылаетъ къ нему кого нибудь сказать: если онъ дастъ такую то сумму, тогда онъ скажетъ и обличитъ вора. Часто эта плата въ нѣсколько разъ превышаетъ цѣну вещи. Если сокъ откроетъ преступника, то уже преступникъ обязанъ ему выплатить сумму, обѣщанную истцомъ; если же недокажетъ, то самъ платитъ всѣ убытки истцу и суду. Обыкновенно если кто либо подозрѣвается въ кражѣ и истецъ найдетъ сока, то прежде явленія его передъ судомъ, онъ посылаетъ къ подозрѣваемому сказать что есть сокъ, чтобы напередъ признался. Если онъ признается, то частною сдѣлкою рѣшется дѣло, если же нѣтъ, то начинается процессъ.

Кромѣ земскаго суда бываетъ и судъ *третейскій*; въ маловажныхъ дѣлахъ большею частію Черногорцы прибѣгаютъ къ третейскому суду. Поссорившіеся избираютъ третьяго, котораго рѣшенію повинуются. Часто тяжущіеся Черногорцы приходятъ къ Владыкѣ и прежде всякаго суда передаютъ ему свое дѣло, онъ рѣшаетъ и потомъ всегда отправляетъ въ Сенатъ, который только записываетъ это рѣшеніе. Въ этомъ случаѣ Владыка представляется третейскимъ судьей, и судъ только какъ бы признаетъ его рѣшеніе. Въ дѣлахъ уголовныхъ также существуетъ обычай похожій на третейскій судъ—это обычай *примиренія*. Когда враждующіи партіи хотятъ помириться, то избираютъ третьевъ или являются въ земскій судъ. Каждая партія исчисляетъ обиды, нанесенныя ей другою. Судья сводитъ обиды одной съ другою, голову за голову, кражу за кра-

жу и т. д. и старается показать что партіи равно виновны другъ передъ другомъ, ни одна не должна другой. Тогда въ церкви они клянутся прекратить ссору и мирятся.

Это движеніе государственныхъ понятій въ Черногоріи отозвалось и въ гражданскомъ и семейномъ бытѣ.

Въ родовомъ устройствѣ исчезала мысль о личности и не имѣла самостоятельнаго значенія. Каждое лице являясь дѣятелемъ въ общественной жизни, дѣйствовала не отъ себя, но какъ представитель рода. До тѣхъ поръ пока не выработалось понятія о личности, — основы гражданского быта, не могло быть и гражданского права въ собственномъ смыслѣ. Точно также и семейныя отношенія исчезали въ отношеніяхъ родовыхъ и понятіе о семьѣ не могло войти въ его настоящіе предѣлы; стало быть и собственно семейнаго права быть не могло. Мы не хотимъ сказать, чтобы при родовомъ устройствѣ вовсе не было ни семейнаго ни гражданского быта; былъ и тотъ и другой, но не имѣлъ юридическаго значенія. Каждое отношеніе семейное и гражданское, тогда только имѣло какое нибудь значеніе, когда соприкасалось съ отношеніемъ родовымъ, которое давало ему мѣсто въ общественномъ бытѣ. Такъ мысль о родствѣ семейномъ въ родовомъ устройствѣ получаетъ значеніе въ мысли о родовомъ старшинствѣ; мысль о власти родительской, во власти родовой, которая часто противорѣчитъ семейнымъ началамъ. Мысль о гражданской личности получала значеніе въ слѣдствіе права лица быть представителемъ рода.

Только съ того времени, какъ родъ потерялъ государственное значеніе и рядомъ съ нимъ стало народное собраніе, представилась возможность выразитися понятію о гражданской личности. Родъ, потерявъ значеніе государства, распался на семьи, семья замѣнила мѣсто рода въ общественномъ бытѣ. Народное собраніе сосредоточивало отдѣльныя семьи и давало имъ государственное значеніе. Но семья непосредственно не можетъ входить въ составъ народнаго собранія, въ ней есть извѣстныя отношенія, естественныя и нравственныя, которыя условливаютъ необходимость ея исключительнаго, полнаго и замкнутаго въ себѣ самаго, быта. Это самостоятельное значеніе семьи заставляетъ ея участвовать въ государственной жизни, въ народномъ собраніи, не иначе какъ посредствомъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ съ того времени, какъ семья получаетъ свое самостоятельное значеніе, необходимо должно развиваться понятіе о лицѣ. Семейное и гражданское право появляются въ одно и тоже время.

Въ борьбу родовыхъ началъ съ государствами постепенно развивается значеніе личности. Въ судебникѣ Петра I-го встрѣчаемъ слѣдующія постановленія:

«Если случится какой нибудь убытокъ потрава хлѣба, сена или винограда и т. п. безъ особеннаго насилія, тогда Князья и Главари общины должны сами разсудить, безъ отношенія къ суду Земскому (30).» И такъ признается значеніе судебное старшинъ общины въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на существованіе общаго земскаго суда. Теперь такіа дѣла судить гвардія или третейскій судъ.

При этомъ должно вспомнить слова Вука Караджича, который былъ въ Черногоріи въ то время, когда еще ясные слышались отголоски родового устройства, онъ говоритъ, что однимъ изъ препятствій къ введенію общаго суда были частныя общины, которыя считали стыдомъ выдавать своихъ преступниковъ, чтобы ихъ наказывали посторонніе люди, считая это своею собственною обязанностію. Изъ этого мы видимъ что между семьей и общимъ народнымъ собраніемъ, стремилось образоваться понятіе о частныхъ общинахъ съ самостоятельнымъ государственнымъ значеніемъ. Они заняли бы мѣсто рода въ общественной жизни и уничтожили бы значеніе общаго народнаго собранія. Все управленіе было бы дѣломъ владыки въ противоположность съ которымъ стала бы власть общинъ. Мы видели что почти всѣ села и общины, образовались изъ родовъ. Потому частныя общины образовавшіеся на родовой почвѣ, выразили бы прежнюю борьбу рода съ государствомъ, только измѣненную сообразно новымъ требованіямъ. Родовая власть сердарей и князей удержалась бы въ прежней силѣ и стѣснила бы права другихъ.

Но эта борьба частныхъ общинъ, наслѣдницъ родовъ, окончилась въ пользу общаго и единого государственнаго средоточія. Понятіе о личности не потерялось въ значеніи частной общины, но выразилось окончательно.

Каждый Черногорецъ свободенъ и не подчиняется никакой власти кромѣ власти государственной въ лицѣ закона, имъ же самимъ постановленнаго и власти ду-

ховной Владыки, въ дѣлахъ церковныхъ. Эта мысль о свободѣ Черногорцевъ искони была путеводителемъ ихъ общественной жизни. Она родилась въ слѣдствіе завоеванія Турками соплеменниковъ Черногоріи, въ противоположность къ которымъ они считали себя свободными. Но эта мысль о свободѣ не имѣла государственнаго значенія. Потому внутри Черногоріи въ отношеніи къ каждому изъ ея членовъ порознь, она не вполнѣ прилагалась; родовыя отношенія, сила и значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ родовъ, стесняли гражданскую свободу лица. Съ паденіемъ рода мысль о свободѣ государственной перешла въ мысль о независимости, а свобода получила гражданское значеніе.

Въ слѣдствіе этой свободы каждый Черногорецъ вполнѣ равенъ другому и можетъ участвовать въ общественномъ управленіи, по мѣрѣ способностей. Титла Князей и Сердарей съ которыми прежде соединились должности, теперь суть простыя титла. Если сынъ сердаря неспособенъ быть сердаремъ, то безъ малѣйшаго затрудненія избирается другой, болѣе способной. Отъ того часто встрѣчается по нѣскольку сердарей въ нахіи, но только одинъ изъ нихъ отправляетъ должность. Подъ вліяніемъ такой одинаковости правъ cadaго Черногорца развѣилось понятіе о братствѣ, въ судебникѣ, въ пѣсняхъ и въ общественной жизни Черногорцы не называютъ себя иначе какъ *браща Черногорцы*. Черногорецъ гордъ противъ своихъ собратій, покорныхъ чуждой власти, а Славянина, независимаго какъ онъ самъ, считаетъ вполнѣ братомъ. Оттого такая привязанность къ Русскому, Русскій и Черногорецъ братья —

это слышитъ каждый Русскій отъ каждаго Черногорца, какъ постоянное привѣтствіе. При такомъ широкомъ опредѣленіи личности, могло развиваться гражданское право. Но оно еще невыразилось въ законѣ и большею частию существуетъ, какъ обычай. Въ судебникѣ встрѣчаемъ только одно постановленіе о продажѣ имущества.

Кто вздумаетъ продать какое бы то ни было недвижимое имущество, то прежде долженъ спросить при свидѣтеляхъ родственниковъ, не хотятъ ли они купить, потомъ смѣжныхъ сосѣдей (мрчинянь). Если они откажутся, тогда онъ можетъ продать кому хочетъ изъ своего села или племени. Это постановленіе показываетъ еще на исключительное значеніе частной общины, которое теперь не строго соблюдается. Если состоится продажа, то должна быть при 3-хъ свидѣтеляхъ заключена купчая, съ подписаніемъ года, мѣсяца, числа, и уплаты денегъ (15). Такая купчая служитъ въ послѣдствіи обезпеченіемъ передъ судомъ права собственности. Вообще право собственности также неприкосновенно въ Черной Горѣ, какъ и право личности, но основывается только на обычай. Собственность передается наследственно. Часто Черногорцы дѣлятся еще при жизни отца и всегда по ровну. Дочери получаютъ только часть движимаго имущества; но когда нѣтъ сыновей, получаютъ все, кромѣ дома и огорода, которые идутъ ближнимъ родственникамъ. Причина этого заключается въ прежнемъ родовомъ устройствѣ, ибо право мстить и месть падала на ближайшихъ родственниковъ, а не на женщинъ, которымъ не мстятъ.

При дѣленіи братьевъ, домъ всегда получаетъ меньшей сынъ — обычай общеславянскій.

Договоры заключаются совершенно свободно; единственнымъ ручательствомъ въ исполненіи договора (погодьбы) служитъ честное слово. Вообще честное слово имѣетъ сильное значеніе въ Черногоріи и держится свято.

Чтобы опредѣлить характеръ семейнаго устройства въ Черной Горѣ, обратимъ вниманіе на отношенія мужчинъ и женщинъ, главныхъ основъ семейства,

Постоянная война Черногорцевъ была одною изъ главныхъ, побудительныхъ причинъ къ развитію особаго характера семейныхъ отношеній. Всякій Черногорецъ воинъ; онъ вооруженъ съ того времени, какъ только можетъ носить оружіе, и дерется съ врагами. Этотъ военный характеръ Черногорца придаетъ ему особенное значеніе въ общественномъ быту, ярко отличное отъ значенія женщины. Какъ воинъ за свободу и независимость родины, каждый Черногорецъ считаетъ себя свободнымъ и независимымъ и внутри Черногоріи. Сначала какъ представитель рода, потомъ какъ членъ общиннаго устройства, онъ участникъ въ государственной жизни Черногоріи. Всѣ отношенія его семьи къ другимъ семьямъ и къ государству принадлежатъ ему, — онъ ея государственный представитель. Женщина, какъ не воинъ, не входитъ въ эти отношенія; ея дѣятельность ограничена кругомъ семьи. При родовомъ устройствѣ женщина не имѣла обязанности

мстить (*), равно и мщеніе никогда не падало на женщину. Во время самой жестокой мести и междоусобных битвъ, женщина всегда безонасна. Свободно хо-

(*) Иногда встрѣчаемъ примѣры мести женщинъ, въ отношеніи къ Туркамъ. Народная пѣсня воспѣваетъ подвиги одной Черногорки Кристины Станишиной. Ея мужъ пошелъ на четованье и долго не возвращался. Кристина отправилась искать его и на дорогѣ встрѣтила раненнаго юношу, который ей сказалъ: только что сейчасъ Турки на нихъ напали и убили ея мужа. Кристина взяла у него оружіе и спряталась впереди на дорогѣ, гдѣ должны были проходить Турки. Когда они показались, Кристина выстрѣлила и убила Хасанъ Агу. Возвратясь домой, она получила письмо отъ его жены:

Чуй Кристина Станишина любя,

Ты си мене очи извидала

Господаря моего убила;

Я самъ була Аге Хасанъ Аге;

Но яко права Цригорка,

Айде с'ютра на равне прижине,

Да видимо коя ч'быти боля.

Не мой мене учинить невере,

Да некажешъ брату ни деверу;

Но да додешъ сама на прижине

И я була сама безъ никого.

Слушай Кристина, жена Станишина, ты у меня выколола глаза убивши моего мужа, я жена Асанъ Аги; но какъ истинную Черногорку зову тебя: выходи завтра въ поле, да увидимъ кто изъ насъ сильнѣе: смотри, не обмани меня, не говори объ этомъ ни брату, ни деверу, но приходи одна и я приду также одна.

Получивъ такой вызовъ на поединокъ, Кристина, надѣла платьє Аги, сѣла на его коня и отправилась въ назначенное мѣсто. Но жена Аги измѣннически поступила съ нею, пригласивъ съ собою его брата. Но Черногорка его убила и взяла ее въ плѣнь.

Те е узе дома за момиму

Да іой депу у бешику ласка

И држа е петнаестъ годинахъ,

Накъ е посла нека доме иде.

Взяла ее на домъ нянькою, чтобы качала въ люлькѣ дѣтей; такъ продержала пятнадцать лѣтъ и потомъ отпустила домой.

дять онѣ во враждебныя села, встрѣчаются съ врагами, никогда рука Черногорца не подымется на женщину. Любопытень отвѣтъ Владыки на вопросъ одного русскаго путешественника, отъ чего въ Черногоріи нѣтъ ни одного постановленія объ оскорбленіи женщинъ; онъ отвѣчалъ: Не нужно. — Ну, а если кто оскорбитъ женщину? — Это было бы то же, еслибъ вы сказали, если кто вспрыгнетъ на луну. — Такъ сильно уваженіе къ женщинѣ, что скорѣе свою обиду проститъ Черногорецъ, нежели обиду женѣ или дочери; на каждое дерзкое слово одинъ отвѣтъ, кинжаломъ или пулею. Даже сосѣдніе Турки соблюдаютъ этотъ обычай; во время самыхъ жаркихъ войнъ женщинѣ всюду свободный путь: онѣ свободно ходятъ въ Турецкія крѣпости на торги (*). Строгое разграниченіе семейныхъ обязан-

(*) Во время войны они присутствуютъ и перевязываютъ раны больнымъ, и своимъ присутствіемъ, говоритъ Г. Милаковичъ (Грл. 1835, стр. 54), поощряютъ къ битвѣ, упрекая тѣхъ, которые побѣжали бы назадъ. Съ презрѣніемъ встрѣтитъ мать трусившаго въ битвѣ сына, но не тужить о смерти храбро сражавшагося.

Нека гину веселе имъ майке,

Нѣхове е душе царовати.

Ерѣ су животь за поштене дали

И о свету браче и племена,

Оти Турчина стара безверника.

Такъ оканчивается одна прекрасная пѣсня о войнѣ племени Кучи съ Турками (Грл. 1836, стр. 110).

Турки охотно берутъ въ плѣнъ Черногорокъ и женятся на нихъ. Черногорцы никогда не женятся на Турчанкахъ: ввести Турчанку въ бытъ семейный — Черногорецъ считаетъ преступленіемъ противъ семьи. Напротивъ Турки женятся на Черногоркахъ, и приклонить ее къ Исламу считаютъ святымъ долгомъ. Почти всегда, требуя дани, Турки просятъ нѣсколько дѣвицъ.

ностей и военный характер Черногорца кладетъ особый отпечатокъ на отношенія мужчинъ къ женщинамъ и условливаетъ нѣкоторые обычаи, которые кажутся странными съ перваго взгляда; думаютъ видѣть въ нихъ какое-то рабство и угнетеніе женщины; между тѣмъ какъ, всматриваясь внимательнѣе въ особенные начала ихъ быта, это поверхностное предубѣжденіе исчезаетъ само собою.

Г. Милаковичъ въ описаніи Черногоріи говоритъ: *Прногорацъ самъ свою жену слабо почитуе, али други ко опеть не сміе е ни найманъ увредити, еръ бѣ главоу платіо.*—Точно, Черногорецъ мало заботится о семейственныхъ занятіяхъ; почти всѣ работы, домашнее устройство, принадлежатъ женѣ. Женщины цалуютъ руку у мужчинъ и не называютъ иначе мужей своихъ, какъ господарь. Но съ другой стороны, Черногорка можетъ имѣть свое имущество; ея личность обезпечена болѣе еще нежли личность мужчинъ. Права мужчинъ и женщинъ одни и тѣ же и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной. Но Черногорецъ воинъ и членъ государства, общественное управленіе и война, вотъ его дѣло; въ отношеніи къ семьѣ онъ государственный охра-

Разумѣется Черногорцы отказываютъ. Въ одной изъ новыхъ пѣсенъ о битвѣ при Морачѣ, говорится: Турки рубятъ головы Черногорцемъ; это еще можно бы простить имъ;

Него робе хайдучке невесте,

Те ихъ турчи Турчинъ на намазу

И узима за вѣрене любе,

Те му яде опроститъ не могу,

Ту несреча доста за Турака.

Это одна изъ причинъ постоянной войны.

нитель и представитель ея. На этомъ основывается уваженіе женщинъ къ мужчинамъ, и не участіе Черногорца въ дѣлахъ семейныхъ, которые всѣ предоставлены женщинамъ. Черногорка дикая и робкая внѣ своего дома, но за то нѣтъ гостепріимнѣе и услужливѣе хозяйки, какъ Черногорка дома. Точно, во время сильнаго развитія родового устройства, судьба женщинъ унижалась. Каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, стыдится просить себѣ жену въ другомъ родѣ. Если нравилась ему дѣвица, то просто похищали ее и тайно вѣнчался. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ Бердѣ. Иногда похищали и чужихъ женъ. Но съ уничтоженіемъ родового устройства, это измѣнилось. Судебникъ Петра опредѣлилъ строгія наказанія за подобныя дѣла и теперь подобный случай почти невозможенъ. При такомъ похищеніи женъ, естественно поколебалась тишина семейнаго быта: явилась возможность многихъ несчастливыхъ браковъ, и въ то же самое время возникла свобода развода. Въ этомъ случаѣ жена подносила поясъ мужу и если онъ его перерѣзывалъ, то бракъ оканчивался. Жена брала свое имущество, приданое, и если была замужемъ 10 лѣтъ, то мужъ обязывался ежегодно давать ей извѣстную сумму на содержаніе, которая опредѣлялась миромъ. Свобода развода въ эту эпоху доказываетъ самостоятельность женщины въ общественномъ быту. Въ послѣдствіи, и особенно теперь, разводы сдѣлались рѣже, потому что браки заключаются не иначе, какъ по взаимному согласію.

Значеніе семьи и всѣ отношенія семейныя, чисто,

строго и свято сохраняются въ Черногоріи. Быть семейственный и общинное устройство, подъ охраною и просвѣщеніемъ Православной Церкви, — вотъ основы, на которыхъ зиждется вся жизнь Черногоріи, — вотъ начала, которыя защитили это маленькое племя отъ страшно-грозной силы Турокъ и коварства Венеціи и другихъ. Но недавно прочно устроился бытъ Черногоріи; защитивъ свою независимость, она перешла въ ту эпоху жизни, когда сильно ощущается потребность просвѣщенія, духовнаго сознанія тѣхъ началъ, которыя ярко выразились въ ея быту. Грознѣе, опаснѣе силы Турокъ предстоитъ Черногоріи новая опасность, вліяніе нравственное чуждыхъ началъ. Сколько славянскихъ племенъ, не покоренныхъ открытою силою, чрезъ нравственное вліяніе чуждыхъ началъ, нравственною измѣною народнымъ убѣжденіямъ, замолкли въ исторіи и подпали чуждой власти. Бѣдная, небольшая область Черной Горы, отдѣленная отъ моря, не имѣя достаточно средствъ къ развитію промышленности и народнаго богатства, по внѣшней необходимости, должна быть въ зависимости отъ другихъ. Легко, по этому, проникнуть чуждымъ началамъ въ Черногорію. Надѣясь, что племенамъ славянскимъ суждено, и можетъ быть скоро, выдти на поприще дѣлъ историческихъ, наследовать племенамъ германскимъ, не должно однако же безусловно предаваться этой надеждѣ. Пожелаемъ, чтобы новое просвѣщеніе въ Черной Горѣ создалось на основаніи Православной вѣры и славянской народности. Владыка завелъ школу въ Цетинѣ, и вѣроятно школы распространятся по всей Чер-

ногоріи. Достигнувъ собственною силою до независимости внѣшней, достигнуть и до независимости духовной, независимости просвѣщенія, — достойно Черногоріи, племени намъ однородному, маленькому племени, которое столѣтія вело войну,

Ради свете вѣре православне
И свободѣ свога отачаства.

ГЛАВА VI.

Отъездъ изъ Цетина, Нахія Рѣцкая, Скутарское озеро, рассказъ о битвахъ подъ Жабликомъ, Черница, походы четъ, переездъ въ Приморье.

Наконецъ пришло время оставить Черногорію; черезъ нѣсколько дней долженъ былъ придти пароходъ въ Каттаро, на которомъ мнѣ слѣдовало отправиться обратно въ Триестъ. Чтобы болѣе познакомиться со страной и не вдругъ ее оставить, я выбралъ дорогу черезъ нахіи Рѣцкую и Церницкую, и потомъ берегомъ моря до Каттаро. На другой день рано былъ положенъ отъездъ, чтобы поспѣть на базаръ въ Рѣчку. По обыкновенію я провелъ вечеръ съ Владыкою, нисколько не приготавлиаясь, ибо нечего было приготавлиать, и не думая объ отъездѣ. Но когда, прощаясь со мною, Владыка сказалъ, а завтра простимся навсегда, можетъ быть уже никогда не увидимся, — мнѣ стало грустно не на шутку, какъ будто я оставлялъ родную сторону. Возвратясь въ свою комнату, я долго не могъ заснуть

и сидѣлъ подъ открытымъ окномъ, смотря на долину. Ночь была тихая и прекрасная, мѣсяцъ горѣлъ въ полномъ свѣтѣ и фантастически освѣщалъ окрестныя горы. Сѣрыя горы казались прозрачными и уходили въ даль, ихъ вершины еще дымились паромъ отъ вчерашняго дождя, и въ этомъ свѣтломъ туманѣ онѣ совершенно сливались съ небомъ, кое-гдѣ покрытомъ облаками. Узкая долина какъ будто раздалась и стала шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ вся наполнилась темными, странно-прихотливыми образами: тѣни отъ горныхъ впадинъ и ущелій, казалось, выступили впередъ. Ярко рисовались, какъ на воздухѣ, бѣлыя зданія монастыря, построеннаго на полугорѣ, да башня на Орлемъ верху, на ней торчали Турецкія головы. Гулъ источниковъ, произведенныхъ вчерашнимъ дождемъ, странно оживлялъ картину. — Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову мысль, что я не на родинѣ, и скоро долженъ буду оставить, и можетъ быть навсегда, ту сторону, гдѣ пожилъ какъ на родинѣ. Тутъ только представились мнѣ тѣ особенности, которыя отдѣляютъ Русскаго отъ Черногорца. Вся ихъ жизнь, вся исторія рядомъ картинъ проходила въ моей головѣ; дойдя до настоящаго, мысль, не стѣсняемая временемъ, шла далѣе и далѣе и превращалась въ мечту. Живо представлялись мнѣ тѣ ступени народнаго бытія, по которымъ пойдетъ эта жизнь, развиваясь послѣдовательно изъ началъ существующихъ; и далеко видилась та степень внутренняго развитія, до которой дойдя, южный славянинъ подастъ руку сѣверному и вмѣстѣ пойдетъ по пути исторической жизни. Но внѣшняя оболочка исто-

рии, люди и событія врывались въ свѣтлую область мысли и пестрили ее образами. Мысль замолкала и оставались одни образы; мечта переходила потомъ въ сонную грезу, которая покинула меня только тогда, когда въ мою комнату вошелъ, прислуживавшій мнѣ Черногорецъ.

«Ты уже всталъ, пора ѣхать!» — Пора, отвѣчалъ я и сталъ собираться въ дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ я уже простился съ Владыкою, сѣлъ на лошадей и окруженный провожатыми ѣхалъ къ Рѣку. Дорога шла черезъ хребетъ горъ, раздѣляющій Катунскую и Рѣцкую нахи, и потому называющійся границею. Узкою тропинкою изгибаясь, вбѣгала она на вершину, между утесами. На вершинѣ я остановилъ коня и обратился назадъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Цетинскую долину. Ровнымъ, зеленымъ ковромъ лежала передъ нашими глазами глубокая долина. Зданія и кое-гдѣ груды камней пестрили ее различными узорами, а сѣрыя горы окружали какъ коймой. День былъ пасмуренъ; вершины горъ дымились паромъ, а небо покрылось облаками, которые все болѣе и болѣе сгущались и грозили сильнымъ дождемъ; съ другой стороны уже виднѣлась новая узкая долина Рѣцкая, прорѣзанная по срединѣ рѣкою Черноевичъ. Прежде эта рѣка называлась Ободъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Черноевичъ на одной изъ горъ, близъ ея истоковъ, построилъ крѣпость, рѣка прозвалась его именемъ. Она выходитъ изъ горъ, отдѣляющихъ ея долину отъ Контунской нахи и впадаетъ въ Скутарское озеро; она глубока, быстра и полноводна. Развалины крѣпости

Черноевича видны до сихъ поръ , и противъ нихъ , на другомъ берегу , село Рѣка. Кромѣ того , въ этой долинѣ еще два села — Цеклинъ и Доброе. Окрестныя горы не были похожи на горы Катунской нахи , они большею частію покрыты зеленью , и кое-гдѣ уже видны были сады. Долго опускались мы по изгибистой дорожкѣ , и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали въ Рѣку. Это небольшая деревня ; на самомъ берегу рѣки ея разбросаны хижины , живописныя и довольно чисто выстроенныя въ нѣсколько рядовъ. Узкія улицы были покрыты народомъ — былъ базарный день. Рисъ , Кукуруза , оружіе , платье и табакъ , вотъ главные предметы торговли. Шумная толпа мужчинъ и женщинъ двигалась мирно и порядочно. На лицахъ многихъ я замѣтилъ кровь , и спрашивалъ старика Спиро , который вмѣстѣ съ переникомъ Джуро былъ данъ мнѣ постояннымъ проводникомъ : Что это значитъ ? — Развѣ ты не слыхалъ , отвѣчалъ онъ , *кукованія* (плача) , когда мы проѣзжали мимо Добраго , тамъ были похороны. — Во время похоронъ и вообще всякаго горя , для большаго его выраженія , Черногорцы имѣютъ обычай до крови царапать себѣ лица , какъ древніе Греки.

Пройдя по улицамъ Рѣки , мы вошли въ домъ Воеводы. Онъ принялъ насъ радушно и угостилъ по своему , кофеемъ и виномъ. Между тѣмъ начинался дождь , а я долженъ былъ ѣхать , чтобы не опоздать къ пароходу въ Каттаро. Мы перешли въ небольшую гостинницу , которая стоитъ на самомъ берегу рѣки , откуда должна была отправиться наша лодка. Между тѣмъ дождь усиливался все больше и больше , и лилъ какъ изъ ведра.

Черногорцы собирались въ кружки и толковали между собою о томъ, что нельзя ѣхать: я не слушалъ ихъ словъ, сидѣлъ на узкой скамейкѣ, положивъ ноги на бочку съ виномъ и смотрѣлъ въ маленькое окошечко, изъ котораго меня обдавало брызгами дождя. «*Вишь ты какая киша (дождь), божати въра, словно море прорвалось, теперь и вода прибыла, небось и озеро разлилось, нельзя ѣхать!*» — толковали между собою Черногорцы съ трагическими жестами, а женщины стояли возлѣ подгорюнясь, и поддакивали имъ. — Толковали громко и посматривали на меня, въ ожиданіи моего рѣшенія, но я молчалъ. Наконецъ Сердарь и Воевода подошли ко мнѣ: — «люди говорятъ, нельзя ѣхать, лучше ночуй!» — «Надо ѣхать,» отвѣчалъ я хладнокровно. — «Надо ѣхать,» повторилъ онъ, обращаясь къ другимъ съ повелительнымъ тономъ. — Но снова начался разговоръ, и опять они стали упрашивать меня почевать; «ѣхать,» отвѣчалъ я снова, и всталъ, чтобъ идти на лодку. — «Ѣхать, такъ ѣхать,» повторилъ громко воевода, давая знакъ гребцамъ. — «Какая киша,» приговаривали они, надѣвая *капоты*, «и капоть пробьетъ насквозь.» — «У васъ и капоты есть, отвѣчалъ я, да вы боитесь; а у меня ничего нѣтъ, да я не боюсь, ѣдемъ, Черногорцы!» — «Ѣдемъ, ѣдемъ», закричали они, хлопая меня по плечу. — Въ садомъ дѣлѣ, въ одномъ макинтошѣ, съ легкимъ зонтикомъ въ рукѣ, дерзко было отважиться въ путь, во время проливнаго горнаго дождя. Мы сѣли въ маленькую плоскодонную лодку, и отправились съ четырьмя гребцами. Дождь не только не переставалъ, но усиливался

болѣе и болѣе. Рѣка поднялась выше. Она течетъ между утесистыми горами, и наполняетъ всю узкую долину; видъ и такъ стѣсненъ, а теперь ничего нельзя было видѣть, въ двухъ шагахъ едва можно было замѣтить встрѣчавшіяся лодки — такъ силенъ былъ дождь. Но между тѣмъ никто не обращалъ на него вниманія; мои спутники шумно смѣялись и толковали между собою; а ко мнѣ подѣлъ молодой монахъ изъ Дечанъ, православнаго монастыря въ Герцеговинѣ, и рассказывалъ мнѣ о состояніи тамошнихъ христіанъ православныхъ. Онъ пріѣхалъ для сбора милостыни въ Черногорію! Довольно сказать это, чтобы видѣть каково ихъ положеніе. Когда я былъ въ Цетинѣ, онъ пришелъ къ Владыкѣ съ письмомъ отъ своего игумена, и принесъ въ подарокъ ковры, работы братіи. Игуменъ просилъ позволенія пройти Черногорію для сбора милостыни. Прочтя письмо, Владыка обратился ко мнѣ, говоря: «досадно; а должно отказать; я знаю, что всѣ будутъ давать ему, но между тѣмъ, вотъ нѣсколько лѣтъ у насъ неурожай; послѣ ко мнѣ же придутъ за хлѣбомъ.» — «Не ужели же онъ прошелъ даромъ?» — «Какъ можно даромъ! я самъ дамъ ему за народъ.» — Получивъ милостыню отъ Владыки, этотъ монахъ возвращался домой. Подобные монастыри разсѣяны по всей Босніи и Герцеговинѣ, какъ остатки прежняго православнаго Сербскаго царства: прошли прежніе люди, положеніе новыхъ измѣнилось. Съ одной стороны Турки гнетутъ христіанъ, съ другой сами христіане — католики. Убить, ограбить христіанина Турокъ считаетъ за святое дѣло, и это часто повторяется внутри Босніи

и Герцоговины; только на границахъ Черногоріи не смѣютъ нападать явно на христіанъ. Каждое насиліе Черногорцы освѣтять (отмстятъ), и Турки за одну голову поплатятся десятью. Сотни ходятъ объ этомъ разсказовъ. Недавно въ одномъ селѣ, недалеко отъ крѣпости Никшичи, Турки убили христіанина, чрезъ нѣсколько дней въ виду крѣпости Черногорцы повѣсили 12 Турокъ. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ Черногорецъ изъ села Добраго — Вукъ Радоничъ пошелъ на базаръ въ Подгорицу. На базарѣ одинъ Турокъ обругалъ вѣру пограничнаго раяса, которые всѣ православные и единовѣрны съ Черногорцами. Радоничъ вступился, и обругалъ въ отмщеніе магометанскую вѣру. — Турокъ не выдержалъ обиды, и ударилъ его чубукомъ. — Черногорецъ выхватилъ ятаганъ, и хотѣлъ разрубить ему голову; но Турокъ отшатнулся въ сторону, и онъ отрубилъ ему руку. — Весь базаръ взволновался, и окружилъ Черногорца. Но онъ ятаганомъ проложилъ себѣ дорогу черезъ все село и ушелъ въ домъ Бея. — Бей былъ самъ потурченный Черногорецъ, родомъ изъ Петина, и потому не выдалъ его разъяренному народу, а заковалъ, и на другой день обѣщалъ предать суду. Но Радоничъ ночью ушелъ, и невредимъ возвратился домой. — Этимъ не кончилось; за оковы снова началось мщеніе, и десятки четъ отправлились къ Подгорицѣ. Понятно, что подобное положеніе держитъ нѣсколько въ уздѣ необузданный фанатизмъ пограничныхъ Турокъ.

Монахъ разсказывалъ мнѣ, сколько рукописей и грамотъ хранится въ монастыряхъ, и особенно въ Бетѣ,

бывшей Митрополіи Сербской. Но Русскому путешественнику нѣтъ никакой возможности туда проникнуть. Постоянныя побѣды Русскихъ надъ Турками внушили страхъ и ненависть, а католическіе пропагандисты развили и усилили это чувство до высшей степени. Они объясняютъ Туркамъ, что покоренные ими Сербы единоплеменники и единовѣрцы Русскимъ, и этимъ развиваютъ въ нихъ подозрѣніе ко всякому Русскому путешественнику.

Такъ длился нашъ разговоръ подъ шумъ дождя. Его прерывали только частыя остановки; непрерывно мы должны были причаливать къ берегу, чтобы вылить воду изъ лодки. Наконецъ, не оставивъ на насъ сухой нитки, дождь началъ прекращаться. Рѣже и крупнѣе падали капли, рѣка покрылась волнами, подулъ свѣжій вѣтеръ со Скутарскаго озера, къ которому мы приближались; облака рѣдѣли, и ясное, голубое небо выглянуло изъ-за тучъ. Горы раздались, и рѣка становилась шире, массы воды прибывали, и черезъ часъ, обогнувъ горы, мы вошли въ озеро. Юго-западная сторона неба прояснилась совершенно, между тѣмъ, какъ на противоположной лежали густыя тучи. День склонялся къ вечеру, но солнце еще ярко горѣло на голубомъ небѣ, и освѣщало предъ нашими глазами все, блиставшее подъ его лучами пространство Скутарскаго озера. Озеро лежало тихо, зеленовато-голубое и прозрачное; только изрѣдка изъ горъ вырывавшійся вѣтеръ взволновывалъ его поверхность, но когда затихалъ порывъ вѣтра, снова улегалось озеро, и проникалось все теплымъ свѣтомъ вечерняго солнца. Скопившіеся на юго-восто-

къ тучи отражали назадъ лучи и, казалось, весь свѣтъ падалъ на озеро. Я всталъ, чтобы посмотреть на видъ. Мой спутникъ, переникъ, всталъ также и началъ мнѣ объяснять окрестныя мѣста. — «Смотри, вотъ, далеко Скадръ, какъ бѣлая звѣзда блеситъ!» — Въ самой глубинѣ озера, — гдѣ особенно какъ-то сосредоточивался свѣтъ и горы также стали прозрачны, какъ небо, и легкою волнистою тканью лежали на горизонтѣ, — виднѣлась бѣлая свѣтлая точка: это — Скутари.

Высокія горы со всѣхъ сторонъ окружали озеро, и оно, какъ глубокая долина, лежало между ними. Кое-гдѣ оно было покрыто темными пятнами. «Смотри, полосы-то, говорилъ мнѣ переникъ Джуро, это на днѣ горы,» и сталъ объяснять, какъ у одного Турка въ Скутари, потурченнаго Сербя, есть Сербскія книги, которыя писаны еще тогда, когда вовсе не было Скутарскаго озера. На право отъ Скутари, до самой рѣки Морачи, протянулась гряда высокихъ снѣжныхъ горъ, отдѣляющихъ озеро съ прибрежными долинами отъ горной Албаніи. Послѣ дождя поднявшійся туманъ, просвѣченный лучами солнца, придавалъ прозрачность этимъ массамъ; волнистою, голубою тканью поднимались онѣ надъ поверхностью озера. Снѣгъ, лежавшій на вершинахъ, ярко блисталъ. Горы походили на рядъ густыхъ облаковъ, за которыми скрывалось солнце, и лучи его освѣщали только ихъ края. Проѣхавъ немного, мы обогнули горы съ лѣвой стороны, и передъ нами открылась далекая перспектива второй половины озера, противоположной Скадру. На этой сторонѣ лежали облака, и бросали густую тѣнь на дальній берегъ.

Въ голубомъ прозрачномъ дыму едва замѣтны были окрестныя горы, и широкая Зентская долина утонала въ туманѣ. Эта долина, самая большая во всей Черногоріи, составляетъ границу между собственною Черногоріею и Бердою. Она образуется рѣкою Зетою или Зентою, впадающею съ озеро въ противоположной оконечности Скутари. По имени этой рѣки нѣкогда вся Черногорія называлась Зетою, и дѣлилась на горную и дольную. Когда дольная Зета подпала подъ власть Турокъ, и независимые Черногорцы удалились въ горную; когда рѣка Зета досталась также Туркомъ, — это первоначальное названіе исчезло. Неприступная горная Зета остановила силу Турокъ. Укрѣпленная природою и свободнымъ духомъ народа, она отразила всѣ нападенія; непрерывно посылаемыя войска уже не возвращались назадъ — всѣ погибали въ горахъ неприступной Зеты. И эти горы прослыли у Турокъ ужасными, черными (Карадагъ). Это Турецкое имя Черныхъ горъ распространилось, и стало общимъ названіемъ Черногоріи.

Прямо передъ нами, высокими горными верхами выдавались изъ воды два острова: Вранина и Лисендре; на правой сторонѣ отъ нихъ виднѣлся неприступный Жабликъ, а далѣе монастырь Комъ. «Видишь, это наша куля,» говорилъ мнѣ мой спутникъ, указывая на маленькую бѣлую башню на островѣ Вранинѣ, который съ недавняго времени принадлежит Черногорцамъ; и островъ весь нашъ и Лисендре. Знаю, отвѣчалъ я, но прежде и Жабликъ былъ вашъ и Скадръ, а теперь турецкій. Мой спутникъ задумался. Придетъ вре-

мя, продолжалъ я, Сербы освѣтять Туркамъ Косово поле (битва въ которую пало Сербское царство). Придетъ, отвѣчалъ онъ, гордо смотря на Турецкую сторону, и осталъ мнѣ рассказывать про послѣднія битвы подъ Жабликомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1835 г. 10 Марта), послѣ сраженія подъ Мартыничами, Турки нарушили заключенное съ Черногорцами перемиріе. Неожиданно напали на пастуховъ Кучской нахіи, и отрубили 20 головъ. Такой поступокъ не могъ остаться безъ отмщенія. Но племя Кучи было слишкомъ слабо, чтобы отважиться на осаду крѣпкаго Жаблика. Онъ стоитъ почти на неприступномъ утесѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ рѣкою Морачею, снабженъ гарнизономъ и пушками. Потому прошло нѣсколько времени, пока собрались другія племена, чтобы отместить за собратій. Но при всемъ этомъ Черногорцевъ собралось не болѣе 2000. Отважиться на правильный приступъ почти неприступной крѣпости для простыхъ ятагановъ и ружей было невозможно. Но поступокъ Турокъ требовалъ отмщенія. Жабликъ должно было взять, во чтобы то ни стало. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, чтобы облегчить предпріятіе, рѣшились на хитрость. Выбралось трое юнаковъ: Кене Янковичъ, Милошъ Янковичъ и Перишта Радовичъ; къ нимъ присоединилось еще девять и положили заклятье между собою на жизнь и смерть отместить Туркамъ. Часто прибѣгаютъ Черногорцы къ этой отчаянной мѣрѣ, ибо часто и почти всегда находятся въ неравномъ отношеніи къ силѣ Турокъ. При хландокровномъ разборѣ обстоятельствъ всегда оказы-

вается, что Турки несравненно сильнѣе Черногорцевъ, а эта посылка ума противорѣчитъ неизмѣнному праву Черногорца — защитить свободу и побѣдить Турокъ. Нѣтъ иного средства, какъ твердою волею укрѣпить вѣшнюю силу, чтобы привести ее въ равенство съ силою враговъ, а при равенствѣ силъ — побѣда несомнѣнна. Рѣшились ночью ворваться въ крѣпость, и выбравъ дождливую, пасмурную ночь, перебили стражу, и завладѣли крѣпостными воротами. Народная пѣсня о войнѣ подъ Жабликомъ рассказываетъ, что въ эту ночь приснился странный сонъ женѣ Юсуфа, Паши Жаблицкаго. Ей казалось, что невѣрные завладѣли Жабликомъ, убили ея друзей и родныхъ и сожгли дома. Проснувшись, она стала будить мужа, но онъ спалъ крѣпко. Она заплакала съ горя и слезы падали на него. Съ гнѣвомъ Юсуфъ проснулся. Вѣрно, сильный дождь прокапалъ кровлю моего дома, говорилъ онъ. Не дождь, а мои слезы разбудили тебя, отвѣчала Турчанка, и рассказала сонъ свой. Нечего бояться мнѣ; есть у насъ пушки и десять тысячъ по первому зову могу я собрать войска и крѣпокъ Жабликъ, Черногорцамъ ли взять его:

Не мучи ми да починемъ труданъ (*).

Онъ заснулъ, а турчанка вышла на кровлю дома. Едва занималась заря, она взглянула на городскія ворота и видитъ — Черногорцы держатъ стражу и брать ея мужа связанъ и въ ихъ рукахъ; она воротилась и снова начала будить мужа.

(*) Не беспокою меня я усталъ и хочу спать.

Што ми ведашь спавать на уранку. (*)

Онъ отвѣчалъ ей съ досадою; но когда услышалъ что Черногорцы уже въ крѣпости, быстро вскочилъ и сзывалъ дружину:

На ноге е мое соколове

Власи нама Жаблякъ уграбили. (**)

Внутри крѣпости началась битва. Возбужденные отчаяннымъ поступкомъ собратій, остальные Черногорцы, подъ предводительствомъ Филиппа Сердаря Рѣцкой нахій, двинулись въ крѣпость — выручать ихъ изъ опасности, и подоспѣли въ то время, когда они напали на гарнизонъ. Турки заперлись въ башняхъ; Черногорцы сожгли и разрушили бѣшни, и Диздаря со всѣмъ гарнизономъ взяли въ плѣнъ. На другой день изъ сосѣднихъ крѣпостей собрались Турки, и выступили противъ Черногорцевъ въ несравненно большемъ числѣ. Подъ стѣнами Жаблика завязалась битва и продолжалась 6 дней непрерывно. Наконецъ Турки были разбиты и бѣжали въ крѣпость; Черногорцы взяли ее снова, Вукъ Лешевичъ первый вошелъ въ нее. Къ Туркамъ пришла новая помощь, 3 тысячи Албанцевъ; но и къ Черногорцамъ подоспѣлъ Мило Мартыновичъ, Сердарь Катунской нахій, съ отрядомъ. Черногорцы разбили Турокъ, сожгли всѣ предмѣстья, и съ огромною добычею и съ плѣнными воротились домой. Владыка отпустилъ назадъ всѣхъ плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, отобравъ толь-

(*) Что мнѣ не даешь спать въ такую раннюю пору.

(**) Вставайте мои соколы, Христіане отняли у насъ Жабликъ

ко оружіе у первыхъ. Со стороны Черногорцевъ убитыхъ и раненыхъ было 70 человекъ, со стороны Турокъ гораздо болѣе. Въ числѣ добычи было взято 4 пушки; двѣ изъ нихъ и теперь лежатъ въ Цетинѣ, на площадкѣ около монастыря, съ слѣдующими подписями, на одной:

Жаблякъ мя Цетиню

Дарова на силу. (*)

На другой большой чугунной:

Черногорцы кадъ оно витешки

Жаблякъ твердый турскій похараше,

Онъ да мене старца заробише

На Цетине Себско довукоше. (**)

Это сраженіе было очень важно для Черногоріи, ибо съ того времени всѣ поля, обширныя и плодородныя, съ селомъ Додоше — до самаго Жабляка принадлежать имъ, равно и часть Скутарскаго озера съ островами Враниною и Лисендре. На Вранинѣ построена башня, и снабжена одною изъ пушекъ отнятыхъ у Турокъ. Черногорскія поля подходятъ теперь подъ самый Жаблякъ, и отдѣляются отъ него только рѣкою Морачею. Но послѣ этого сраженія на крѣпости оставалась пушка, и Черногорцамъ никакъ нельзя было обрабатывать земли на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Это смущало Черногорцевъ: земля завоевана; а обрабатывать

(*) Силою оружія Жаблякъ подарилъ меня Цетину.

(**) Когда храбрые Черногорцы сожгли твердый Турецкій Жаблякъ, тогда добыли меня старика и привлекли въ Цетинъ.

нельзя; какъ быть въ этомъ случаѣ? Нѣсколько чело-
вѣкъ рѣшились украсть пушку съ крѣпости. Выбравъ
темную и ненастную ночь, они какъ-то пробрались въ
крѣпость, свалили пушку со стѣны и переправили че-
резъ Морачу. Дѣло кончилось благополучно; но нѣтъ,
этого было мало: лишь только притащили пушку на
лугъ, какъ зарядили ее ружейными патронами, и нача-
ли палить въ крѣпость. Турки послали выручать пуш-
ку, но Черногорцы ни какъ не хотѣли выдать, говоря:
что разъ взято отъ враговъ, того не отдаютъ. На дру-
гой день Турки, собравъ войско, нагнали Черногорцевъ
и начали войну; но Черногорцы устояли и принесли
пушку въ Цетинъ. Слухъ объ этомъ смѣломъ поступкѣ
навелъ на умъ и Пиперовъ. Имъ также мѣшала пушка
на Калашинѣ. Точно также собралось нѣсколько чело-
вѣкъ ночью пробрались въ крѣпость, украли пушку,
вытащили на лугъ, и тоже зарядивъ ружейными патро-
нами, открыли пальбу на крѣпость. Изъ крѣпости вы-
ступали войска и началась битва; она рѣшилась въ
пользу Черногорцевъ; но не было ни какой возможно-
сти большую, тяжелую пушку перенести черезъ горы.
Между тѣмъ какъ одни дрались, другіе нарубивъ дровъ,
на кострѣ растопили пушку. Мѣдь унесли, и послѣ про-
дали въ Каттаро.

Завоеваніе земель и особенно села Додоше Черно-
горцами послѣ битвы подъ Жаблякомъ возмутило Ту-
рокъ, и потому вслѣдъ за тѣмъ почти непрерывно бы-
ли небольшія стычки, пока наконецъ Турки не откры-
ли настоящаго похода на село Додоше. Въ Сентябрѣ
1840 года, предводитель Албанскаго племени Мелесія,

живущаго вокругъ Скутари, Гасанъ-Хоть, соединившись съ Муселимомъ, Пашею Подгорицкимъ, и Мехмедомъ-Спахіемъ, Капиджи-Пашею изъ Спужа, у котораго была пушка, собрали до 7000, и выступили на село Додоше. 8-го числа перешли черезъ Морачу, готовились неожиданно ударить на Додоше и пограничныя селы Эрваши и Друшичи. Но Черногорцы наканунѣ узнали объ этомъ предпріятіи: Вукъ Лешевичъ, отличившійся и въ первую битву подъ Жабликомъ, собралъ до 300 человекъ, въ ночь пошелъ предупредить Додощанъ и помочь имъ. Рано на зарѣ они пришли въ Додоше, и едва успѣли имъ рассказать объ опасности, какъ Турецкія войска уже показались въ долину Салковинѣ, прилегающей къ Додоше, — мѣшкать было нельзя, едва успѣли собраться, выступили въ поле. Обѣ стороны встрѣтились на берегахъ узенькой рѣчки Катунѣ, перерѣзывающей эту долину. Турки выпустили калаузовъ (первенцевъ, застрѣльщиковъ), но первый залпъ Черногорскій смѣшалъ ихъ, и они обрѣлись въ бѣгство. Съ крикомъ бросились 400 Черногорцевъ въ бродъ черезъ рѣку и ударили на всѣ силы Турецкія. Турки, смущенные пораженіемъ первенцевъ, и считая Черногорцевъ только передовымъ отрядомъ, стали отступать, Черногорцы преслѣдовали ихъ, но не слишкомъ подавались впередъ, боясь на ровномъ мѣстѣ быть окруженными со всѣхъ сторонъ. Но слѣдующее обстоятельство придадо особенную силу ихъ нападенію. У Черногорцевъ считается особеннымъ знакомъ храбрости, когда войска стоятъ другъ противъ друга не болѣе какъ на ружейный выстрѣлъ, и перестрѣливаются об-

щими залпами: выдти изъ ряда своихъ, броситься на противниковъ, вырвать изъ ихъ ряда одного и на срединѣ, подъ выстрѣлами, отрубить ему голову. Въ этомъ случаѣ дѣлають такой маневръ: тотъ, кто схватитъ противника, самъ падаетъ, закрываясь имъ отъ выстрѣловъ, и во время паденія отрубаетъ ему голову. Совершившій такой подвигъ Черногорецъ уже безпрекословно пользуется названіемъ юнака. Въ новое время Владыка завелъ медали, которыя даются только за подобное дѣло. Эти медали величиною съ нашъ серебряный рубль, на одной сторонѣ двуглавый орелъ, подъ нимъ левъ — гербъ Черногоріи; съ другой надпись: вѣра, свобода, за храбрость. Разумѣется, что подобная награда возбуждаетъ къ такимъ подвигамъ, и ее имѣютъ уже многіе Черногорцы. Вукъ Лешевичъ,

У Турки е загонъ учиніо

Да уграби главу Арбанашку. (*)

Какъ говоритъ народная пѣсня, воспѣвающая эту битву. Но Турки обратили на него выстрѣлы, и онъ упалъ, покрытый ранами; Турки окружили его со всѣхъ сторонъ. Отбить тѣло храбраго юнака и отмстить за его смерть, священная обязанность Черногорцевъ. Смерть Лешевича возбудила ихъ силу, и съ отчаянною храбростію бросились они на Турокъ. Между пограничными Турками, особенно Албанцами, отличающимися своею храбростію, считается безчестнымъ отдавать тѣла убитыхъ въ руки враговъ. Потому во время бит-

(*) Началъ на Турокъ, чтобъ достать Албанскую голову.

вы, когда дерутся одни, другіе уносятъ тѣла убитыхъ своихъ собратій. Съ другой стороны отбить тѣла противниковъ считается особенною храбростію. Черногорцы отбили тѣло Лешевича, который не былъ еще убитъ, а сильно раненъ, и умеръ послѣ, потомъ преслѣдовали Турокъ до самаго Жабляка. Они бѣжали безъ оглядки, но Жаблицкія женщины вышли имъ на встрѣчу и укорили ихъ въ трусости. Такъ говоритъ пѣсня, и мой разскащикъ подтверждалъ дѣйствительность этого происшествія, которое не можетъ показаться страннымъ человѣку, знающему характеръ Черногорскихъ женщинъ: а пограничные Турки въ томъ же положеніи, какъ и они.

Но жаблячке буле излазише
Укорише три турске сердара,
Пи! Сердари женске страшливице
Буди ли сте силу сакупили
Сакупили Дженаръ и Крайну
Седамъ хилядъ люте Арбаніе;
Што бѣжите главомъ безъ обзира,
Не чера васъ, но двѣста момчада
Одъ Додоше и Брде краве,
Како чете Жаблякъ оставити
И несрѣчко роблъ у Жабляку. (*)

Когда слышали это Турецкіе предводители,

(*) Но вышли женщины изъ Жабляка, укорили трехъ Турецкихъ предводителей: пи! Сердари трусливые какъ женщины вы ли силу совокупили, весь Дженаръ и Крайну, 7 тысячъ лютыхъ Албанцевъ и теперь бѣжите безъ оглядки, когда васъ преслѣдуютъ только 200 ребятишекъ изъ Додоше и Берды кровавой, неужели оставите вы Жаблякъ и несчастливую въ немъ добычу.

Изъеде ихъ укоръ и срамота.

Они собрали силы, повернутись назадъ, съ ожесточеніемъ ударили на толпу Черногорцевъ, и обратили ихъ въ бѣгство до села Салковины. Тутъ выбралось шесть человѣкъ юнаковъ: Милошъ Янковичъ, Даица Савичевъ, Попъ Дайковичъ, Никола Казивода, Даица Костичъ и Керцунъ Янковичъ, крикнули товарищамъ, укоряя ихъ за бѣгство, и заключили между собою заклятье умереть, къ нимъ присоединилось еще 20 человѣкъ, и всѣ заперлись въ развалинахъ одного дома. Большая часть селеній Черногорскихъ не строятся сплошными рядами и улицами, чему препятствуетъ и самая мѣстность: но дома разбросаны отдѣльно. Въ селахъ пограничныхъ, нѣкоторые дома, принадлежащіе главарямъ и болѣе богатымъ Черногорцамъ, строятся въ родѣ укрѣпленій, и называются кулями; въ противоположность съ простыми не укрѣпленными избами (куча). При нападеніи въ нихъ запираются, если мало силы, и такъ защищаются отъ враговъ. Но 26 юнаковъ заперлись не въ кулю, а въ простую и притомъ полуразрушенную избу. Турки окружили ее со всѣхъ сторонъ, и началась жестокая рѣзня. Дружнымъ залпомъ отбили Черногорцы нападеніе, но предводители Турокъ упрекнули Албанцевъ въ трусости; чтобы смѣть обвиненіе, съ жестокою яростью бросились они вновь на приступъ. Черногорцы стрѣляли сквозь отверстія стѣнъ, но Албанцы подступали такъ близко, что руками схватывали ружья за дула и згибали ихъ. Стрѣлять уже было невозможно и началась рѣзня въ двухъ дверяхъ, которыя вели въ избу. Въ двери избы грянуль

залпъ Албанскихъ ружей и пять человѣкъ Черногорцевъ упало мертвыми, а 6 было ранено. Около избы стояли 2 стога кукурузной соломѣ; Албанцы зажгли ихъ; изба наполнилась дымомъ, и Турки снова ударили въ двери. Черногорцы втащили нѣсколько человѣкъ въ избу, отрубили имъ головы, а туловища выбросили черезъ стѣны. Это еще болѣе возбудило ярость Албанцевъ; они бросились къ дверямъ, но ихъ встрѣтилъ дружный залпъ, и мертвые тѣла грудой завалили двери. Между тѣмъ, какъ Албанцы очищали двери, изба начала загораться: погибель Черногорцевъ казалась неизбѣжною. Но въ эту минуту остальные Цеклиняне, собравшись съ новыми силами, ударили на Албанцевъ, выгнали ихъ села, и преслѣдовали до самаго Жаблика. Такъ кончилась эта битва. Турки потеряли 250 человѣкъ убитыми, а Черногорцы 11; всѣ остальные, защищавшіеся въ избѣ были изранены. Пришедши домой, они ругали Турокъ, за то, что дрались безчестно, стрѣляли дробью; ибо всѣ они были покрыты мелкими ранами, но это отъ того, что пули, ударявшіяся въ стѣны тѣсною избы, раздробляли стѣны, и брызгами камня обдавали ихъ. Послѣ этого пораженія было заключено перемиріе, котораго Турки уже не нарушали. Срокъ этого перемирія приближался въ то время, когда я былъ въ Цетинѣ, и Паша Скутарскій присылалъ къ Владыкѣ просить настоящаго мира. Это мирное время не было нарушаемо, исключая походовъ четъ, которые часто бываютъ съ обѣихъ сторонъ. Во время моего пребыванія въ Цетинѣ, Визирь Герцеговинскій писалъ къ Владыкѣ, жалуясь на Черно-

горцевъ, которые убили двухъ Турокъ на озерѣ Скутарскомъ, и просилъ его разсудить это дѣло, чтобы помирить семейства убитыхъ и убійцъ. Это случилось вслѣдъ за тѣмъ миромъ, который былъ заключенъ въ Дубровникѣ. Владыка призвалъ виновныхъ, обѣ стороны вмѣстѣ, онѣ должны были объяснить свое дѣло. Послѣ долгихъ споровъ оказалось, что Черногорцы встрѣтили ихъ на лодкахъ, не далеко отъ Жаблика и приняли за Албанцевъ; потому и убили. Но если бы они знали, что Турки были изъ Герцеговины; то никакъ бы не рѣшились нарушить мира. Въ самомъ дѣлѣ Черногорцы никогда первые не нарушаютъ мира. Владыка заставилъ ихъ клятвою подтвердить вѣрность показанія, объяснивъ напередъ Туркамъ, какое важное значеніе имѣетъ клятва. Въ вознагражденіе же семействъ убитыхъ, положилъ глобу (пеню) на убійцъ, предоставивъ ей количество опредѣлить Сенату.

Между тѣмъ мы проѣхали почти половину озера и готовились повернуть къ Церницу; пройденные нами острова Вранина и Лисендре закрыли Жаблякъ, и едва, едва можно было видѣть Комъ. Этотъ монастырь построенъ Стефаномъ Черноевичемъ, внукомъ Баоши, и отцемъ знаменитаго Ивана Черновича. Онъ въ немъ погребенъ, и до сихъ поръ цѣла гробница. «А въ Комѣ ставили Владыку,» говорилъ мнѣ мой спутникъ, замѣтивъ, что я всматриваюсь въ ту сторону. По смерти святаго Петра, его племянникъ Радо, по завѣщанію умершаго и общему желанію народа, былъ провозглашенъ Владыкою, когда ему было еще 16 лѣтъ, и онъ не имѣлъ никакого духовнаго сана. По избраніи, онъ

писалъ къ Пашѣ Бушатлію въ Подгорицу, чтобы онъ прислалъ въ Комъ епископа Захарію, который и постановилъ его въ Архимандриты въ 1830 году, 8-го Октября, назвавъ Петромъ, по имени предшественника. Комъ стоитъ на берегу озера, недалеко отъ Жабляка; это мѣсто называется островъ; можетъ быть, прежде тутъ была рѣчка, которая отдѣляла его отъ твердой земли; но теперь онъ стоитъ уже на твердой землѣ, и окруженъ лѣсами, которые считаются у Черногорцевъ заповѣдными. «Всякій, говорилъ мнѣ мой спутникъ, можетъ пользоваться лѣсомъ на мѣстѣ, сколько хочетъ; но если осмѣлится вывести, то непременно умретъ, или утонетъ въ озерѣ.» И когда я смотрѣлъ на него съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія, онъ продолжалъ, сомнѣваясь уже самъ: «говорятъ, что это правда, разсказываютъ, что такъ бывало.»

Между тѣмъ мы повернули направо. Высокій хребетъ горъ съ лѣвой стороны, идущій отъ самаго озера до Бара и оканчивающійся Сутурманомъ, одною изъ высочайшихъ горъ Черногоріи, сокрылъ отъ насъ одну часть озера до Скутари. Передъ нами лежала низкая, глубокая долина Церницкая, между двумя высокими горными хребтами. Скаты горъ, наклоненные къ долинѣ, почти до самыхъ вершинъ покрыты были виноградными садами, смоковничными и гранатными деревьями, а вдали между зеленью кое-гдѣ виднѣлись разбросанныя избы Церницы. Глубоко лежала ровная и тѣсная долина, покрытая тѣнью отъ горнаго хребта, за которымъ закатывалось солнце. Но еще ярко блистала зелень на противоположныхъ горахъ подъ жел-

товатокраснымъ освѣщеніемъ заходящаго солнца и ливѣли голые и каменистые верхи. Самую средину долины прорѣзывала рѣчка Черница. Мы повернули въ нее; весла гребцовъ почти касались береговъ этой узкой рѣки; она была полноводна, какъ и всѣ горныя рѣки, а теперь послѣ дождя вода прибыла еще болѣе, и она текла совершенно въ ровень съ берегами; густая прибрежная зелень купалась въ водѣ и гранаты, растущіе по берегамъ, во многихъ мѣстахъ были залиты. Во время сильныхъ дождей вся эта долина покрывается водою, и образуетъ какъ бы одинъ изъ рукавовъ Скутарскаго озера, сливаясь съ нимъ совершенно. Нѣсколько минутъ мы ѣхали молча, какъ вдругъ всѣ мои спутники встали, и закричали въ одинъ голосъ, причаливай! Мы причалили къ правому берегу, гдѣ стояла маленькая изба — это была гостинница; тутъ продается ракія; — село же гораздо далѣе. На этомъ мѣстѣ каждую пятницу бываетъ ярмарка, и потому построены жилища. Эта ярмарка такого же роду, какъ рѣцкая, сюда сходятся пограничные Турки и Черногорцы размѣнивать свои товары. Хозяинъ гостинницы, уже давно замѣтилъ лодку и хорошо зная причину остановки, вышелъ на берегъ, только что мы причалили, съ глинянымъ кувшиномъ ракіи (водки) и маленькимъ стекляннымъ стаканчикомъ.

Между тѣмъ, какъ мои товарищи пили ракію, я нечаянно взглянулъ назадъ, на Скутарское озеро, и долго, не могъ отвести глазъ. Видъ былъ сѣужень высокими горами, окружающими долину; небольшая часть Скутарскаго озера, оканчивающаяся снѣжными Хот-

скими горами, терялась въ дали. Видъ горѣлъ подъ чуднымъ освѣщеніемъ зари. Весь пожаръ запада отражался въ озерѣ и оно блистало пурпурнымъ свѣтомъ, какъ бы выходящимъ изъ воды и падающимъ на горы; горы утопали въ розовомъ туманѣ, покрытые безчисленными тѣнями отъ изгибовъ и впадинъ; только снѣжныя вершины горѣли, и яркою, блестящею полосою разграничивали небо и землю. Небо, еще свѣтлое становилось блѣдно; только облака блистали желтымъ лиловымъ и пурпурнымъ свѣтомъ; а выше ночь уже спорила со днемъ. Насъ, промокшихъ совершенно, обдавалъ вечерній холодъ, и тѣнь отъ горы покрывала густымъ сумракомъ, между тѣмъ вдали казалось и тепло и свѣтло.

Наша лодка двинулась дальше. Сумерки становились гуще и гуще, было холодно отъ воды и ночнаго тумана и еще холоднѣе отъ вѣтра, который изрѣдка дулъ, прорываясь сквозь горы. Наконецъ мы причадили къ лѣвому берегу; отсюда должно было продолжать путь пѣшкомъ до Черницы. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ пошли по долину, но эта дорога была немного длиннѣе горной и потому мой Переникъ, не смотря на ночь, отправился черезъ горы; я шелъ за нимъ. Не прошли мы пяти минутъ, какъ дорога сдѣлалась просто непроходимою. Между тѣмъ деревня еще была далеко, а наступала глубокая ночь и было холодно. Тропинки были смыты дождемъ и должно было идти по грудамъ острыхъ камней; то взбираться вверхъ между колючими кустами гранатъ, то спускаться внизъ во рвы, покрытые водою, на днѣ которыхъ съ шумомъ бѣжали

горные ручьи. Мой Переникъ шелъ скоро, изрѣдка сердясь на ружье, которымъ цѣплялся за кусты. Наконецъ вдали мелькнули огоньки и черезъ нѣсколько минутъ мы уже были въ кучѣ князя Пламенца: хозяина не было дома, когда мы вошли въ избу. Въ первой комнатѣ, она же составляетъ и кухню, въ среднѣй на каменномъ полу былъ разведенъ огонь; вверху навѣшана рыба и разныя съѣстные припасы: они сушились и коптились; въ углу широкая печь въ родѣ Русской, и вокругъ узенькія скамейки. Мы нашли маленькіе стульцы и усѣлись у огня, чтобы просохнуть и отогрѣться, а услужливая хозяйка хлопотала чѣмъ бы угостить насъ. Изъ разныхъ предложеній мы избрали два ракію, да кофе. Въ нѣсколько минутъ поспѣло и то и другое. Пришло еще нѣсколько Черногорцевъ; мы сидѣли вокругъ огня, пили кофе, читали пѣсни и разговаривали. Наконецъ Джуро обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ты никогда не рѣзалъ Туркамъ головъ? Никогда, отвѣчалъ я; «такъ ты проживешь вѣкъ девицею», сказалъ онъ, помолчавъ немного и потомъ прибавилъ, заботясь о моей славѣ: «вотъ скоро пойдетъ чета въ Скадру, поди съ ними!» — Походы четь не смотря на миръ часто случаются на границахъ: частныя обиды большею частію бываютъ причиною такихъ походовъ; а иногда просто за пирушкой послѣ разсказовъ объ юноцкихъ подвигахъ, закипитъ южная кровь, соберутся нѣсколько человѣкъ, и пойдутъ на промыселъ.

Названіе чета уже показывается значеніе подобныхъ дружинъ. Это нѣсколько людей соединенныхъ между

собою взаимнымъ договоромъ на жизнь и смерть. Безчисленное множество ходить разсказовъ про геройскіе поступки четъ; многіе изъ нихъ воспѣты въ народныхъ пѣсняхъ. Сохранились имена нѣкоторыхъ героевъ, особенно прославившихся въ подобныхъ походахъ. Напримѣръ, много лѣтъ тому назадъ жилъ пастухъ Никацъ Томановичъ, Катунской Нахіи изъ племени Пуцы, лице славное въ народныхъ пѣсняхъ, гроза сосѣднихъ Турокъ. Онъ прозывался Чайкою. Въ годъ смерти Митрополита Даніила, Чехай Паша съ 20-ю тысячами войска напалъ на Убли, такъ называлось мѣсто гдѣ были пастбища и нѣсколько хижинъ пастуховъ. Пастухи убѣжали, потерявъ стада и все имущество. Въ ихъ числѣ былъ и Никацъ. Онъ уговорилъ своихъ товарищей, (ихъ было 40 человекъ), заключить между собою заклѣтье, чтобы отмстить Туркамъ, пойти въ лагерь и убить Пашу. Пастухи согласились, и Никацъ повелъ ихъ въ Турецкій лагерь. Войдя туда, онъ объявилъ Туркамъ, что они Дробняки и пришли помогать имъ, и хотѣли бы видѣть Пашу и поцѣловать у него руку. Паша былъ доволенъ этимъ предложеніемъ, видя въ немъ покорность Дробняковъ, Усочьскаго племени, которое всегда бунтовало противъ Турокъ. Лишь только размахнули полы палатки, чтобы ихъ ввести туда, они выстрѣлили общимъ залпомъ, ранили Пашу и перебили всѣхъ его окружавшихъ Турецкихъ предводителей! — Турки напали на нихъ, убили 13 человекъ, остальные возвратились домой. Никацъ получилъ 6 ранъ. Турки отложили походъ на Черногорію.

Такъ начались подвиги Никаца, — воспѣтаго во многихъ пѣсняхъ. Я расскажу одну изъ нихъ извѣстную подъ именемъ Четскій займъ. «Прилетѣли два черные ворона отъ рудины Никшицкой горы, сѣли на кровлю дома Сефера Пипера. Никто не видалъ птицъ, только увидѣла ихъ жена Сефера, и такъ говорила: къ счастью, или къ горю прилетѣли вы птицы такъ рано отъ Рудины, не видали ли тамъ моего Сефера Пипера и съ нимъ Шукича знаменосца и ихъ храбрую чету? они пошли встрѣтить чету Черногорскую. Удалось ли имъ встрѣтить и побѣдить ея? Видѣли, отвѣчали птицы, мы Сефера и знаменосца и чету; видѣли мы какъ прилегли они въ траву и посреди дороги легъ Сеферъ, когда увидалъ вдали чету Черногорцевъ, передъ нею былъ Никацъ. Чета возвращалась изъ Герцеговины и была утомлена, но Никацъ шелъ впереди и попѣвалъ: Ахъ! если бы Богъ да Богородица послали мнѣ встрѣтить въ горахъ Сефера Пипера или знаменосца Шукича, славно поздравствовался бы я съ ними. Лишь только ближе подошелъ Никацъ, Сеферъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ и убилъ за нимъ молодаго Черногорца, потомъ бросился было отрубить ему голову, но Никацъ защитилъ его и убилъ твоего Сефера. Другой Черногорецъ убилъ знаменосца и вся чета разбѣжалась или побита, если же намъ ты не вѣришь посмотри въ окно. Взглянула въ окно Турчанка и видитъ по двору несутъ нѣсколько носилокъ, на однихъ убитый мужъ ея а за нимъ идетъ его конь, на другихъ Шукичъ знаменосецъ, не сдержала горя Турчанка бросилась изъ окна и

Безъ духа е землю дочекао.

Наконецъ дерзость Никца дошла до такой степени, что онъ потребовалъ подати съ Турецкой крѣпости Никшичи. Онъ требовалъ ста барановъ и оружія. Бей собрался на совѣтъ и уже соглашались исполнить его просьбу, какъ вышелъ Якша Бабичъ, Бей отличавшійся наѣздничествомъ и просилъ 600 человѣкъ воиновъ, обѣщаясь привести голову Никаца. Турки дали ему 600 человѣкъ и съ ними въ распахъ ночью, онъ напалъ на жилища пастуховъ, ограбилъ ихъ и отбилъ стада. Подойдя къ хижинѣ Никаца, добро утро, сказалъ ему Бей отворяя дверь и прицѣливаясь въ него. Никацъ уже былъ вооруженъ и вмѣстѣ съ выстрѣломъ отвѣчалъ ему: добра срѣча! Но ихъ выстрѣлы раздались въ одно и тоже время и оба они упали мертвыми въ дверяхъ хижины.

По всѣмъ границамъ ходятъ четы, но нигдѣ не развился этотъ способъ войны такъ сильно, какъ на границѣ Боснійской. Племена ускоковъ, которыя послѣ послѣднихъ войнъ присоединены къ Черногоріи, всѣ образовались изъ подобныхъ четъ. Самое названіе ускоковъ говоритъ объ ихъ произхожденіи; это единовѣрцы и единоплеменники Черногорцамъ, перебѣжавшіе изъ Турціи въ Черногорію. Когда гоненія противъ христіанскихъ славянъ, которыя продолжается и теперь, были соединены съ сильною пропагандою Мухамеданизма, множество Босняковъ и Герцеговцевъ убѣжали изъ своего отечества. Съ одной стороны безземельная и бѣдная Черногорія не могла имъ дать земли, гдѣ бы они могли посѣлиться и жить трудами, съ другой жажда

отмстить своимъ врагамъ и вмѣстѣ врагамъ всего христіанства, препятствовала ихъ осядлости. Они собирались и только зимовали у пограничныхъ Черногорцевъ и лишь начиналась весна раздѣлялись на небольшія отряды и отправлялись на грабежъ въ Боснію, Герцеговину и Албанію. Обыкновенно весенній Юрьевъ день считается началомъ походовъ четъ.

Кадъ веселый джурджевъ данакъ доиде

Тесе гора изоджеде листомъ,

А рудине травомъ Джетелиномъ,

Да пролиста шума буковица

И за кука уной кукавице,

За Гайдука доиде Четоване. (*)

Марко Королевичъ обыкновенно празновалъ :

Оль године честитъ динакъ джурджевъ (**)

Такой образъ жизни, продолжавшійся постоянно и частию продолжающійся до сихъ поръ, прбизвелъ нѣкотораго рода правильное устройство четъ. Каждая чета соединена общею клятвою ее членовъ и составляетъ одно цѣлое, у нихъ все общее и добыча и жизнь и смерть. Только по приходѣ назадъ дѣлуютъ они между собою добычу, поровну. Часто одна и таже чета сдѣлаетъ нѣсколько походовъ въ одно лѣто. Количество добычи только заставляетъ ихъ возвращаться, если наберется такъ много, что нѣльзя нести съ собою, то

(*) Когда придетъ веселый Юрьевъ день, горы оденутся зеленью и цвѣтами, буковый лѣсъ покроется листьями и кукушка за кукуетъ въ немъ, тогда для Гайдука настанетъ время Четованья,

(**) Славный въ году Юрьевъ денекъ. —

они скорѣе сожгутъ или бросать въ воду, нежели оставить Туркамъ. Если одна чета, богатая добычею, встрѣтится съ другою, у которой во все нѣтъ добычи, то эта послѣдняя не имѣетъ ни какого права на притязаніе чужей добычи; но всегда имѣетъ право требовать столько, сколько нужно для ея пропитанія. Богатая чета всегда должна накормить бѣдную, но дать сверхъ того еще что нибудь, зависить отъ ея воли. По возвращеніи домой, начинается дѣлежъ добычи, которая большею частію состоитъ изъ стадъ, оружія и платья. Само собою разумѣется что подобные дѣлежи не всегда у вспыльчивыхъ Черногорцевъ обходились безъ крови, часто подавали они поводъ къ войнамъ цѣлыхъ сель между собою. Каждый продавалъ лишнюю часть добычи и этимъ жилъ зиму. Богатые разсказами про подвиги четъ и праздные во время зимы, Ускоки принадлежатъ къ самымъ поэтическимъ племенамъ. У нихъ возникла большая часть народныхъ пѣсенъ. Во время зимы развѣсаясь съ трубкой у огня, Ускокъ разсказывалъ свои похождения или, гудя на однозвучныхъ гусяхъ, пѣлъ пѣсни. Въ послѣдствіи, умножаясь болѣе и болѣе они отодвинули Турокъ отъ границъ и заняли и заѣли мѣсто между Клобукомъ и Никшичи. Теперь ихъ образъ жизни частію измѣнился, но въ нихъ есть, что-то особенное отъ другихъ Черногорцевъ. Между ними встрѣчалъ я лица необыкновенно красивые и особенную вольность и развязность въ движеніяхъ. Они большею частію наѣзники. Въ послѣднее время Ускоки вмѣстѣ съ Граховымъ сдѣлались предметомъ споровъ и войнъ между Босніею, Герцеговиною и Черногоріею.

Издавна были небольшія стычки на границахъ, а въ 1836 году начались настоящія войны. Туркамъ надобно наконецъ неопредѣленное положеніе Грахова и Ускоковъ, которые сдѣлались независимыми между тѣмъ какъ они считали ихъ своими, и Турки рѣшительнымъ ударомъ хотѣли окончательно присоединить ихъ къ себѣ. Мехмедъ Паша, Визирь Боснійской соединившись вмѣстѣ съ Визиремъ Герцеговины Али-Пашею, сталъ собирать войска. Черногорцы услышавъ объ этомъ готовились къ защитѣ. Собрали около 5-ти тысячъ войска, но въ то время какъ Владыка хотѣлъ послать ихъ на подкрѣпленіе къ Граховлянамъ, пришло извѣстіе изъ Грахова, что Турки отступили. Владыка распустилъ войско. Лишь только Турки узнали объ этомъ, какъ ночью напали и ограбили Грахово. Только для стражи на границѣ оставлено было отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ человѣкъ. Услышавъ о нападеніи пограничная стража вмѣстѣ съ нѣкоторыми жителями Грахова, въ числѣ 340 человѣкъ бросилась преслѣдовать Турокъ. Смаиль Ага-Ченгичъ встрѣтилъ ихъ съ 15-ю тысячами войска. 40 молодыхъ юнаковъ ворвались прямо въ средину войска. Въ ихъ числѣ былъ 14-ти лѣтній братъ Владыки, Іоаннъ, который былъ на границу посланъ не для сраженія, но чтобъ посммотрѣть за стадами, и племянникъ Стефанъ, тоже молодой человѣкъ; они были убиты и съ ними другихъ семь человѣкъ; остальные смѣшались съ Турецкимъ войскомъ и послѣ возвратились домой. Турецкое войско, не дожидаясь новыхъ битвъ, оставило Грахово. Отмстить за убійство брата Владыки и освободить Граховлянъ здѣлалось

обязанностью. Въ слѣдующемъ году 2000 Черногорцевъ отправились изъ Грахова, пожгли пограничныя села ожидая сраженія, что бы отмстить Туркамъ, которые хвастались первымъ пораженіемъ. Но Турецкія войска не пришли, а вмѣсто ихъ явились уполномоченные посланники отъ обоихъ Визирей въ Цетинъ, просить заключенія мира; 20 Октября 1838 года заключенъ былъ мирный трактатъ. Въ этомъ трактатѣ область Черногорская признается Турками прямо за независимую. Условія трактата были слѣдующія: каждый Граховлянинъ можетъ возвратиться въ свой домъ и владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ до сихъ поръ. За тѣ земли, которыя отняли Граховляне у Турокъ, должны платить имъ дань какъ и прежде платили. Но визирь не смѣетъ собирать ея самъ, а принимаетъ отъ Якова Даковича, который избирается на вѣчное потомственное воеводство надъ Граховымъ. Турки не должны имѣть никакихъ притязаній на Грахово, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Черногорцы. Такимъ образомъ Грахово осталось въ свободномъ, но вмѣстѣ неутральномъ положеніи.

Вскорѣ Турки нарушили договоръ, здѣлавши насиліе при собираніи дани. Черногорцы отмстили, и въ 1841 году Сентября 23-го Ага-Ченгичъ съ войскомъ пришелъ въ село Млетичекъ, принадлежащее Ускокамъ. Владыка писалъ къ Новицѣ, извѣстному своею храбростію, который въ это время жилъ между ускоками: вспомни что сдѣлали мнѣ Турки подъ Граховымъ, собери по границамъ войско и отмсти имъ. — Немедленно было исполнено повелѣніе Владыки и 500 человекъ

соединились подъ предводительствомъ Новицы; 23-го Сентября рѣшились напасть на Турецкой лагерь, который былъ расположенъ въ равнинѣ, на разстояніи двухъ часовъ отъ Босанской границы. 200 человекъ было оставлено на границѣ, какъ арріергардъ а 300 двинулись въ Боснію. Не долго искали Турковъ, скоро показался вдали отрядъ конницы — вѣроятно посланный развѣдать о непріятелѣ, Черногорцы окружили его и разбили на голову. На зарѣ они подошли къ лагерю. Турки не ждали нападенія. Лагерь пировалъ и тогда лишь узналъ объ опасности, когда грянулъ первый залпъ Черногорскихъ ружей. Едва собрались защищаться, какъ лагерь уже былъ взятъ. 72 Турка легло на мѣстѣ и самъ Измаиль-Ага, со всеѣми Кадіями и Беями; — остальные разбѣжались; 150 лошадей и лагерь достались въ добычу.

Спустя нѣсколько времени Турки собрали войско отъ 15 до 20 тысячъ и двинулись къ границѣ, чтобъ наказать Ускоковъ. Услышавъ объ этомъ Черногорцы начали собирать войска, а пограницѣ поставили стражу, около 500 человекъ. Эта стража, увидавъ приближающіеся войско Турковъ, не выдержала, перешла границу и напала на него. Разумѣется небольшая толпа, не могла противостоятъ силѣ Турокъ. Послѣ двухъ часового сраженія Турки ихъ разогнали. Всѣ успѣли перейти границу и ихъ не преслѣдовали, но осталось шестьдесятъ человекъ, отрѣзанныхъ Турками. Всѣ силы окружили ихъ у подножія горы — и требовали чтобы они здались. Черногорцы отказали и обрекли себя на смерть. Изъ мертвыхъ тѣлъ построили вокругъ себя

укрѣпленія, запѣли пѣсни и до глубокой ночи, не переставали драться. 27 человекъ было убито, остальные ночью прорвались сквозь Турокъ и пришли домой, почти все израненные. Особенно отличались, по сказанію товарищей, Марко Браевичъ и Марко Пилетичъ, оба переники, Сердаръ Морачскій Пилета Рамовичъ, Джиконъ Ландубъ, Ускокъ и Іоанъ Мегметовичъ Дробнякъ, во все время войны они пѣли пѣсни, — 4 изъ нихъ остались живы.

Послѣ Граховскаго дѣла Владыка приказалъ укрѣплять границы, построили нѣсколько башенъ и снабдили ихъ пушками, раставили стражу, всемъ велѣли быть въ готовности и по первому знаку съ горныхъ вершинъ двинуться къ Грахову. Но Турки услышавъ о приготовленіяхъ вступили въ мирные переговоры. Въ началѣ Іюля Али Бей писалъ къ Владыкѣ и потомъ Визирь и просили мира. Владыка согласился на предложеніе и этотъ миръ заключенъ въ Рагузѣ 1842 Сентября 24 числа. — Его заключили между собою Владыка Черногорскій и Визирь Герцеговинскій Али-Паша Ризванъ—Беговичъ, при двухъ Австрійскихъ Депутатахъ и постановили слѣдующія условія:

1) Границы остаются на прежнемъ основаніи, все споры должны быть прекращены до 1-го Января 1844 года.

2) До этого времени предлагается Визирю Герцеговинскому исходатайствовать у порты уполномоченныхъ чиновниковъ, которые бы, вмѣстѣ съ депутатами Русскими и Австрійскими, рѣшили споръ между Турціею и Черногоріею.

Этому третейскому рѣшенію, обязаны повиноваться какъ Владыка Черногорскій, такъ и Визирь Герцеговинскій.

Если подобнаго третейскаго суда не будетъ, то Владыка и Визирь должны сами собою заключить новый договоръ.

3) Въ продолженіи этаго времени перебѣги съ одной стороны на другую запрещаются и какъ Визирь, такъ и Владыка, обязуются назначить особыхъ чиновниковъ на границу, которые бы разбирали и судили дѣла между пограничными жителями. — Такъ въ 1842 году окончились, или лучше сказать замолкли, на время военныя дѣйствія на границахъ Герцеговины.

Говорятъ этотъ миръ не состоялся и снова была война. Но не смотря и на миръ походы четъ и перебеги изъ Турціи будутъ продолжаться постоянно.

Пограничные Турки также ходятъ четами. Въ Черногорскихъ преданіяхъ сохраняются имена ихъ храбрыхъ предводителей и особенно славно имя Албанца, потурченнаго Сербѣ, Бей Зотовича. Онъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ славный наѣздникъ и отличался храбростію. Часто ходилъ онъ съ четами на Черногорію, но не смотря на вражду, они уважили въ немъ храбраго. Однажды Албанская чета, настигла Черногорскую лодку на Скутарскомъ озерѣ. Въ ней былъ одинъ черцогорецъ Суйо Джановичъ. Надо было здаться, онъ отдалъ оружіе, спрятавъ подъ плащомъ небольшой кинжалъ и войдя въ Турецкую лодку спросилъ : кто Бей Зотовичъ. Всталъ кто-то другой ударилъ его и сказалъ : я не хуже Бей Зотовича! — Но Джако-

вичъ въ эту минуту такъ сильно ударилъ его кинжаломъ, что не могъ вынуть его назадъ и былъ убитъ Турками. Любопытенъ расказъ о смерти Зотовича. Онъ взбунтовался противъ Кара Махмуда. Нѣсколько Черногорцевъ соединились съ нимъ; но его дружина не была велика и потому онъ избѣгалъ сраженій съ цѣлымъ войскомъ Кара Махмуда. Но какъ-то случайно все его войско окружиго ихъ. Долго шла перестрѣлка, наконецъ со стороны Албанцевъ выѣхалъ наѣздникъ и спрашивалъ гдѣ Бей Зотовичъ, вызывая его на ратоборство. Если бы онъ былъ здѣсь, тебѣ не нужно бы и спрашивать, когда онъ выѣдетъ самъ узнаешь, отвѣчали ему. Скоро на бѣломъ конѣ онъ явился, они съѣхались и выстрѣлили оба; ловкій Зотовичъ пригнулся къ коню и пуля пролетѣла мимо, а его противникъ упалъ мертвымъ. Это раздражило Албанцевъ все войско двинулось, до ночи продолжалась битва, но небольшой отрядъ Бея не могъ устоять и былъ разбитъ на голову. Зотовичъ съ немногими черногорцами былъ придвинуть къ рѣкѣ; чрезъ нее переходилъ небольшой мостъ и подлѣ моста стояла изба. Зотовичъ рѣшился не пускать Турокъ на мостъ и заперся въ этой избѣ съ Черногорцами. Ночь была темная и густыя облака безпрестанно закрывали мѣсяцъ. Когда мѣсяцъ покрывался облаками Албанцы дѣлали приступъ; лишь только снова выходилъ мѣсяцъ, стрѣляли Черногорцы и мѣткими ударами разсѣвали толпы. Долго длилась перестрѣлка; наконецъ надоѣло Кара Махмуду упорное сопротивленье ничтожной толпы. Онъ велѣлъ выкатить 100 ведръ вина, напоилъ Албанцевъ и самъ повелъ на

приступъ, но и тутъ не поддавался упорной Бей. Наконецъ Албанцы обложили соломой избу и зажгли. Молча Зотовичъ вышелъ изъ дверей съ своими товарищами. Въ эту минуту луна выглянула изъ затучъ, грянули ружья Албанцевъ и они были убиты.

Между тѣмъ какъ мы разговаривали и читали пѣсни сидя вокругъ огня — воротился хозяинъ дома. Онъ пригласилъ насъ въ другую, чистую комнату. Скоро поспѣлъ ужинъ и опять за стаканами черницкаго вина, завязались разговоры и продолжились далеко за полночь. Уже разсвѣтало когда я вошелъ въ назначенную мнѣ комнату, хозяинъ уступилъ мнѣ свою спальню. Не смотря на то, что очень хотѣлось спать, я радовался разсвѣту, хотя на другой день рано собирался выѣхать. Моя спальня походила, на часто встрѣчающіеся у насъ на постоянныхъ дворахъ, гдѣ напрасно усталый путешеникъ думаетъ отдохнуть. Я не могъ сомкнуть глазъ — и вышелъ на балконъ дожидаться восхода солнца.

Куча Князя Пламенца стоитъ высоко на утесистомъ скатѣ горнаго хребта. Глубоко внизу лежитъ долина, ограниченная съ другой стороны горными верхами, отдѣляющими Черногорію отъ Приморья. Черногорцы берегутъ долины и никогда не селятся въ нихъ; всѣ деревни разбросаны на скатахъ горъ. Но въ Черницкой долинѣ нельзя посѣлится и потому, что очень часто, во время дождей, вода прибываетъ въ Черницу изъ Скутарскаго озера и она, разливаясь, покрываетъ всю долину. Потому всѣ домики Черницы живописно разбросаны на чрезвычайно крутомъ скатѣ горъ, покры-

томъ виноградными и оливковыми садами. На противоположныхъ скатахъ горъ также кое-гдѣ выглядывали хижины изъ густой зелени гранатъ и винограда. Черницкая долина принадлежитъ къ числу самыхъ плодородныхъ въ горней Черногоріи. Она производитъ много плодовъ, овощей, которыми торгуютъ съ приморцами и вина. Этому благоприятствуетъ климатъ; въ Черницкой долине климатъ также хорошъ и теплъ, какъ въ приморьѣ;— между-тѣмъ какъ въ Катунской нахіи, она лежитъ очень высоко надъ моремъ, — гораздо холоднѣе и тамъ не растетъ ни виноградъ, ни олівы. Вино продаютъ Черничане въ другія нахіи. Вообще Черногорія выдѣлываетъ запасъ вина, который достаеъ ей не болѣе какъ на восемь мѣсяцевъ и то только потому, какъ говоритъ г. Милаковичъ, что Черногорцы *«су одвечма умьрини у пичу, не би га доста било ни за 4 мьсяца.»* Потому Черногорія ежегодно покупаютъ известное количество вина у Приморцевъ.

Черница составляетъ средоточіе нахіи названной тѣмъ же именемъ. Она присоединена окончательно къ Черногоріи только въ 1796 году, послѣ пораженія Кара Махмуда и теперь раздѣляется на 7 племянъ: Балѣвиче, Лимяни, Глухи — до, Брчеле, Дупило, Сотоници и Подгоръ.

На другой день рано мы отправились въ Кагель-Дяству. Нужно было перейти только одну гору Грбаль, но этотъ переходъ былъ труденъ и требовалъ добрыхъ 6-ти или 7-ми часовъ. Воевода послалъ своего сына провожать насъ, онъ замѣнилъ собою Переника Джуро, который остался у родныхъ. Спустиаясь съ горы,

мы вскачь пустили коней по долинь, но это удовольствіе продолжалось не долго. Скоро кончилась узкая долина и намъ предстоялъ безконечной взходъ на утесистую гору. На первыхъ скатахъ горы было вѣсело пробираться съ камня на камень по узенькимъ тропинкамъ, пролегавшимъ между виноградниками. Тутъ еще кое гдѣ попадались хижины; у крыльца лежалъ лениво развѣлясь Черногорецъ, куря трубку или чистя ружье, между тѣмъ какъ женщины или работали въ садахъ или вокругъ дома. Иногда увидѣвъ издалека путешественника хозяинъ дома выходилъ съ виномъ и подносилъ намъ, проѣзжающимъ. Этотъ признакъ славянскаго гостепріимства, еще сильно сохраняется въ Черногоріи. Выше сады прекратились, кое-гдѣ росли деревца, едва цѣпляясь корнями за груды безпорядочно набросанныхъ камней. Ихъ глодали козы и овцы звеня колокольчиками. Иногда встрѣчалась Черногорка, относившая пищу пастухамъ, но и та встрѣтаясь старалась спрятаться за камень или дерево; или издали рисовалась гордая фигура пастуха. Жизнь пастуховъ Черногорскихъ самая опасная, чаще всего на нихъ нападаютъ Турецкія четы, они всегда ждутъ нападенія и всегда на сторожѣ и это даетъ имъ какой то беззаботно геройскій характеръ и презрѣніе всякой опасности. Часто начинали они и рѣшали цѣлыя войны. Никацъ Томановичъ, прославленный четоведецъ былъ пастухъ. И много о нихъ ходитъ нѣсенъ и разсказовъ. Лѣтъ 20 тому назадъ еще при Св. Петрѣ, племянникъ воеводы Ралонича повелъ стадо на пастбище, подъ Спужъ. Одна женщина, отпуская съ нимъ своего единственнаго

14 лѣтняго сына говорила : Перо Джеломе онъ поидеть съ тобою ; я поручаю его тебѣ , смотри чтобы не убили его Турки . Если онъ погибнетъ отвѣчалъ Перо , то вмѣстѣ со мною . Они привели стадо и не прошло двухъ дней , какъ напалъ на нихъ Турецкой отрядъ изъ 300 человекъ , взялъ стадо и двое пастуховъ и этотъ юноша были убиты ; Перо ушелъ . Но дорогой вспомнилъ свое обѣщаніе , возвратился назадъ съ кинжаломъ въ рукѣ вѣзался въ средину Турецкого отряда . Турки такъ тѣсно окружили его со всѣхъ сторонъ что не могли стрѣлять , опасаясь перебить своихъ . Начался бой кинжалами , 10 человекъ легло у ногъ Перо . Бюлюкъ Паша Ахметъ Бачаровичъ предводитель отряда , велѣлъ раступиться и кричалъ Перо , чтобы онъ подождалъ его . Подбѣжалъ къ нему и ударилъ кинжаломъ , разсѣкъ кожаный поясъ и ранилъ , но Перо сильнымъ ударомъ кинжала разрубилъ ему голову до плечъ . Но кинжалъ его сломался по самую рукоять и Турки убили его . Одна изъ пѣсенъ рассказываетъ подвигъ ста пастуховъ рѣшившихъ сильную битву . Мехмедъ Паша подгорицкій требовалъ большой подати съ Пиперовъ ; они отказали . Получивъ отказъ паша

Пушта у войско телари :
Кое пѣшацъ обувай опанке ,
Кое коньикъ коня хазурае ,
Я хочемо удрить на Пипере .

Собралось войско и напало на село Рогаме . Пиперы не устояли ; Турки взяли Рогаме и двинулись на Подпелле , подоспѣли на помощь Бѣлопавличи , но и они не

устояли. Турки сожгли Подпелле и взяли Завалу и Радечу. Пришла помощь съ Кома и отъ Загорчанъ, но и эти не устояли — Турки сожгли Стіеллу; пришла помощь отъ Кчевлянъ и Плѣшиваца; но и они начали отступать — какъ вдругъ подоспѣло сто пастуховъ.

Аль имъ нова помощь пристигнула

Доче има стотина чобонахъ,

Мечу собомъ вѣру уфатили,

Да по одномъ пале джевердане,

Па съ ножевма юришъ учинити;

Како рекли, тако содржали,

Еднокупно пуца сто пусаклахъ

Мало мане оборо Туракахъ;

Юшъ пламенне ноже повадиле

И часнимъ се крестомъ прекрестише,

Пакъ у Турке юришъ учинише;

Доксе Брадски войска приступила,

Халакнула, Бога поменула

Ка юноци Пипереки чобаны

Сви у Турке юришъ учиниши,

Чераючи Турки сіекучи

Разогнали Мехмедъ Паши войску.

Една бѣже низъ Стрганицу,

Друга войска зайде на Стіену,

Кто погибе ту се несломіо,

А сви здрави Пеперы юнаци

Сви Брдчани и сви Црногорцы

И кто чуе, на часть нека му е (*).

(*) Но къ нимъ подошла новая помощь сто пастуховъ, они уговорились между собою, чтобы одинъ разъ выстрѣливъ изъ ружей, броситься съ ятаганами на Турокъ. Какъ сказали такъ и поступили, вдругъ ударило сто ружей и едва не разогнали Турокъ, потомъ вы-

Недавняя стычка Черногорцевъ съ Австрійцами также сдѣлана пастухами. Давно Черногорцы косо посматривали на одну Австрійскую казарму и увѣряли что она построена на ихъ землѣ. Австрійцы предполагали измѣрить и опредѣлить свои границы съ Черногорією, возникли споры и особенно эта казарма тревожила Черногорцевъ. Австрійцы опасаясь, чтобы Черногорцы ея не разрушили, поставили стражу. Дѣло можетъ быть и кончилось бы мирно, но однажды Австрійцы замѣтили Черногорку, которая подходила къ казармѣ съ вязанкою кукурузонъ солымы. Имъ пришло въ голову, что она хочетъ поджечь ея. Кто то изъ солдатъ выстрѣлилъ и убилъ ея наповаль. Убить женщину, когда въ самыхъ жаркихъ войнахъ съ Турками женщины всюду имѣютъ свободный доступъ и никогда рука юнака не подымется на женщину — это преступленіе выше всякой мѣры въ глазахъ Черногорца. — Нѣскольکو человекъ, видя это, не медля ни минуты, съ ятаганами бросились на стражу, поднялась тревога, вышелъ Австрійскій горнизонтъ, а къ Черногорцамъ подоспѣла толпа катунскихъ пастуховъ. Завязалось не шуточное дѣло. Къ счастью скоро узналъ

нули кинжалы. перекрестились честнымъ крестомъ и бросились на Турокъ. До тѣхъ поръ пока Бердское войско опять приступило и ударило на непріятеля, храбрые Пиперскіе пастухи ударили на Турковъ, напирали на нихъ и били, разогнали войско Мехмедъ Паша; одна его часть побѣжала въ Строганицы, другая ушла въ Стіену; многіе погибли, а на здоровье Пиперамъ храбрѣцамъ и Берчанамъ и Черногорцамъ, и тому кто объ этомъ слышитъ!

Владыка и отправилъ Сердаря Филиппа съ нѣсколькими перениками унять и помирить. Переговоры о границахъ не были кончены и Владыка не хотѣлъ начинать войны. Около сумерокъ прекратилась битва. Владыка послалъ своего брата Григорія Петровича и онъ заключилъ перемиріе. Когда размѣнивались убитыми, Черногорцы взяли своихъ и перешли на свою сторону, Сердарь предложилъ и Австрійцамъ взять своихъ, но Полковникъ гордо сказалъ, что у нихъ нѣтъ убитыхъ. Какіе то 13 человекъ лежатъ на нашей сторонѣ, не въ нашей одеждѣ, отвѣчалъ Сердарь. Когда Австрійскія солдаты пришли поднять убитыхъ, многіе изъ нихъ падали въ обморокъ при видѣ мертвыхъ тѣлъ. Это очень сильно подѣйствовало на Черногорцевъ и внушило имъ необыкновенное презрѣніе къ своимъ противникамъ.

Послѣ этаго сраженія въ 1832 были измѣрены и опредѣлены границы Черногоріи и Австрійскаго приморья. Австрійцы за нѣкоторые клочки земли внесли деньги Черногорцамъ. Заключенъ былъ трактатъ и миръ съ тѣхъ поръ не прерывался.

Наконецъ мы взобрались на самую вершину, каменистую, безъ всякой зелени, покрытую въ безпорядкѣ набросанными утесами. Со всѣхъ сторонъ открылись намъ обширные виды.

Съ одной стороны видны были безпорядочныя массы голыхъ утесовъ Котунской нахи и надъ ними высокій Ловчинъ—это Черногорія. Неволько припомнился народной Черногоскій разсказъ о сотвореніи міра. Когда Богъ создалъ землю, злой духъ пронесся на нею и посѣялъ горы. Когда пролеталъ онъ надъ Черногоріею

мѣшокъ, въ которомъ онъ несъ утесы, прорвался и они упали безпорядочной грудой. Далѣе видѣлись прѣкрасно освѣщенные хотскія горы и часть Скутарскаго озера. Съ другой стороны, покрытые роскошною зеленью скаты горъ Турецкаго и Австрійскаго приморья, а за ними во всей красотѣ волновалось синее Адриатическое море. Глубоко внизу, едва были замѣтны нѣсколько домовъ и башня, вдающаяся въ море — это Кастель-Ляства. Противоположенъ былъ видъ Черногоріи виду на Турцію и Австрійское приморье. Долго смотрѣли мы на густо синее небо, пропитанное лучами солнца и на такое же синее море, не обращая вниманія на то, что сильный вѣтръ пронизывалъ насъ сквозь и едва не заставлялъ дрожать отъ холоду; я сидѣлъ на камнѣ, а старикъ Спиро опершись на ружье стоялъ возлѣ меня и сильно задумался.

Ты усталъ Спиро?

Нѣтъ отвѣчалъ онъ, и помолчавъ не много съ грустью прибавилъ указывая на приморье и Турецкую сторону: все взяли, Турки поле, а Латины море, Черногорцамъ одни камни остались!

ГЛАВА VII.

Приморье; суевѣрные преданія сохранившіеся въ Черногоріи; отъѣздъ.

Переходъ черезъ горы былъ утомителенъ и хотѣлось отдохнуть; но вмѣсто отдыха предстоялъ еще большой трудъ, сходить внизъ почти перпендикулярно падающей горы, по узкой едва замѣтно пробирающейся между утесами дорожкѣ, прыгать съ камня на камень и цѣпляться за колкій терновникъ и гранаты. Ъхать верхомъ казалось рѣшительно невозможнымъ, хотя мои спутники мнѣ совѣтовали; не смотря на трудность хотѣлось идти, есть какое то особенное удовольствіе всходить и сходить съ утесовъ почти неприступныхъ. Въ продолженіе двухъ часовъ Кастель-Ляства была возлѣ насъ и мы не могли ея достигнуть, непрерывно кружась по узкой тропинкѣ. Наконецъ миновались утесы и мы вышли на плоскій скатъ горы покрытый садами, которые были огорожены стѣнами, между ними тянулись узенькія улицы, по которымъ можно было ѣхать верхомъ. Около стѣнъ вились виноградные ло-

зы и роскошно рдѣли на солнцѣ гроздія или тянулись рядами густые кусты гранатовъ, покрытые яблоками и составляли вторую стѣну выше первой. Иногда улицы такъ узки, что ветви гранатовъ съ одной стороны достигаютъ до другой и иглы порядочно колятъ прохожаго. Во всѣхъ садахъ были маслины—единственное имущество Пастровичанъ, такъ называется племя, насѣляющее Кастель-Ляству. — Отъ 50 до 60 деревъ составляютъ садъ. Кастель-Ляства лежитъ на узкой, отлогой долинѣ, которая съ одной стороны возходитъ на скатъ горъ, называемыхъ голый верхъ; съ другой отлого сходитъ къ морю, и море, врѣзываясь въ нее, образуетъ овальный заливъ. — По бѣрегу залива тянется рядъ чистенькихъ небольшихъ домиковъ, два обрывисто скатившіеся въ море утеса, Катичъ и S. Nicolo, съ обѣихъ сторонъ, ограничиваютъ заливъ. Къ одному изъ нихъ примкнута маленькая крѣпостца съ башнею.

Пастровичи принадлежатъ къ Катарскому округу и вмѣстѣ съ тремя деревнями, называемыми *tre comuni* (Поборы, Майна и Браичи) составляютъ уѣздъ города Будвы. Весь этотъ округъ состоитъ изъ узкой береговой полосы земли, которой ширина отъ $1\frac{1}{2}$ мили не возсходитъ далѣе 2-хъ италіянскихъ миль, и граничить съ Черногоріею и Турецкою Албаніею. Въ немъ около 30 тысячъ жителей, всѣ исключая 2-хъ арнаутскихъ и 12 италіянскихъ семействъ, славяне сербскаго племени. Всѣ православной вѣры, исключая 29 семействъ изъ которыхъ 28 живутъ въ Будвѣ. Въ немъ 18 церквей и семь монастырей но въ этихъ монастыряхъ по одному, по 2, или по 3 не болѣе, монаховъ. Эта полоса

земли богата оливами, виноградомъ и вообще плодами, хлѣбъ получаютъ большею частию изъ Одессы, сухое мясо (Кастрединъ) изъ Черногоріи, Черногорцы каждую среду и четвергъ сходятся на торгъ къ Будвѣ. Кромѣ того морскія рыбы и другія, такъ называемыя, *Frutti di mare*, составляютъ одинъ изъ важныхъ способовъ пропитанія. Но приморцы не ѣдятъ черепахъ и лягушекъ, въ противоположность латинамъ. У нихъ есть пословица и *latini saranno tutti dannati, per aver pane e bovoli mangiati*. Жители Кафель-Ляствы крѣпко сложены, всѣ великорослы и стройны, ходятъ въ своихъ народныхъ костюмахъ и всѣ мореходы. Венеціанская республика дала имъ дворянство и они до сихъ поръ называются : *Nobili di Postrovitz*. Мы остановились у одного зажиточнаго гражданина Кафель-Ляствы. Вводя меня въ чистую, большую комнату, онъ говорилъ, что въ той же комнатѣ всегда останавливался у него святопочитавшій Владыка Черногоріи и потомъ многіе русскіе. Не стану описывать радушнаго приѣма, такъ принимаютъ русскаго вѣздѣ въ Далмаціи. Причина этаго заключается въ гостепріимствѣ, обычаѣ общемъ всѣмъ славянамъ и еще болѣе въ чувствѣ общеславянскаго братства.

Въ тотъ же день мнѣ хотѣлось продолжать путь далѣе, чтобы имѣть нѣсколько времени для осмотра Катаро ; но былъ сильный вѣтеръ. Моремъ небрались везти, а ѣхать сухимъ путемъ мы не могли, ибо не нашли лошадей. Вечеромъ, гуляя съ моимъ хозяиномъ въ его саду нечаянно мы заговорили о суевѣріяхъ, существующихъ у Черногорцевъ и приморцевъ.

Постараюсь передать собранныя мною свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Какъ поборникъ выры Православной Черногорецъ не могъ много удержать языческихъ суѣвѣрій и преданій. Въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ тѣже Сербы, но окруженные Турками, подѣ постояннымъ вліяніемъ магометанства, ихъ сохранилось болѣе и если Черногорецъ говоритъ о колдунахъ и духахъ, то обыкновенно указываетъ на эти страны, говоря: тамъ, унасъ нѣтъ. Съ одной стороны, постоянная память о своей вѣрѣ, съ другой воинская жизнь уничтожили суевѣрія; ихъ питаетъ и поддерживаетъ чувство мнительнаго страха, которое развивается болѣе у народовъ мирныхъ. Постоянная война придала безстрашіе и рѣшительность характеру Черногорцевъ.

Но во всякомъ случаѣ, сохранишіеся здѣсь немногіе остатки славянской мифологіи, заслуживаютъ вниманія.

Наиболѣе распространенное повѣріе въ Черногоріи, есть повѣріе о *Вилахъ*. Вилы, болѣею частію представляются прекрасными дѣвами, обитающими въ горахъ. Они часто называются горными вилами, *Вила Планинкина*, такъ въ пѣснѣ о битвѣ при Царевомъ Лазѣ Владыки Даніилу: *одъговара Вила Планинкина*. Но постоянно они называются *бѣлыми* вилами, слово *бѣлая* такое же необходимое прилагательное къ Вилѣ и употребляется почти въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ красная дѣвица. Хочетъ ли пѣвецъ Черногорскій похвалить красоту дѣвицы, онъ скажетъ она высока, какъ тонкая ель, хороша, какъ горная вила:

Есть висока, како танка ели,
А біела како горска вила.
Аліе Вила али е родила
Другіе Виле ни у горе нема.

Но и нѣтъ такой Вилы, въ горахъ какова эта *будим-ка дьвойка*, воспѣваемая въ пѣсни. Черногорцы не представляютъ Виль существами выше человѣка; прекрасная дѣвица можетъ быть лучше Вилы и храбрый юнакъ, побѣждать Вилу. Такъ поетъ пѣсня про одного юнака, взявшаго Вилу въ плѣнъ:

Ловъ ловіо Бан'-Секуле
И планиномъ и горицомъ,
Намъра га наниела
На юначко разбойште,
На Вучіе віялиште,
И Вилине игралиште;
Ту уфати Секуль Вилу,
Богомъ куми бѣла Вило:
«Богомъ брате Бан'-Секула!
Неводи ми Уйку своме,
Своме Уйку Угрин'-Янку,
Тры чу теби казат' биля:
Да си честанъ у дружины,
Да ти люби роди сына,
Да ти сабля съче Турке.»
Ал' іой вели Бан'-Секула:
«Муч' нелудуй бѣла Вило!
Бью Секуль юнакъ собомъ
Бы' че частанъ у дружину;
Была здраво глава моя,
Роди' че ми люби сына,
А и оштра сабля моя,
Здрава моя десна рука

Съче ми сабля Турке.»
 Иакъ одведе бѣлу Вилу,
 Дарива е Уйку своме,
 А онъ нѣму криво златно
 Криво златно и перятно (*)

Это показываетъ что ученіе о Вилахъ потеряло свое первоначальное религіозное значеніе и сохранило одно поэтическое. Точно, Черногорецъ рѣшительно не вѣритъ существованію Виль; между тѣмъ въ большей части пѣсенъ дѣйствуютъ вилы. Это измѣненіе замѣтно и въ томъ, что теперь Вилы представляются дѣвами, между тѣмъ какъ въ древности, они составляли особый міръ, свое общество, жившее и умножавшееся, какъ люди. Этотъ міръ, если сравнить его съ Мифологіею Грековъ не похожъ на олимпъ, гдѣ даже у языческихъ Славянъ было одно существо, одинъ творецъ міра; это міръ существъ среднихъ, между высшимъ божествомъ и человѣками. Потому они живутъ не на небѣ, но между небомъ и землею, касаясь и того и другого. Потому этотъ міръ, какъ средній, хотя въ развалинахъ уцѣлѣлъ и въ христіанствѣ. Замѣчательна одна сохранившаяся доселѣ пѣсня, въ которой ясно видны слѣды ея древняго происхожденія; вотъ она:

Градъ градила бѣла Вила
 Ни на небу ни на земли,

(*) Банъ Секуле охотился въ горахъ, случайно онъ напалъ на разбойничье мѣсто, на волчій притонъ и на Вилно игрище. Тутъ поймалъ Секулъ вилу. Заклинала Богомъ Бана Секулу бѣлая вила не отдавать ее его дяди Угriuну Янку и говорила: обѣ-

Нег' на грани одъ облака ;
На граду е трое врата ,
Едно врата одъ скерлета ,
Друго врата одъ бисера ,
Трече врата сухог' злата ,
Што су врата одъ скерлета ,
На та Вила шчеръ удава ,
Што л' су врата одъ бисера ,
На та Вила жени сына ;
Што ли врата сухог' злата ,
На та Війла съли сама ,
Вилиа гледа у облаке ,
Десе муниа зъ громомъ игра ,
Мила сестра су два брата ,
А невѣста съ два дерева :
Муниа грома надиграла
Мила сестра оба брата ,
И невѣста два девера ,
А то мило Вили было (*).

щаю тебѣ три вещи ; ты будешь уважаемъ дружиною , твоя жена родить тебѣ сына , твоя сабля будетъ съчь Турокъ . Отвѣчаетъ ей Бенъ-Секула : недурачся бѣлая Вила , я и такъ юнакъ , уважаетъ меня дружина , буду здоровъ , то жена родить мнѣ сына , а сабля моя остра , здорова правая рука и сечетъ моя сабля Турокъ . Потомъ отвелъ ее къ своему дядѣ , а онъ ему за то подарилъ крыло съ золотыми перьями .

(*) Бѣлая Вила построила городъ не на небѣ и не на землѣ , но на границѣ облаковъ ; въ городѣ было трое воротъ , одни изъ красного камня , другіе изъ перловъ третіи изъ золота ; на тѣхъ воротахъ , которые изъ красного камня , Вила выдала за мужъ дочь ; на тѣхъ воротахъ , которые были изъ перловъ . Вила женила сына ; на тѣхъ воротахъ , которые были изъ золота , Вила сидѣла сама и глядѣла въ облака , гдѣ молніа играла съ громомъ , милая сестра съ двумя братьями , а невѣста съ двумя деревьями . Молніа наигралась съ громомъ , милая сестра съ двумя братьями , а невѣста съ двумя деревьями .

Вилы обитали въ воздухѣ, такъ Марку Краевичу во время единоборства съ Мусою Кеседжіа,

Яви се му изъ облака Вила;

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сходили на землю, бѣгали по горамъ и сходились на игры въ мѣстахъ опредѣленныхъ и владѣли нѣкоторыми рѣками и источниками. И эти источники считались заповѣдными, ихъ воду не могли пить юнаки, ни поить своихъ коней, иначе платили тяжелою плату, юнакъ оба глаза, а конь всѣ четыре ноги :

И зводици Вила баждарица
Те узима тешку баждарину, (подать)
Одъ юнака оба черна ока.
А одъ коня ноге све четыре.

Преданіе о Вилахъ существуетъ только у Сербовъ и соотвѣтствуетъ преданію о *русалкахъ* у другихъ Славянъ. Юнгманъ (*) принимаетъ оба за мѣстныя измѣненія одного и того же общаго преданія. Еще Проконій говоритъ, что Славяне почитали нимфъ и другихъ духовъ, кромѣ одного высшаго существа Творца міра. Эти существа составляли средній міръ, духовъ стихійныхъ; міръ ни злой, ни добрый. Это одушевленные поэтическою фантазіею народа, силы природы, стихійныя начала. Характеръ Вилъ совершенно народный, они покровительствуютъ юнакамъ Сербскимъ, но не какъ высшія существа, а какъ равныя; Вилы дѣ-

(*) Słownik V. 101.

лаются съ ними посестримами, враги Сербомъ, враги и Виламъ и Вила всегда предупредить объ грозящей опасности и поможетъ въ несчастіи. Такъ Вила общала побѣду своему побратиму Марку Кралевичу надъ Мусою Кеседжія. Они сошлись на бой, но послѣ первыхъ ударовъ изломались оружія у обоихъ; они вступили въ рукопашный бой и Муса бросилъ на землю Марка.

Ал прозвие Кралевичу Марко
Де си данасъ посестримо Вило ?
Де си данасъ ниже те не било,
Еда си е криво заклинаше,
Дегочъ мене до неволи буде.
Яви му се изъ облака Вила :
Зашто брате Кралевичу Марко
Я самъ ли те боланъ говорила,
Да не чинишь кавги у недѣлю,
Срамота е двое на едного.
Де се тебе гуе изпотае
Гледну Муса брѣду и облаку
Одъ кудъ то Вила проговара,
Маче Марко ноже изпатое,
Те распоре Мусу Кеседжіу
Одъ учкура до біела грла.

(*) Но завопилъ Кралевичъ Марко: гдѣ ты нынѣ посестрима Вила, гдѣ ты, развѣ ты несправедливо клялась мнѣ помогать въ несчастіи. Явилась ему изъ облака Вила и сказала: за чѣмъ жадуешься Кралевичъ Марко, не ли говорила тебѣ, чтобы ты не начиналъ ссоры въ Воскресенье, стыдно нападать двумъ на одного, развѣ нѣтъ у тебя змѣи за пазухой. Муса взглянулъ вверхъ на облако изъ котораго говорила Вила, а между тѣмъ Марко вынулъ ножъ изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до горла.

Въ этой пѣсни видно Христіанское вліяніе, Вила чтитъ воскресный день, говоря что не долженъ былъ Марко начинать въ этотъ день ссоры. Такъ въ пѣсни о Царевомъ Лазѣ Вила, предупреждая Владыку о нападеніи Турокъ и поощряя на битву, говоритъ :

Богъ че вама бити на помочи.

Это показываетъ на безразличный характеръ Виль, какъ духовъ стихійныхъ. Они не выше и не ниже человека, но только существа другого рода и потому знаютъ болѣе его. Они ни добры ни злы, потому равно могутъ сдѣлаться въ человѣческомъ представленіи и добрыми и злыми. Съ одной стороны Вила чтитъ воскресенье, съ другой зоветъ юнака къ себѣ, котораго при рожденіи прокляла мать говоря: да возметъ его чертъ, какъ отданнаго имъ матерью. Они вредятъ только тогда, когда кто либо нарушаетъ ихъ законы, приходитъ на ихъ игрище, пьетъ изъ ихъ источниковъ. Въ другихъ же случаяхъ они помогаютъ человѣку. Вила всегда увѣдомляла Черногорцевъ о нападеніяхъ которые готовили имъ Турки: такъ

Кличе Вила одъ кома планине
Дозивала Вила на поле Цетинѣ,
На Цетине на средь горе Црне
По имену и по прозиму
Петровича Данилу Владыку:
О Владыко Црногорска главо,
Это на те иде сильна войска
Одъ онога Отмановичъ Цара (*).

(*) Кричитъ Вила съ горы Кома, зоветъ изъ Цетинской долины, срединны черной горы, по имени и по прозванію Владыку Данила Петровича. О владыко, глава Черногорцевъ, вотъ идетъ на тебя сильное войско отъ Царя Оттомановъ.

И Владыка спрашиваетъ Вилу :
 Кажи мене одъ планине Вило :
 Мошь ли знати колико е войске,
 Одъ кое ли земль и краине ,
 На коюче страну окренути
 И садъ коче на насъ ударити (*).

И Вила рассказываетъ сколько войска, изъ какихъ странъ, когда и на какіе страны намѣрены ударить. По ея словамъ распоряжаетъ Владыка дѣйствіями своего войска и одерживаетъ знаменитую побѣду надъ Турками. Такъ въ пѣсни о битвѣ при Додоше, бывшей два года тому назадъ, Вила увѣдомила храбраго юнака Вука Лешевича, о грозящей опасности.

Біела е покликнула Вила
 Со верхъ Везца брда високого

И проклинала его, пугая несчастіями, если не поспѣшитъ увѣдомить другихъ и не послушается словъ ея. Вила смотритъ на несчастія Черногорцевъ какъ на свои. Этотъ народный характеръ зависитъ отъ первоначальнаго безразличнаго характера Вилъ, который можетъ подвергнуться мѣстному видоизмѣненію по племенамъ. Потому весьма вѣроятно мнѣніе Юнгмана что это одно и тоже преданіе съ русалками, но измѣненное мѣстнымъ образомъ. Вилы занимаютъ тоже мѣсто въ Славянской миѳологіи у Сербовъ, какое русалки у Рус-

(*) Скажи мнѣ Вила, знаешь ли ты сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую нападутъ сторону и когда хотятъ на насъ ударить.

скихъ и Чеховъ; самое названіе Вила, которое есть не иное что какъ *била* (bila) *бѣлая*, показывается, что собственное имя утратилось, въ слѣдствіе его непреложности къ мѣстности и сохранилось одно прилагательное. Русалки по преданіямъ большею частію представляются одѣтыми въ бѣлыя рубашки безъ пояса, потому очень легко могли называться бѣлыми. Какъ на примѣръ, бѣлая голова сдѣлалась техническимъ названіемъ женщины, потому что Славянскія женщины носили бѣлыя покровы. Слово русалка не могло удержаться у Сербовъ, обитавшихъ въ странѣ горной, ибо по этимологическому слыслу означаетъ существо водное (*). Потому и самое существо, превратившись въ странѣ покрытой горами, касающимися до облаковъ, въ существо которое живетъ въ горахъ, носится въ воздухѣ, и собираетъ въ тучи облака. Измѣнивъ характеръ, оно потеряло собственное названіе и удержало одно прилагательное.

Кромѣ преданія о Вилахъ которое теперь въ Черногоріи имѣетъ одно поэтическое значеніе, существуетъ другое о *Вѣдогоняхъ*. Это преданіе особенно распространено у Сербовъ, приближенныхъ Адриатическому морю.

Въ отношеніи къ преданію и вѣдогоняхъ, мнѣ удалось слышать два различныя сказанія. По одному изъ нихъ вѣдогони суть духи людей и животныхъ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогона и особенно люди родившіеся въ рубашкахъ. Этотъ вѣдогонъ,

(*) См. ст. Шафарика о Русалкахъ.

когда спитъ человѣкъ (или животное) выходить изъ него и бережетъ его имущество отъ воровъ, и его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и всякаго колдовства. Часто эти вѣдогони дерутся между собою и если кто изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное умираютъ во снѣ. Если воинъ умретъ передъ битвою во снѣ, то говорятъ, что вѣдогонь его дрался съ врагами и убитъ. Прибрежные жители говорятъ, что вѣдогони прилетаютъ съ Италіанскаго берега и дерутся съ туземными. Другіе рассказывали мнѣ, что вѣдогони суть не иное что какъ домашніе духи, оберегающіе жилища и имущество каждаго отъ нападенія воровъ и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ и колеблясь они несутся по воздуху, говорятъ : дерутся вѣдогони.

Сохранилось также преданіе о морѣ (кикиморѣ) въ слѣдующемъ повѣртіи: когда во снѣ останавливается кровь, говорятъ, давитъ мора, какъ у насъ говорятъ, давитъ домовой.

Преданіе о колдунахъ и колдуньяхъ существуютъ во всей силѣ въ Герцеговинѣ. Тамъ говорятъ, что колдуны не только могутъ вредить во время жизни, но и по смерти они встаютъ изъ гробовъ и ходятъ къ живымъ. Въ этомъ случаѣ разрываютъ могилу того, кого подозрѣваютъ въ подобныхъ походахъ и, если найдутъ не истлѣвшимъ тѣло, переворачиваютъ навзничъ и между плечъ вбиваютъ колъ изъ бѣлаго терна. Въ Черногоріи гдѣ за подозрѣніе въ колдовствѣ каждый отмститъ своимъ кинжаломъ, исчезло понятіе о колдунахъ, ему нѣтъ мѣста при всеобщемъ братствѣ Черно-

горцевъ, въ которое соединила ихъ постоянная борьба съ врагами. Но въ отношеніи къ женщинамъ существуютъ подобныя подозрѣнія и есть повѣрья объ колдуньяхъ, называемыхъ у нихъ *вѣщицами*. Вукъ Кариджичъ въ своемъ Сербскомъ словарѣ (*) такъ объясняетъ это повѣрье, общее всѣмъ Сербамъ: «Подъ именемъ вѣщицы, разумѣется женщина заключающая въ себѣ какой-то дьявольскій духъ, который во время сна выходитъ изъ нея, превращается въ Вампира, летаетъ по домамъ и ѣстъ людей и особенно дѣтей. Когда найдетъ онъ человѣка спящимъ, жаломъ прокалываетъ ему лѣвую грудь, съѣстъ сердце и снова закроетъ рану. Нѣкоторые люди умираютъ послѣ этого, другіе живутъ и столько времени, сколько присудила имъ жить вѣщица, когда ѣла сердце, и, потомъ умираетъ такою смертію, на какую она обрѣкла ихъ. Вѣщица не ѣстъ и боится бѣлаго лука и потому носятъ лукъ съ собою и намазываютъ имъ грудь, чтобы защититься отъ нея. Молодыхъ женщинъ никогда не подозрѣваютъ вѣщицами, но всегда старухъ. Говорятъ, если разъ вѣщица исповѣдалась въ этомъ грѣхѣ, она перестаетъ вредить людямъ, становится лекаркою и лечитъ укушенныхъ вѣщицею. Когда вѣщица летитъ ночью по воздуху, то блеститъ какъ огонь и наиболѣе они слетаются на гумнахъ. Говорятъ, когда она вылетаетъ изъ своего дома, то намазываетъ грудь зельемъ приговаривая: *ни о трнъ ни о грмъ, вещь на пометно гумно*. Когда духъ вылетаетъ изъ вещицы, она остается, какъ мертвая.

(*) См. стр. 74.

Если гдѣ нибудь многія умираютъ и народъ подозреваетъ какую нибудь вѣщцу въ ихъ смерти, то бросаютъ ея въ воду. Есть повѣрье что вѣщца не можетъ утонуть. Когда брошенная въ воду женщина тонетъ, то вынимаютъ ея и пускаютъ какъ невинную, если же не тонетъ, то убиваютъ.»

Нѣкоторые дни въ году празднуютъ особеннымъ образомъ, на примѣръ вечеръ подъ Рождество, называемой *бадній вечеръ*. Въ Черногоріи осталось только преданіе, самое празднество давно исчезло, но частію у приморцевъ и особенно у Турецкихъ Славянъ и даже у Сербовъ, оно еще сохраняется. Этотъ вечеръ называется *бадній* отъ дерева *баднякъ*, которое главнымъ образомъ дѣйствуетъ въ этомъ празднествѣ. Вырубаютъ большое полѣно изъ этого дерева, подъ Рождество кладутъ въ печь, зажигая съ двухъ концевъ. Когда внесутъ его въ домъ, то посыпаютъ пшеницею и кто внесъ говоритъ: *добры вѣчеръ и честиты бадни вѣчеръ*. Хозяинъ отвѣчаетъ: *и съ тобомъ заедно сръчно и честито*, и снова посыпаютъ *бадникъ* пшеницею приговаривая: *я тебя пшеницею, а ты меня мушкими главама, стокомъ и пченицомъ и свакомъ добромъ сречомъ*. Послѣ такой встрѣчи кладутъ его въ печь и зажигаютъ. Потомъ обходитъ круговая чаша, каждый пьетъ вино, и взявъ чашу, прежде нежели начнетъ пить, плещетъ на *бадняка* приговаривая: *будь здравъ бадняче, вѣселяче, съ великомъ и добромъ сречомъ у кучу улега*. Это полѣно лежитъ въ печи и тлѣетъ 6 дней, до самаго новаго года. Первый кто войдетъ въ избу послѣ Рождественскаго вечера называется *полазникъ* и все сча-

стіе въ цѣлой годъ приписывается ему. Если все было счастливо, то на другой годъ уже нарочно зовутъ его. Каждый гость входя въ избу въ продолженіи этихъ 6 дней придвигаетъ далѣе въ огонь это полѣно и когда сыплются искры приговариваетъ : столько-то будь дѣтей у хозяина, или столько-то денегъ и т. под.

На другой день , еще за долго до солнца , мой спутникъ разбудилъ меня , вѣтръ утихъ и лодка насъ ожидала. Однако неудалось выѣхать такъ скоро , какъ хотѣлось моему спутнику. Гостепріимные хозяева не отпустили насъ безъ завтрака. Но все еще солнце не взошло, когда мы сѣли въ четырехъ-весельную лодку ; дружно ударили весла и лодка какъ птица помчалась по тихому морю. Море было темно и тяжело, небо прозрачно голубое и блѣдно, одинъ только его край зарумянила зоря и отразилась на вершинахъ горъ. Утро было прохладно , между тѣмъ свѣтлое небо часъ отъ часу становилось темнѣе, одинъ его край покрывался ярко пунцовымъ цвѣтомъ зори, переходившимъ далѣе въ лиловый , а наконецъ сливавшимся съ яркою голубью неба; блѣбли и становились прозрачными рѣдкіе полосы облаковъ, горы темнѣли и оттѣнялись зеленью, лиловилъ второй рядъ горъ и рисовался третій и четвертый въ видѣ легкихъ облаковъ. Наконецъ показалось солнце, бросивъ полосу огня по всему морю, и море какъ будто взволновалось сильнѣе , свѣтъ ярче оттѣнилъ волны и разсыпалъ по нимъ потоки, переливающихся искръ. Дружно всплескивали весла и раздавался говоръ волнъ съ прибрежными утесами. Наконецъ мы обогнули утесистую гору и вошли въ неболь-

шой заливъ , на одномъ изъ ограничивающихъ его мысовъ стояла небольшая крѣпостца — это Будва.

Нѣсколько минутъ мы пробыли въ этомъ небольшомъ и незамѣчательномъ городкѣ и пѣшкомъ отправились въ Каттаро. Вечеромъ мы пришли туда и на другой день нашъ пароходъ уже мчался къ Триесту. День былъ также хорошъ какъ и тогда, когда подъѣзжали мы къ Каттаро, но не было также весело.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИМОРСКОЕ

I.

Народная Черногорская пѣсня о битвѣ при Рогаме.

Пиле Аге подгоричке віно
На сарае Бега Абдовича,
Мечу нѣма два брата Крнѣича;
Пию віно разговараю се:
А найвыше зборе за Крайну,
А найвыше зборе за юнаштво.
Него рече Беже Абдовичу
Злога сѣле, аге подгоричке,
Злога сѣле и віно попиле
На сарае Бега Абдовича,
Крайне намъ Брцке додіяше,
Подгорицу нашу затворише;
Ма све бы смо яде опростили,
Но съ огради града премо града
Безъ тестира Цара и Везира;

Подгорицкіе Аги пировали въ домѣ Бея Абдовича и между ними два брата Крнѣича, пили вино и разговаривали. Наболѣе говорили объ Крайнѣ, наболѣе говорили о военныхъ подвигахъ; и сказали Бео Абдовичу Подгорицкіе Аги: мы пировали въ твоємъ домѣ, а Бердскія страны намъ надоѣли, затворили нашу Подгорицу; это мы бы имъ еще простили, но построили укрѣпленіе прямо противъ крѣпости, безъ позволенія Царя и Визиря; а Пи-

А Рогаме Пиперска Крайна,
 Недаю намъ подичи овчара,
 Да изяви овце изъ ванъ града.
 И те бы смо яде опростили,
 Но сіеку по ливаде Турке,
 По ливаде до воде рыбнице;
 Де ми, Турцы, очима гледамо,
 Де гледамо, помочъ неможемо.
 И те бы смо яде опростили,
 Но фатаю наше буле младе,
 Скидаю имъ са грла дердане; —
 То нестой у нашемъ корану,
 Тай е зулумъ подніети не може,
 Вечъ хаидемо, ядна брачо Турцы,
 Да краву даву одправимо
 У Мустафе Скадарскогъ Везира,
 Да намъ даде люту Арбанію,
 И предъ ньоме хота Хасанъ-Агу,
 Да удримъ съ войскомъ на Рогаме,
 На Рогаме Пиперску крайну,
 Да Рогаме града разградимъ.
 Садъ е ньима мало ударити,
 Пиперй су лигли на планину.
 Де годъ има лакца и боивяка.

перское село Рогаме не даетъ нашимъ пастухамъ выводить овецъ на паству вонъ изъ города. Мы бы и то имъ простили, но убиваютъ Турокъ по долинь до рѣки Рыбницы, мы же Турки смотримъ на это, а помочъ не можемъ. И то мы бы имъ простили, но ловятъ нашихъ женщинъ и скидаютъ съ нихъ ожерелья. Этого не писано въ нашемъ Коранѣ, такой обиды мы не можемъ перенести; но пойдемъ, братья Турки чтобы отмстить кровавую обиду, попросимъ у Мустафе Скутарскаго Визиря, храбрыхъ Албанцевъ подъ предводительствомъ Гасанъ-Аги Хотскаго и ударимъ съ войскомъ на Пиперское село Рогаме и разрушимъ ихъ крѣпленіе. Теперь легко на нихъ напасть, всѣ Пиперы ушли въ горы; сколько ни было у нихъ легкихъ воиновъ и лютыхъ бой-

И чобана, люта убойника,
 Све е дигло сада на планину.
 Како рече Беже Абдовичу
 Свега Аге листомъ послушаше
 И послаша Крвѣича Мурата,
 На нѣгова дебѣлого хата,
 Послашега Скадру бѣломе,
 У Мустафе нѣова Везира.
 А кадъ муратъ предъ Везиромъ доле
 Люто плаче и сузе пролива:
 А помагай драгій Господаре,
 Крайне намъ вѣлашке додѣяше;
 А особито крѣави Пиперї,
 Ал' све ядї опростить могасмо
 Оградише града съпрема града
 Безъ тестира Цара и Везира,
 Съпрема наше Варомъ подгорїце;
 А Рогаме Пиперске крайне, и пр.
 Но намъ подай люту Арбанїю
 И предъ нѣима хотя Хасанъ-Агу,
 Да Рогаме града разградимо,
 Многе наше яде осветимо.
 Кадъ Мурата Везиръ разумїю,
 Сकोчї хитро на ноге лагане,

цовъ пастуховъ, теперь всѣ ушли въ горы. Какъ сказалъ Бей Абдовичъ, его сейчасъ послушались всѣ Аги и послали Мурата Криньича, на его вѣстномъ конѣ, въ бѣлый Скутари къ Визирю Мустафѣ. Когда Муратъ пришелъ къ Визирю, горько плача и проливая слезы говорилъ: помоги драгой господарь, намъ надобно Вѣлашскіе пограничные жители, а особенно кровавые Пиперы. Мы бы могли все простить, но построили укрѣпленїя прямо противъ крѣпости нашей Подгорицы, безъ позволенїя Царя и Визиря, а Рогаме Пиперское село и прочее. Но дай намъ храбрыхъ Албанцевъ подъ предводительствомъ Хасанъ-Аги Хотскаго, чтобы мы разгромили Рогаме и отместили наши обиды. Когда услышалъ Визирь онъ быстро вскочилъ на легкія ноги, позвалъ Га-

На дозива хота Хасанъ-Агу
 И овако нѣму бесѣдіо:
 Устай слуго на ноге лагане
 И покупи листомъ Арбанію,
 Арбанію купи потефтеру,
 Скупи войске, што найвише можешъ,
 Те поведи сѣлу на Рогаме,
 Да Рогаме града разградите,
 Кон се е скоро оградіо,
 Съ према наше варошъ Подгорице
 Безъ тестира Цара и Везира.
 Хасанъ-Ага на ноге скочио
 И окупи листомъ Арбанію,
 Арбаніе скупи шесть хіляде;
 Па окрену сѣловѣту войску
 Те съ нѣомъ Ага паде на Доляне,
 На Доляне выше Подгорице,
 Ночу паде, ночу таборъ мече
 Изъ табора слуге одправіо,
 На сарае Бега Абдовича;
 А кодъ слуге на сарае быле,
 Ту надоме Бега Абдовича,
 Око нѣга Аге Подгоричке,
 Селамъ су имъ слуге учиниле:
 Селамъ тебе Беже Абдовичу

санъ Агу и такъ ему говорилъ: вставай слуга на легкія ноги, собери разомъ Албанцевъ, собирай по переписи и составъ войско сколько можешъ больше; поведи его на Рогаме, разрушъ Рогамскія укрѣпленія, которыя скоро построились противъ нашей крѣпости Подгорицы, безъ позволенія Царя и Визиря. Хасанъ-Ага вскочилъ на ноги и разомъ собралъ 6 тысячъ Албанцевъ; потомъ двинулъ войско и съ нимъ пришелъ на Доляну, выше Подгорицы, пришелъ ночью и ночью же построилъ лагерь. Изъ лагера отправилъ слугъ въ домъ Бега Абдовича; когда слуги пришли къ нему въ домъ, нашли его окруженнаго Подгорицкими Агами и поклонились ему и сказали: поклонъ тебѣ Бей Абдовичъ и вамъ

И остане Аге Подгоричке
 Одъ нашего Аге-Асанъ-Аге,
 Это Ага на равне доляне
 Око нѣга многа Арбаніе;
 Вечъ устайте на ноге лагане
 Те дигните листомъ Подгорицу,
 Хаите сньоме Аге на Доляне
 Ти остани Беже Абдовичу,
 Останъ Беже, на твое сарае
 Да приправляшъ ручакъ Арбаній,
 Кадъ се врате са села Рагаме
 Биче воиска трудна и уморна,
 Да почйну и ручаю Турцы.
 Одъма Аге на ноге скочише,
 Подигоше варошъ Подгорицу,
 Отидоше, Аге, на Доляне
 Кадъ се сйла составила воиска,
 На трое су воиску діелили
 И предъ воискомъ врлй Булюмбаше,
 А предъ нѣма лаке калаузе,
 Кой знаду кланце и путове,
 И газове на воде морачу.
 Предъ едномъ су два брата Крнѣча
 Да отиду полю стрганйцы,

Подгорицкіе Аги, отъ нашего Гасанъ-Аги, онъ стоитъ въ Долянскоі равнинѣ съ многочисленными Албанцами. Вставайте на легкія ноги, подвигните разомъ Подгорицу и идите, Аги, къ нему на Доляны Ты же Бей Абдовичъ останься въ твоёмъ домѣ и приготовь угощеніе Албанцамъ. Когда возвратятся изъ села Долянъ, войско будетъ усталое, то чтобы могли Турки отдохнуть и попировать. Тогда вскочили Аги, собрали Подгоричанъ и пошли на Доляны. Когда составилось сильное войско, раздѣлили его на три части, передъ войскомъ поставили Булюмбашей, а передъ ними легкихъ застрѣльщиковъ, которые знаютъ всѣ тропинки и дороги и броды на рѣкѣ Морачѣ. Съ однимъ отрядомъ два брата Кринѣча должны были идти въ Строганицкое поле, чтобы под-

Да чекаю помочъ одъ Пипера,
 Да неможе приспѣтъ у Рогаме;
 За нѣма су воиске трѣ хіляде.
 А предъ другомъ Груцки воевода
 И съ воеводомъ до два дечевича,
 И за нѣма воиске три хіляде,
 Да отиду Броду Рашковоме
 Да умику село одъ Рогама
 И чекаю помочъ одъ Пипера.
 Предъ тречомъ е хоте Хасанъ-Ага,
 За нѣмъ воиске четири хіляде,
 Съ войскомъ поде уполю Рогамско.
 Да удари на село Рогаме;
 Ал' Турцыма лоша срѣча была,
 Преде зоре селу удареше.
 Преде зоре четири сахата.
 Кадъ вріеме нѣ одъ ударца,
 Тада Турцы на село удрише.
 Ал' да видишъ деце Рогамяна
 Одма ты се они затворише.
 Затворише у четири куле,
 У біелу Ненадича Кулу,
 И у кулу Чукнича Савича,
 У біелу Вучинину кулу,

жидать ту помощь, которая могла придти отъ Пиперовъ и недо-
 пустить ее къ Рогаме; съ ними было три тысячи войска. Дру-
 гимъ отрядомъ предводительствовали Груцкій воевода, съ нимъ
 два Дечевича, а войска было три тысячи; они должны были идти
 къ броду при селѣ Рашки, закрыть это село отъ Рогаме и также
 ожидать Пиперовъ. Третію частію войска предводительствовали
 Гасанъ-Ага, съ нимъ было четыре тысячи и онъ пошелъ въ Ро-
 гамское поле, чтобы ударить на село Рогаме. Но Туркамъ было
 плохое счастье. за четыре часа до зори они ударили на село, уда-
 рили тогда когда не время нападать. Но посмотри на Рогамянъ,
 они затворились въ четыре укрѣпленные избы, въ избы Нена-
 дича, Чукнича-Савича, Вука и Блажича Новака. Напередъ уда-

И у кулу Блажійча Новака ;
 Но найпріедъ ударише Турцы
 На біелу кулу Ненадича,
 А дозива Ага Хасанъ Ага
 Есль у кулу, Ненадичу Джуро,
 Еси ли ми ручакъ приправіо
 Стидне самъ ти госте сакупіо,
 Сакупіо мою Арбанію;
 Мука имъ е ручакъ приправити.
 Но изъ куле одговара Джуро :
 Хайдъ наприедъ Ага Хасанъ Ага,
 Ліепъ самъ ти ручакъ приправіо,
 Изъ пушака црніе крушака,
 Одъ ножева віна црвенога,
 Вазда самъ ти таки приправляю
 И ютросъ чу, ако Богъ да.
 У кмети Турцы кидисаше
 Те све село сіломъ освоише,
 А четирий куле опасаше,
 У кое су деца Рогамянй
 Съ неколико Пиперски Пандура ;
 Но Сербима веля среча была,
 Турцы селу оганъ утурише,
 Све пояче огнѣмъ опалише
 И остале куче сламарице ;

рили Турки на бѣзую избу Ненадича. Крикнулъ Гасанъ-Ага: дома ли ты Джуро Ненадичъ, пригатовилъ ли праздникъ, я собралъ тебѣ гостей моихъ Албанцевъ, трудно имъ приготовить праздникъ. Но изъ избы отвѣчаетъ Джуро: милости просимъ Гасанъ-Ага, славный пригатовилъ я тебѣ праздникъ изъ черныхъ зеренъ ружейныхъ да изъ краснаго вина отъ ножей; всегда такой праздникъ пригатовляю тебѣ и сегодня также, если Богъ дастъ. Проклятые Турки бросились, освоили все село и окружили четыре избы, въ которыхъ заперлясь Рогамяне съ немногими Пиперскими Пандурами. Но Сербы были очень счастливы. Турки подождли село, пожгли всѣ дворы и избы, крытыя соломой. Но на счастье Сер-

Сйну село, када грану сунце,
 То Сербима веля срѣча была,
 Многе Турке на ватру побише
 И одъ кула Турке одъ макоше.
 А кадъ виде Джуро Ненадичу,
 Е одъ куле узмакоше Турцы,
 Онъ повйкну Тома и Стефана
 И остале у кулу Пандуре:
 Де сте децо, нигдѣ ви небило.
 Де ши кой не уграби главе,
 А одъ куле одагнасмо Турке.
 Ал' да видишъ доброга юнака,
 Младо момче Цековича Тома,
 Онъ одъ куле отворио врата
 И живога уфати Турчина,
 Не какога Груду Баряктара;
 Те Турчйну посіече главу,
 Понесе е на біелу кулу
 Ал' да видишъ мукѣ и неволѣ
 На біелу Чукничеву кулу!
 На ню удри люта Арбаніе,
 Ал' е кула сламомъ покривена.
 Арбанаси кулу запалише;
 У кулу су три добра юнака

бамъ скоро взошло солнце и освѣтило село, тогда они многихъ перестрѣляли Турокъ и отогнали ихъ отъ избы. Когда увидалъ Ненадичъ, что Турки отступили отъ избы, онъ сказалъ Томе и Стефану и остальнымъ Пандурамъ, которые были въ избѣ: Гдѣ вы дѣти, чтобы васъ не было, если кто нибудь не отрубитъ Турецкой головы, теперь мы отогнали ихъ отъ избы! вотъ смотри на славнаго храбреца молодого юношу Тому Цековича, онъ отворилъ двери избы, схватилъ живаго Турка, извѣстнаго знаменосца Груду, отрубилъ ему голову и унесъ ее въ избу. Но если хочешь видѣть несчастіе, взгляни на бѣлую избу Чукнича, на нее ударили злые Албанцы. Эта изба покрыта соломой и Албанцы ее подожгли, въ избѣ же три славныхъ воина, два племян-

Два сестрича Лутовца Радоя
 Са своіемъ миліемъ уякомъ,
 Ал' говори Лутовацъ Радое:
 О Бога, вы до два сестричича
 Што чесмо одъ живота свога
 Ево кулу запалише Турцы,
 Ал' е болъ предъ ньомъ изъ трчати
 Да ни Турцы посіеку главу,
 Ал' уживи огань изгорети.
 Говоре ту до два сестричичи:
 Нашъ уяче Лутовацъ Радое,
 Изъ куле е болъ искочати
 Но ужива огань изгорети,
 Да ни Турцы по сіеку главе
 Некъ ихъ носе скадру біеломе,
 Плати че ихъ, ютросъ акъ Богъ да,
 Него викни грломъ и авазомъ
 На біелу Вучинину кулу
 Е за дружна Вучинна кула,
 Да оброте пушке шаровите,
 Да размакну око куле Турке.
 Не би ли намъ друма отворили
 Не бы смо ли кои убъжали,
 У біелу Вучинину кулу.
 У то зовну Лутовацъ Радое,

ника Лютовца Радое съ своимъ милымъ дядею. Говоритъ Люто-
 вецъ Радое: племянники какъ промышлять намъ теперь о своей
 жизни, избу подожгли Турки, что намъ лучше, выбѣжать изъ
 избы, чтобы Турки отрубили намъ головы или живьемъ сгорѣть
 въ огнѣ. Отвѣчаютъ ему племянники: дядя нашъ Лутоецъ Радое
 лучше намъ выбѣжать изъ избы, чѣмъ живымъ сгорѣть въ огнѣ.
 Пусть Турки отрубятъ намъ головы отнесутъ ихъ въ бѣлый Ску-
 тари, тамъ имъ заплатятъ за нихъ, если Богъ дастъ; но крикни
 друзьямъ, что въ избѣ Вука, пусть они въ нашу сторону обра-
 тятъ пестрыя ружья, разгонятъ Турокъ, очистятъ намъ дорогу
 и тогда мы перебѣжимъ въ ихъ избу. Крикнулъ имъ Лютовецъ

Они танке пушке обратише
Са біеле Вучинине куле
Одагнаше люту Арбавію
И одъ куле врате очистише,
Талъ скочише три добра юнака
Те одъ куле одворише врате
И вратима загонъ учинише,
Тако нѣма Богъ и среча даде,
Сва троица здраво утрчаше
У біелу Вучѣнину кулу.
Али виче Ненадичу Джуро:
Виче Джуро са біеле куле
Фала Богу, фала великоме
Што бы ютрость мене одъ Пипера,
Али ихъ е сила притиснула,
Али ихъ е муня попалила,
Те ми ютрость не би на неволю
Како су се вазда на учили.
У ріечи кою говораше
У то нѣму мала помочъ доче,
Одъ завале, села крвавога,
А предъ нѣоме соко тица сива,
Младо момче Лека Талановичъ
И за нѣмѣ двадесетъ Заваяна,
На лѣгоше врхомъ везешникомъ.

Радое и они обратили въ эту сторону тонкія ружья, отогнали злыхъ Албанцевъ и очистили двери избы; тогда вскочили три храбрыхъ воина, отворили двери, побѣжали и, Богъ далъ имъ счастье, всѣ трое здоровы ушли въ бѣлую избу Вука. Но говоритъ Ненадичъ Джуро: хвала Богу хвала, великому если бы подоспѣли Пиперы не пришлось бы мнѣ быть въ такой неволѣ, или тоже на нихъ напало войско, или ихъ спалила молнія. Въ то время какъ онъ говорилъ, пришла небольшая помощь изъ Завалъ кроваваго села, подъ предводительствомъ сокола сизой птицы, младаго юноши Леки Томановича, съ нимъ было 20 Заваянъ. Когда

На біелу Чукничеву кулу;
 Те на кули огань претулиши,
 Де удриши деца Завалани
 Када пуче небесно вріеме,
 Те низъ село потискоше Турке.
 Ал' да тіе погледати было
 Младо момче Леку Баряктара,
 Како гони низъ Рогаме Турке,
 Ерть се беше Лека зафаліо,
 За фаліо усвою дружину,
 Даче Турску уграбити главу,
 Ал' Турчина жива уфатити,
 Али свою главу изгубити.
 И у Турке загонъ учиніо,
 Да уграби одъ Турчина главу;
 Но пукоше пушке одъ Турака
 И ушибе Леку Баряктара.
 У то друга поточъ прискочила,
 Одъ Стіене села дебелога
 А предъ нѣма Бечко Вукашине
 Поредъ нѣга Муратовъ Тодаре,
 И одъ банде удрише на Турке,
 Одъ шірока поля стрчанице;
 Тадаръ Турцы плечи обратише
 А Пипері болъ навалише

съ вершины Кома налегли на избу Чукнича и подожгли ее, тогда ударили Завалане и погнажи Турокъ на край села. Тогда надо бы поглядѣть было, на молодого юношу знаменосца Леку, какъ онъ гонить Турокъ изъ Рогаме. Похвалился онъ своей дружинѣ, что отрубить голову или живаго ухватить Турка, или самъ будетъ убитъ, и потому онъ бросился на Турокъ, чтобы отрубить Турецкую голову. Но ударили Турецкія ружья и убили знаменосца Леку. Въ это время подошла другая помощь изъ добраго села Стены подъ предводительствомъ Вукашина, вмѣстѣ съ Тодаремъ Муратовичемъ; они съ боку ударили на Турокъ отъ широкаго поля Строганицы. Тогда Турки обратили тылъ, а Пиперы

И низъ село подагнаше Турке
У то треча поточъ прискочила.
Одъ малога села Петровича
Прискочило тридесетъ Петровича
А предъ нѣма Перовичъ Станиша,
Тадъ Пиперѣ мушки кидисаше,
Рогамяни куле отворише
И изъ села Турке почераше.
Одъ бѣле куле Ненадича
До бѣле Навакове куле
Четрнаестъ глава посѣкаше;
Те низъ гору почераше Турке
Угнаше ихъ у воду Морачу.
Пребѣжаше на загоричъ Турцы
А Пипери шемлукъ учинише;
Са бѣгега рѣке Мораче
Ал' дозива Ненадичу Джуро,
Са бѣгега рѣке Мораче,
Онъ дозвѣлъ Агу Хасанъ Агу:
Обрати се Аго Хасанъ Аго,
Обрати се те ми право кажи,
Како тѣе на Рогаме было
Есамъ ли те люцки дочекао,
Како самъ ти ютросъ обечао
И кажи ми, качешъ опетъ дочи,

еще сильнѣе ударили на нихъ и погнали изъ села. Въ это время пришла третья помощь изъ небольшого села Петровича подъ предводительствомъ Станиши. Тогда Пиперы сильно ударили, Рогамяне вышли изъ засадъ и погнали Турокъ изъ села; отъ бѣлой избы Ненадича до избы Новака, отрубили четырнадцать головъ; погнали Турокъ подъ гору къ рѣкѣ Морачѣ, черезъ которую и переправились Турки, Пиперы же сдѣлали привалъ. Съ берега рѣки Морачи Ненадичъ Джуро говорилъ Хасанъ-Аге: обратись Асатъ-Ага и скажи по правдѣ, каково тебѣ было на Рогаме; такъ ли хорошо я тебя встрѣтилъ, какъ обѣщалъ по утру и скажи мнѣ, когда собираешься придти опять, чтобы я приго-

Да приправлямъ ручакъ Арбаній,
Болъ чу те опетъ дочекатї.
Но изъ воиске Ага проговара :
Богъ те убио, Ненадичу Джуро,
Како си ми ютросъ дочекао ;
Ни кадъ ти се повратити нечу
Ти си мене ютросъ нагрдіо
И мое си очи извадіо,
Триста си ми изгубіо друга,
Све бирану момчалъ Арбанаску;
За прними ютросъ Арбанію.

товилъ угощеніе Албанцамъ, хочу тебя еще лучше встрѣтить.
Но изъ войска отвѣчалъ Ага : чтобъ убилъ тебя Богъ, Ненадичъ
Джуро, такъ ты встрѣтилъ меня сегодня. Ты меня сегодня награ-
дилъ, выкололъ мнѣ глаза, триста погубилъ у меня воиновъ, из-
бранныхъ Албанскихъ юношей, осрамилъ сегодня моихъ Албан-
цевъ.

II.

Пѣсня о битвѣ при селѣ Марты- ничихъ.

Закукала црна кукавица
На средѣ тврда скадра на бояну,
Де су многе досадъ закукале
Одъ србачке руке и оружья,
А кадъ кука невеселила се
Башъ кадъ ѿи е вакатъ и вріеме
О несречномъ дану Видовоме.
То небила Богъ зна кукавица,
Вечъ любовца бега Буташиѣ;
Кука млада есть ѿи за неволю
Ніе много доба ни времена
Одъ кадъ му е постала любовца,
Асада с црна кукавица.
Бегъ се спрема на Цареву войску
Спрема бега Паша Хасанъ Паша,

Закуковала черная кукушка въ срединѣ Скутари на Боянѣ (рѣка), гдѣ много ихъ закуковало отъ Сербскихъ рукъ и оружія, и закуковало не во время, какъ въ день несчастный Св. Вита (день битвы при Косовѣ). Но то не была кукушка, а жена Бей Бушатлія, плачетъ молодая, не долго была она въ замужствѣ, а теперь уже черная кукушка. Бей пошелъ въ Царево войско, его

Спрема нѣга съ войскомъ на Брчане
 И даде му войске шесть хилѣда,
 Арбанаса, убоиника люта,
 Безъкучника и безъобразника,
 Одъ зла оца а одъ горе майке,
 Кои нема куче, ни баштине
 До упоясъ свѣтло оружъ,
 И нарамо брешке и латинке.
 Юштъ му даде войску одъ низама,
 А низама четири табора
 И даде му хазну и захиру,
 И топове, одъ боя громове;
 Дивно Паша Бега сътоваше:
 Бечиръ беже, мои вѣрни витеже
 Хайде мудро, не погини лудо,
 Сачувай се одъ душманске руке,
 Одъ Србина Турскогъ душманина;
 Хайде съ войскомъ варошъ Подгорицы,
 Тучешъ еданъ конакъ учинити
 Успутъ узми листомъ Подгорицу
 И пѣзине обколине люте,
 Съ войскомъ хайде спужу крвавоме
 Тучешъ око съ войскомъ учинити;
 Па отоленъ удри на Брчане,

послалъ Асанъ-Ага съ войскомъ на Бердчанъ, далъ ему 6000 человекъ Албанцевъ, храбрыхъ воиновъ, бездомниковъ и безобразниковъ, отъ злаго отца и горемычной матери, которые не имѣли ни избъ ни полей, только оружіе при поясѣ, да ружье въ рукахъ. Далъ ему изъ Низама 4 полка, и далъ денегъ, и припасовъ, и пушекъ, военныхъ громовъ. Хорошо снарядилъ его Паша. Бечиръ Бей мой вѣрный витязъ, ступай мудро, не погибни глупо, берегись отъ руки враговъ, отъ Сербовъ, враговъ Туркамъ, поди съ войскомъ въ Подпорицу, возьми весь гарнизонъ и ея окрестныхъ жителей; потомъ ступай къ кровавому Спужу, тамъ оставишь лагерь и оттуда ударишь на Берду, пожжешь по-

Попалише села по дженару,
 А посъще брдске краичнике,
 А пороби роблъ по краини.
 Зароби ми младіехъ влахиня,
 Те су згодне за харема мога;
 Добро, Беже. знадешъ Бечиръ Беже,
 Я самъ турчинъ на све хашйтліе
 А найвише на младе влахине
 Доведи ихъ Скадру біеломе
 И іоптъ за е Паша сътовао:
 Бечиръ беже, мой соколе сиви,
 Када кченешъ съ войскомъ ударити
 Ударити на влашку краину,
 Да ти сатрешъ на денаръ краину
 Одъ Жабляка до тверде Фундине,
 Напріедъ пусти Малесію люту,
 За ньомъ стави низамъ у парадѣ,
 Солдатію све удуге врете,
 Да су тврде плечй Арбаній;
 За низамомъ убоине топове,
 И се шньима зиле и боріе
 И добоше, што замечу кавгу
 Одъ страшльивца те гради юнаке.
 Бегъ се Паша поклонію дивно,
 Фала Пашо мили Господару
 Я чу тебъ дивно послушати,

граничныя села, захватишь добычу въ Крайнѣ, возьмешь для
 моего гарема молодыхъ Влахинъ: они годятся для моего гарема;
 ты знаешь самъ Бечиръ Бей, чего я хочу, а особенно молодыхъ
 Влахинъ, приведи ихъ въ бѣлый Скутари. И сверхъ того Паша
 ему совѣтовалъ: когда ты ударишь на Краину, отъ Жабляка до
 Фундане, то поставъ впередъ Мелесію (Албан. племя) за ними
 Низамъ въ порядкѣ, за Низамомъ пушки, за ними музыкантовъ
 и барабаны, начинающіе сраженіе. Тогда Бей поклонился Пашѣ:
 Хвала тебѣ милый государь, я исполню твою волю и послужу,

Юшь болъ поса оправити
 Попали чу каурске краине
 И посечи влашке краичнике,
 А поробить роблъ по дженару,
 Напунити гаремъ влахиняма,
 Девоякомъ и младомъ невѣстомъ.
 То е желя одъ мога роденя,
 Шестъ Паша самъ до садъ престояо
 У біелу скадру на бояну,
 Свакоегъ самъ по реду молю
 Да ми даде войску и захиру,
 Да ударимъ шньоме на Брчане,
 Неби ли ми Богъ исреча дала,
 Да осветимъ главу Везинову,
 Мога стрица Махмута Везира,
 Кога су ми они погубили
 И затрли хоцакъ Бушатлича.
 А ти ми е даде безъ ріечи,
 Фала тебе и господству твоемъ!
 Пасе Пашіі поклонію дивно,
 Па окрену силновиту войску,
 На везе е на блато шіроко
 А изъ везе полючморскому,
 А отоле Варошъ Подгорицу
 Ту е съ войскомъ конакъ учиніо

тебѣ хорошо, пожгу Влашскія стороны, порублю краичниковъ, ограблю имущества пограничанъ, и наполню гаремъ твой Влахиняма, молодыми дѣвицами; я только того и желаю съ моего рожденія, 6 пашей было въ Скутари и каждого я умолялъ, чтобы дали мнѣ войска и запасовъ и послали на Берду, чтобы могъ я отмстить голову моего дяди Махмута Везира, котораго они у меня погубили и тѣмъ загасили очагъ рода Бушатліевъ, ты же даешь мнѣ безъ просьбы. Потомъ поклонился Пашѣ и двинулъ сильное войско по Скутарскому озеру, потомъ берегомъ въ крѣпость Подгорицу, и тамъ остановился съ войскомъ. На другой день утромъ взялъ съ собою Подгоричанъ и окрестныхъ жите-

Алъ у ютру рано подранію,
 Собомъ узе варошъ Нодгорицу,
 И нѣзине обколине люте.
 Па отолень окренуо съ войскомъ,
 Съ войскомъ паде спужу кравоме.
 Ту е съ войскомъ око учиніо
 И ту сдаде за неделю дана,
 Сваки данакъ пуштаваше войску
 На Пипере и Мартиниче,
 Ал' се лако недаю Брчани;
 Но се бране храбро и витежки,
 Особљено храбри Мартиничи
 И стіена, крвава краина.
 Сваки данъ бой огнѣни бію,
 Сваки данакъ а све безъ престанка,
 Ніе шала, драги побратиме,
 У стіену и у Мартиниче;
 Има броемъ педесетъ юнака
 Штое мртва и штое ранѣна,
 Све бирана лахца и момчета,
 Безъ остале брцке покраине.
 Кадъ неделя напунисе дана
 Одно ютро бѣше уранію,
 Уранію Беже Бушатліе,
 Преде зоре и біела данка
 Те пустію у войску Телара:
 Кое пѣшацъ притеже опанке

лей и двинулся къ кровавому Спужу и тамъ остановился. Тутъ пробылъ недѣлю, ежедневно посылая отряды на Пиперовъ и на Мартиничей: но не легко поддаются Берчане, они храбро защищаются и особенно Мартиничи и Стіена, кровавое село. Бьются ежедневно, непрерывно; и не много ихъ въ Мартиничахъ, всего 50 человѣкъ, кромѣ мертвыхъ и раненыхъ, но все отборные легкіе бойцы, кромѣ другихъ Бердскихъ пограничанъ. Когда прошла недѣля, въ одно утро рано всталъ Бей Бушателья прежде зори, пустилъ глашатая въ войско: обувайтесь пѣхотинцы,

А коньице конъ хазураите.
 Баряктари баряке развите,
 Ерѣ хочемо ютрость ударити
 Ударити на влашку краину,
 Да сотremo на денарѣ краине.
 Пахиташе пѣшци и кониѣци
 Посрѣди пушке дофатише.
 Ту ми Беже разредуе войску
 Едну даде хоту хасанѣ-Аги
 Булюмбаши одѣ все малесіе,
 Двѣ хиліаде малисора люта
 И даде му Кекича Спахію
 И нѣгову войску сву колику;
 Да онѣ удри на село Ястребу.
 Другу войску бѣше оставію
 Оставію низамѣ упараду
 По брѣгу ріеке сушице,
 Солдатію све у дуге версте;
 Да су тврде плечи Арбаній
 За низамомѣ убоине толове,
 А са снима зиле и боріе
 И добеше што замечу ковгу
 Одѣ страшливца те граде юнака.
 Ал' Бегѣ силну окрену войску
 Съ нѣомѣ окрену путѣ села Косіича.
 Великае сила у Турчина!

на коней конники, знаменосцы развѣйте знамена, сегодня ударимъ на Влашскую Краину и ее разгромимъ; когда приготовились и конница и пѣхота взяли ружья, тогда Бей раздѣлилъ войско. Одну часть далъ Хоту Мелесію, двѣ тысячи бойцовъ и отдалъ ему Спахія съ его войскомъ и велѣлъ ударить на село Ястребы. Другое войско, Низамъ поставилъ въ парадѣ по берегу Сушицы, солдатъ вышиною въ версту, чтобы подкрѣпляли Албанцевъ, за Низамомъ поставилъ пушки и за ними музыкантовъ. Двинулъ Бей войско на село Косичъ; велика сила у Турковъ, всѣ поля по-

Сие е поле воиска уфатила
 Одъ ріеке зете до Сушице,
 Конь до коня , юнакъ до юнака ,
 Надъ нѣма се вѣяху баяцы
 Како лѣтни по небу облацы.
 Еданакъ су воиске ударило ,
 Кадъ Бегова на село Косича ,
 Тадъ Агина на село Ястреба
 У махъ воиска бѣше попалила ,
 Попалила чобанске стайнице ;
 Али села опалить немогу ,
 Еръ селяни села недаваху ,
 Вечъ утврде пали метеризе ,
 Бране села огньмъ изъ пушакъ .
 Ал' е мука я неволя люта :
 Арбанаси люти на ернули
 Жельни глава , а жельни оружя ,
 Жельни плячке , а жельни пліена
 И , Богъ знаде , одолѣти даху ,
 И ту доста яда учинити ;
 Него мала помочъ прискочила ,
 Помочъ мала , ма среча велика
 Прискочило тридестъ Браіювича ,
 Све воиника , еднакого лика .
 И со стране они ударише
 На Хасана одъ хота главара ,
 На спахию и нѣову воиску

крыли отъ рѣки Зеты до Сушицы, все конь къ коню, юнакъ къ юнаку, надъ ними вѣють знамена, какъ облака. Въ одно время ударили войска, Бей на Косичъ, а Гасанъ на Ястребы, вдругъ пожгли всѣ пастушескія избы, но села сжечь не могутъ, потому что жители защищаютъ пушками и ружейными выстрѣлами; но бѣда: жестокіе Албанцы нахлынули, жадные головъ и оружія, денегъ и плѣна и Богъ знаетъ одолѣютъ ли, но много сдѣлали зла. Но вотъ пришла небольшая помощь, 30 Браевичей все воины одинъ какъ другой, съ боку ударили на Гасана и Спахию и ихъ

Препадѣ се Ага-Хасанъ Ага,
 Мяше Ага дае помочъ виша.
 Да приспѣше листомъ краичници,
 Плечи даде а бѣжати стаде,
 А за нѣма сва нѣова воиска
 Издадоше Бега бушатлію,
 Издадоше, црнѣ имѣ образѣ біо.
 Ат' небѣжи Беже бушатлія,
 Ни нѣгова люта Арбаніе;
 Но уриша беже безѣ престанка,
 Да попали села по крайни,
 Како што се Паши зафалио.
 Уто друга помочѣ прискочила,
 Одѣ малоче села Чуріюца,
 Загарчави и по край водани
 И ла-кичи люти убойници,
 Съ лечеше се триста крайчника
 И на Бега сложно ударише.
 Бой се біе, а гину юнаци.
 Пала тама косовіемѣ лугомѣ
 Одѣ брзога праха и олова.
 Одѣ стайница те пождиша Турцы.
 Стои виска, убой Крайчника,
 Чераю се воиске по мейдану
 Двасахата, тамо и овамо,
 Кадѣ утречи сахатѣ ульгоше

войско, смутился Ага, думая, что ихъ болѣе, что собрались все пограничане, обернулся и пустился бѣжать, за нимѣ Спахія и все ихъ войско, выдали безчестные Буматлію. Но не бѣжитѣ Буматлія съ своими Албанцами, а нападаетѣ на границы, чтобы пожечь села, какѣ обѣщалѣ Пашѣ. Въ это время подоспѣла другая помощь изѣ небольшого села Чуріюца съ Загорчанами и Лакичи славные воины, сошлось 300 человекѣ и на Бея дружно ударили. Бой идетѣ и падаютѣ храбрые, упала тѣма Косовымѣ лугомѣ отѣ частыхѣ выстрѣловѣ, отѣ Стайницы подвинули Турокѣ, идетѣ гуль, дерутся два часа. Въ третій часѣ Сербы при-

Тадаръ срби, Бога споменуше,
А на Турке огань наложише,
Ту се проли крвца одъ юнака
Како бурна киша изъ облака,
Но сіева крвъ се проліева
Стои ека мртва и ранена
Нека віели ему майко,
Нека куну Пашу Хасанъ Пашу
А о Паша яда допануо,
Што насъ посла на люте брчане
Сатріеше твою Арбанію.
Турцы вуку мртве и ранѣне
Путъ крвавогъ Спужа на краину,
Алѣ брчани свое негледаю
Вечѣ еднако босмъ уришаю,
Съ ножевїма у біеле руке.
Ту искочи момче изъ брчана,
Мирко Токовъ одъ села Лакича,
И уфати живога Турчина
Диздаревичъ Бега Насуль Бега,
Подъ пусатомъ и свїемъ оружїмъ
И Бегову осѣче главу.
Бѣлонавличъ разагови Турке,
Како вуци уплашене овце
И нагнаше Бега бушатлію,
Око Бега сто и тридесетъ друга;

звали въ помощь Бога и начали стрелять въ Турокъ. Тутъ полилась кровь храбрыхъ, какъ дождь изъ облаковъ, много мертвыхъ и раненыхъ: будутъ матери поминать Агу, зачѣмъ пошелъ на Бердчанъ, погубилъ своихъ Албанцевъ. Турки уносятъ мертвыхъ и раненыхъ къ Спужу, но Берчане не заботятся о своихъ и все нападаютъ съ ножами въ рукахъ. Въ это время вышелъ изъ Берчанъ юноша Мирко и схватилъ Турка Бея Насула, который былъ на конѣ и съ оружіемъ, и отрубилъ ему голову. Вѣлонавличы погнали Турокъ, какъ волки струсившихъ овецъ и до-

На обали Зете васовите
 Дочекаше ядни Мартиничи,
 Съ оне стране студене ріеке
 И на Турке огань оборише
 Съ ове Стране люти краичници
 Съ пожіема у біеле руке,
 Мечу Туркъ загонъ учинише.
 Ту ми друго момче искочило
 А на име Груичинъ Кезуне,
 И уфати Бега Бушатлію
 На витеза хата подъ оружѣмъ,
 Тако Кезу Богъ и среча дала,
 Те му Бего ране не удари,
 А онъ Бегу главу оськао.
 Друго момче хата дебелога,
 Трече момче свѣтло оружъ.
 Па ми трече момче искочило,
 Одъ малога братства Калезича,
 А на име Радовичъ Новица.
 А каковъ е, весела му майка!
 На устница нема ни бркова
 Іоштъ му нема ни шестнаестъ лѣта
 Велю пушку убои неповію,
 Него одну малу уноясу.
 Онъ на люту змію нагазію,
 На Турчина Малича Чехая,

гнали Бушатлію на бѣрегу Зеты, съ одного берега приспѣли Мартиничи и стрѣляли на Турокъ, съ другаго лютые краичники напали на нихъ съ ножами. Тутъ выскочилъ другой юноша Кесуне и схватилъ Бушатлію на воинскомъ конѣ и вооруженнаго, и счастливъ былъ, Бей его не ранилъ и онъ отрубилъ ему голову, другой юноша увелъ его коня, третій унесъ его оружіе. И третій выскочилъ юноша—Радовичъ Новица и каковъ онъ! веселится его мать, на устахъ нѣтъ еще усомъ, ему только 16 лѣтъ, большаго ружья не могъ взять и былъ съ однимъ пистолетомъ; онъ

Булюмбашу одъ све Тосканіе,
Кои се е потежіо курва
И довео Тосканію люту,
Да потире Србске по краини.
Онъ Турчйну загонъ учиніо,
Нога Маличъ сабљомъ дочекао,
Ал' се момче листо намърило
Увиму се подъ конѣмъ витезомъ,
Те му турчинъ непомъче главу,
Сйну момче како змія люта
Уграби му и засабль руку
И низъ хата нагнуо Чехая
А упири свою пушку малу
И малича погоду дивно,
Саломи му чело подъ сарукомъ.
Паде маличъ съ вранца дебелога,
Новица му сабљу уграбіо
И шньомъ му е главу окинуо.
Краичвицы, соколови сиви
Ту педесетъ глава посъкоше
Осамдесетъ остали Турака
У ріеку зету поскакаше;
Уто стаса Денаръ и Краина
Стаса побро хиляда момчади
Одъ племена Бѣлопавлицкога

напагъ на лютую змію, на Чехая Булюмбашу всей Тосканіи, что привелъ Тосковъ на Сербскія границы. Онъ напагъ на Турка, но тотъ хотѣлъ ударить его саблею, юноша ушелъ подъ коня и Турокъ не отрубилъ ему головы, а онъ схватилъ его за руку и пригнулъ къ землѣ и выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и попалъ прямо въ лобъ; упалъ Чехай съ коня, а Новица отрубилъ ему его же саблею голову. Краичники сизые соколы порубили много Турецкихъ головъ, а другихъ вогнали въ Зету. Въ это время еще пришли 1000 человекъ изъ Бѣлопавличей въ помощь, но уже напрасно, ибо Турки побѣжали и затворились въ Спужъ,

Дотрчаше брачи у помочи,
Ал' за фаиду драги побратиме,
Ере бѣху Турцы побѣгнули
И у Спужъ се тврди затворили.
А они се патрагъ повратиме,
Искичени Турскіемъ главама
И многіемъ Турскіемъ оружьемъ,
Ту се стаса помогъ а войници
На едносе мѣсто окупише,
Из' три пута шемлукъ учинише,
Па погибшу брачу укопаше.
Главе Турске носе на Цетинъ,
Те Цетинъ снѣима окитише,
Ал' витези даре задобише
За нѣову храбрость и юнаштво,
Задобише одъ срме медала.
Тое дика у свѣтъ воиника,
Нека носе нека се поносе
Ерѣ су они крѣло одъ краине
Одъ краине крвлю обливене.

и они воротились назадъ, украшенные Турецкими головами и оружіемъ. Тутъ собрались всѣ воины въ одно мѣсто, три раза выстрѣлили вмѣстѣ и похоронили своихъ убитыхъ. Турецкія головы понесли въ Цетинъ, и Цетинъ ими украсили, и за то получили подарки за ихъ храбрость, серебряные медали, чтобы носить ихъ и величаться, ибо они крыло Краины, Краины облитой кровью.

III.

Пѣсня о битвѣ при Морачѣ.

Ситанъ ферманъ одъ Стамбола поде ,
Оде ферманъ одъ града до града ,
Доде ферманъ на Босну Везиру:
О Везире, моя върна слуго,
Ето самъ ти ферманъ оправію ,
Цару зевка, нема ни узура,
Дакъ Морача съди у каура.
Воиску купи хайде на Морачу,
Купи воиске колико ти драго,
А не жали хазну, ни захиру.
А кадъ Везиръ ферманъ проучію
Онда Везиръ диванъ покупію
А у диванъ пустію теларе :
А нема ли каква сераскира
Дачу воиске тридесетъ хиляда,

Мѣлко писанный Фирманъ пошелъ отъ Стамбула , шелъ изъ города въ городъ , пришелъ въ Боснію къ Визирю. О Визирь, мой вѣрный слуга, самъ я отправилъ къ тебѣ фирманъ, Царю нѣтъ покоя и радости, пока Морача принадлежитъ Гяурамъ. Собери войско иди на Морачу, совокупи войска сколько хочешь не жалѣй денегъ и припасавъ. Когда Везиръ получилъ фирманъ, тогда собралъ диванъ и выпустилъ глашатая. Не найдется ли Сераскира, я дамъ ему 30 тысячъ войска и дамъ ему денегъ и припасовъ,

И да чу му хазну и захиру.
 Да онъ иде на Морачу съ войскомъ.
 Докъ изиде Царевъ Делибаша,
 Те Везиру полюбіо руку,
 Те Везиру приватіо войску
 И прими му хазну и захиру.
 У ріечи, у коіой су были,
 Докъ ево ти два дробнячка кнеза:
 Те Везиру полюбише руку,
 Ліено ихъ Везиръ дочекао,
 Освачему егленъ заметнули
 А найвыше зборе за Морачу;
 Ал' му веле два дробнячка кнеза:
 Господаре Босанскій Везиру,
 Што че войске трийдесетъ хпяда,
 Текъ да тропишъ хазну и захиру
 И да прштишъ раю сиротиню,
 Дай намъ войске дванаестъ хпяда
 И дай нама стотину делія
 И предъ нѣма царевъ Делибашу.
 Кунемъ ти се а вѣру ти давамъ
 Морачучу влашку приватити;
 То Везиру врло мило было;
 Даде войске дванаестъ хпяда

чтобы шелъ онъ на Морачу съ войскомъ. Тогда вышелъ Царевъ Дели-Паша, онъ поцѣловалъ руку Визирю, взялъ у него войско, и деньги и припасы. Но когда они говорили пришли Дробряцкіе князья, тоже поцѣловали Визирю руку, ихъ ласково встрѣтилъ Визиръ, обо всемъ поговорили, а наиболѣе говорили о Марачѣ. Тогда говорятъ ему два Дробряцкіе князья: господинъ Боснійскій Визиръ, зачѣмъ даешь 30 тысячъ войска, только тратишь казну и припасы и бѣднишь раясовъ сиротъ. Дай намъ войска 12 тысячъ и дай сотню деліевъ, подъ предводительствомъ Царскаго Дели-Паши, мы клянемся и обѣщаемъ тебѣ завоевать влашскую Морачу. Это понравилось очень Визирю, онъ далъ имъ войска 12 тысячъ и сто деліевъ, подъ предводительствомъ

И даде имъ стотину деліа
И предъ нѣма царевъ Делибашу,
И одоше на Вранѣше съ войскомъ.
Ту су были три біела дана,
Кадъ четврто ютро освануло,
Па се Царевъ делибаша шета,
Поредъ нѣга два дробнячка кнеза,
Делибаша сътно невесело
Питаю га два кнеза дробнячка :
Господару царевъ делибаша
А што си намъ сътно невесело ,
Али ти е не уволю войска,
Али ти се драгій препануо
Е Морачу нечешъ приватити ;
Кунемъ ти се, а вѣру ти давамъ
Морачу чешъ влашку напунити
Калчинама и опалчинама,
Акамо ли нечешъ приватити ;
Богъ васъ клео, два кнеза Дробнячка ,
Овде войске за Морачу нема;
Па се Турчинъ подъ шаторомъ врати,
Па онъ ситне кнѣиге расписуе ,
Найпрвуге кнѣигу одиравѣ
У Сѣницу и новомъ Базару,

Царскаго Дели-Паши и далъ имъ денегъ и запасовъ, и пошли они на Вранеше съ войскомъ, тутъ пробыли три бѣлыхъ дня. Когда разсвѣтало четвертое утро, въ смущеніи ходилъ Царевъ Дели-Паша, съ нимъ Дробняцкіе князья и они его спрашивали: Господарь Царевъ Дели-Паша, отъ чего ты такъ сильно грустенъ; развѣ у тебя мало войска, или ты испугался и не думаешь завоевать Морачу; клянemся тебѣ и обѣщаемъ, что Морачу ты можешь наполнить обувью твоихъ воиновъ, не только завоевать. Что вы Дробняцкіе князья, нѣтъ у меня достаточно войска для Морачи. Тогда Турокъ пошелъ въ шатеръ и написалъ мѣлкія письма; первое письмо отправилъ въ Новый Базаръ и Сѣницу и

А ту Турске два сердара кажу :
 Чуйте Турцы, нѣму брача драга,
 Де одъ цара ферманъ допануо,
 Цару зевка нема, ни узур
 Докъ Морача сѣди у каура,
 Робе буле а сіеку Турке,
 Вечъ су цару даве доядиле.
 Те е на нѣихъ ферманъ истуріо,
 Купте войску хайте на Вранѣше
 На Вранѣше на полъ широко
 А другу е кнѣигу оправіо
 Пріеполіу и бѣломе полю,
 И ту Турска два сердара кажу,
 И нѣима е селамъ оправіо :
 Чуйте Турцы, нѣму брачо драга,
 Естелъ чули, естелъ разумѣли.
 Де одъ цара ферманъ допануо,
 Цару нема зевка, ни узур
 Докъ Морача сѣди у каура,
 Робе буле а сіеку Турке,
 А цару су даве досадили.
 Па и тречу кнѣигу оправіо
 У Таслицу и у Фочу равну,
 И ту Турска два сердара кажу,
 И нѣима е селамъ оправіо :
 Чуйте Турцы, нѣму брача драга,

говорилъ тамошнимъ двумъ Сердарямъ: слушайте дорогіе братья
 Турки, отъ Царя пришелъ Фирманъ, ему нѣтъ покоя и удоволь-
 ствія пока Морача въ рукахъ Гяуровъ, они берутъ въ плѣнъ
 женщинъ и рубятъ Турокъ и давно ему надобли. Теперь онъ
 прислалъ противъ нихъ фирманъ, собирайте войско выходите
 на Вранѣше на Вранѣше, широкое поле; а другое письмо отпра-
 вѣ Пріеполь и Бѣлополье и такъ двумъ Турецкимъ Сердарямъ
 писалъ, посылая поклонъ: слушайте братья Турки, слышали ли
 вы, что пришелъ фирманъ отъ Царя. ему нѣтъ покоя и проч.
 потомъ третье написалъ письмо въ Таслицу и дольную Фочу и

Естелъ чули, естелъ разумѣли
Де одъ цара ферманъ допануо,
Цару нема зевка, ни узур
Докъ Морача съди у каура,
Робе буле, а сіеку Турке,
А цару су даве досадили.
Купте войску хайте на Вранѣше,
На Вранѣше на полъ широко,
А ту Турцы да се состанемо.
А четврту кнѣгу оправіо
Гацку равномъ и Требиню маломъ,
И у кнѣгу селамъ оправіо,
Кркъ сердару съ Гацка Смаиль-Аги:
Есилъ чуо, есилъ разумѣо,
Де одъ Цара ферманъ допануо,
Цару нема зевка, ни узур
Докъ Морача съди у каура;
Купи войску хайде на Вранѣше,
На Вранѣше на полъ широко,
Ту сердаре да се состанемо
И мечу се егленъ сотворимо
Како чемо удритъ на Морачу.
Па е пету кнѣгу оправіо
У Никшиче Османъ—Капетану:
Есилъ чуо есилъ разумѣо
Доде ферманъ одъ Цара нашего,
Да се съ войскомъ иде на Морачу

такъ двумъ Турецкимъ Сердарямъ говорилъ и проч. приходите Турки на широкое поле Вранѣше, тамъ мы соединимся. И четвертое письмо отправилъ въ дальнюю Гацко и малый Требинъ и въ письмѣ писалъ поклонъ и проч. На Вранѣше мы Сердари соединимся и посовѣтуемся какъ ударить на Морачу. Пятое письмо написалъ въ Никшичи къ Османъ Канитану: знаешь ли, что отъ Царя пришелъ фирманъ и проч. Когда совокупилаь Турецкая сила, на Вранѣше, на широкомъ полѣ,—но какова же сила у Ту-

Цару нема зевка ни узура
 Докъ Морача съди у Каура,
 Войску купи хайде на Вранѣше,
 На Вранѣше на полъ широко,
 А ту Турцы да се состанемо.
 Кадъ се сила Турска окупила
 На Вранѣше на полъ широко, —
 Ал' каква е сила у Турчина
 Свактъ би река, а би се порека,
 Да би едногъ краля прифатила,
 А камо ли да небѣ Морачу.
 А Морачу неяку краину, —
 Уто Теларъ у войску викнуо :
 Баряктари узмите баряке
 А првенци на конѣ яшите,
 Да идемо у Дробняке съ войскомъ,
 У дробняке на широке луке,
 Да Ускоке прво разоримо
 И нѣово рѣблѣ поробимо.
 Сва е войска на нозе скочила,
 Пояхали хаге и парипе.
 Хайдудима добра срѣча была,
 Хайдучка се чета намѣрила
 У кривомъ граду Колашину,
 Те е Турску войску опазила,
 Похиташе и днѣни и нѣчи,

рокъ, всякій бы сказалъ, а я бы и поручился, что возьмѣтъ въ плѣнь какого нибудь короля, не только завоюетъ Морачу, не-
 большое мѣстечко, — тогда глашатай крикнетъ войску: знамено-
 носцы возьмите знамена, а первенцы садитесь на коней, чтобы
 идти на Дробняковъ съ войскомъ, на широкую равнину. сначала
 разорить Ускоковъ и ихъ покорить семейства. Все войско вско-
 чило на ноги, поѣхала конница, но Ускокамъ пощастливилось, ихъ
 чѣты были у кроваваго города Колашина, они замѣтили Турецкое
 войско. Когда ускоки услышали объ этомъ они сильно смутились,
 хватили пестрыя пушки и пошли не оглядываясь на женъ, а за ни-

Додадоше хаберь хайдуцыма.
 Кадъ хайдуке хаберь допануо,
 Колико се боланъ препанули,
 Шарене ти пушке дофатише
 На свое се необрачу любе,
 А за нѣма гологлаве любе,
 За майкама боса деца пиште,
 Тако нѣма Богъ и среча даде
 Уведоше робъ у Морачу.
 У Тушину удариша Турцы,
 У Тушину на широке луке,
 Те хайдучке куче похараше,
 Похараше па ихъ попалише
 И то Турцы таборъ учинише,
 Делибаша на біелу кулу,
 Башъ на кулу попа Милутина
 И кодъ нѣга сви Турски Сердари.
 Текъ што съли, зулумъ учинили,
 Робъ робъ, а сіеку главе,
 Кое даю Цареве хараче, —
 Не познае кому се предае.
 У те би смѣ лде опростили,
 Него робе хайдучке невѣсте,
 Те ихъ Турчи Турчинъ на намазу
 И узима за вѣрене любе,
 Те му лде опростить немогу,

ми простоволосыя жены, за матерями босоногіе плакали дѣти. Такъ было угодно Богу, Турки плѣнили Морачу и ударили на Тушинъ, но широкія луга, пожгли Ускоцьскіе избы и остановились лагеремъ. Дели-Паша въ бѣлой избѣ попа Милутина и вокругъ него всѣ Турецкіе Сердари, только что остановились, здѣлали зло, стали грабить и рубить головы, за которые имъ платятъ; это мы простили бы имъ, но брали въ плѣнъ женщинъ; ихъ турчатъ Турокъ на молитвѣ и беретъ въ жены. Этого нельзя имъ простить. Въ этомъ много бѣды Туркамъ. Войско увидала съ горы Явора стража, которая оберегала Морачу отъ Турокъ,

Ту несрече доста за Турака.
 Виде войску са Явора стража,
 Што Морачу одъ Турака чува,
 Па потрча стрмо низъ планину
 Докле доде Міяту Сердару;
 Свему каже што е по истини,
 А кадъ чуо Міяте Сердаре
 Онъ дозива Якшу Капитана:
 Садъ што чемо Якша Побратиме,
 Ево на насъ силовита воиска!
 Доброчемо Міяте Сердаре,
 Ми хайдемо ломнои гори Црнои,
 Уз' кољно нашемъ Господару,
 Да писнемо, како змје люте,
 Да намъ даде люту Брчанію,
 Да съ Турчиномъ крвцу проліємо.
 Како рекли, тако учинѣли
 И шарене пушке дофатили,
 Брзо пошли, како соколови,
 А іоштъ брже на Цетинъ дошли;
 Уз' кољно свога Господара
 Заплакаше два србеки сокола,
 Заплакаше како змје люте,
 Ал' Владыка нѣма говоріо:
 Не плачите, двіе вѣрне слуге,
 Ячу вама индѣть оправити,

побѣжала подъ гору, къ Сердарю Міяту и все рассказала ему по правдѣ. Когда услышалъ Міятъ, онъ позвалъ Якшу, капитана: что намъ дѣлать побратимъ Якша, на насъ напало сильное войско? Надо, Міятъ идти намъ въ Черную гору, заплачемъ, какъ лютые змѣи, на колѣняхъ стоя передъ Господаремъ, чтобы далъ намъ храбрыхъ Бердчанъ, драться съ Турками. Какъ сказали, такъ и сдѣлали; скоро пошли, какъ соколы и еще скорѣе пришли въ Цетинъ. На колѣняхъ передъ Господаремъ заплакали, два Сербскихъ сокола, заплакали какъ лютые змѣи. Но Владыка имъ говорилъ: не плачьте мои вѣрные слуги, я пришлю вамъ помощь, мало войска, но хорошихъ бойцовъ, изъ страны отъ

Мало войске, люта убойника,
 Одъ Острога до крвава Спужа
 Да съ Турчиномъ крвцу проліете,
 Ради свете вѣре православне
 И свободѣ свога отачаства.
 Па Владыка на ноге скочио,
 Шаровите кнѣиге нажитіо.
 Едну посла селу Мартиничу
 А на руке Попу и Вуксану :
 Чуйте добро, двѣ вѣрне слуге,
 Ето Турске войске на Морачу
 Вечъ купите люте краичнике,
 Хайте брже съ войскомъ у Морачу
 Да съ Турчиномъ крвцу проліете
 Другу шалъ на Орнѣойзи луци
 А на име Марку Бошковичу :
 Чуешъ Марко, моя вѣрна слуго,
 Сердаръ се е разболѣо люто,
 Вечъ ти устай на ноге лагане
 Ето Турске войске на Морачу,
 Купи войску хайде у Морачу
 Да съ Турчиномъ крвцу проліете.
 Па е тречу кнѣигу одправіо
 У Острогу Игумну Джорджіи,
 Свако му унио нажитіо
 Топе пали, а куши Брчане,

Острога до кроваваго Спужа. чтобы драться вамъ съ Турками, за святую Православную вѣру и свободу своего отечества. Потомъ всталъ Владыка и написалъ письма, одно въ село Мартиничи на имя Попа и Вуксана : слушайте двое вѣрныхъ слугъ, Турки напали на Морачу, собирайте пограничныхъ жителей, идите скорѣе съ войскомъ въ Морачу драться съ Турками. Другое послалъ въ Орнѣозе, на имя Марка Бошковица : слушай Марко мой вѣрный слуга, Сердаръ сильно заболѣлъ, потому ты будь за него, Турки напали и проч. Третье письмо отправилъ въ Острогъ къ Игумену Георгію и такъ писалъ ему : пали изъ пушекъ и собира-

Ето Турске войске на Морачу,
Хайде съ войскомъ брже у Морачу
Да съ Турчиномъ крвцу проліете.
Па четврту кнѣигу одиравио
На Павію Мркою Сердару.
Чуй Мркое, крило одъ краине,
Ето Турске войске на Морачу,
Хайде съ войскомъ брже у Морачу
Да съ Турчиномъ крвцу проліете.
Кадъ Владыка кнѣиге нажитію,
Даде кнѣиге Якши и Міяту,
Отоленъ се они подигоше,
Поглавицамъ кнѣиге одніеше.
Поглавице кадъ кнѣиге примивше,
Са кнѣигама войску окупивше,
Путъ Мораче войску одведоше.
Предъ войскомъ одъ острога Бане
На нѣгова широка дорина,
А каковъ е одъ острога бане!
На раме ну везена шишана,
А обелри дуга гадарія,
А на раме джида обливена
А одъ понъ вукомъ обшивена,
На верхъ джиде одъ медеда глава.
Зинула е како да е жива.
А за баномъ друге поглавице,

Бердчанъ, Турки напали и пр. Потомъ четвертое письмо написалъ въ Павію Сердарю Мркое, слушаи Мркое, крыло у крайны Турки и проч. Когда Владыка написалъ письма, отдалъ ихъ Якшѣ и Міяту, они пошли оттуда и разнесли гларварямъ письма. Гларвари, прочитавъ письма, собрали войска и повели къ Морачѣ. Передъ войскомъ Острожскій Банъ, на его статномъ конѣ; а каковъ Острожскій Банъ, на немъ кольчатый панцыръ, съ боку длинная сабля, и обдѣланное мѣдью и обшитое волкомъ копые, а на копѣ медвежья голова зіяла, какъ живая. За Баномъ другіе Гларвари и за ними все войско; мало войска, тысяча ружей

А за нѣма войска сваколика,
 Мало войске хилѣда пушака,
 Но све брза и лака бойника
 Доде войска у Морачу тврду
 И три дана трая у Морачу,
 Кадъ четврто ютро освануло;
 Ту освену Пегакъ Турскій светаць,
 Кадъ с' небое Срби одъ Турака,
 Све се Сербске сакупили страже.
 Да сеире силновиту войску
 Докъ Морачу сунце огрѣяло.
 Огрѣяло па е засънило,
 Но се Мѣятъ яду осѣтио
 Тури очи узъ Морачке стране,
 Алъ плавину Турцы притиснули
 Све баряци, ка мрки облаци,
 Бойна копля, како гора црна,
 Него Мѣятъ дозива войводу:
 О войводи. Мино Радовичу,
 Ево на насъ ударише Турцы!
 А войвода грломъ подвикуе,
 Свакогѣ Кнеза и войводу
 И юнака што е одъ юнаштва:
 Ходте брачо, да се послушамо,
 Я васъ кумимъ Богомъ великіемъ,
 Да мы наше плечи окренемо

но все рѣзвые и легкіе войны. Пришло войско въ твердую Морачу и три дни стояло у Морачи; когда же насталъ четвертый день, четвергъ Турецкій праздникъ, когда Черногорцы не боялись нападеніи Турокъ, Сербскія совокупились стражисше до разсвѣта. Когда Морачу освѣтило солнце, освѣтило и потомъ скрылось. Мѣятъ смотрѣлъ въ гору и увидѣлъ, что Турки наполнили гору; все, знамена, какъ темныя облака и конья, какъ черная гора. Онъ позвалъ воеводу Радовича: смотри на насъ ударили Турки; а воевода склизалъ всѣхъ юнаковъ и князей и воеводъ, сходитесь братья и слушайте: заклинаю васъ Богомъ, обратимъ тылъ Тур-

А и наше кресташе баряке,
 То че видеть са планине Турцы
 Начераче хате и парипе,
 Коче више глава окинути;
 Коче више робъ заробити.
 Како рече, тако учинише
 И Турцыма плеча окренуше,
 А и наше кресташе баряке.
 То видеше одъ планине Турцы
 За Србима конъ начераше,
 До велика поля Драговича
 Ни би мертви, ни би ранѣника,
 Акадъ полю Драговича были
 Посѣкоше еднога юнака,
 По имени Крушовца Николу,
 Однеше Делибаши главу,
 Те имъ дава бакшичъ и челенке,
 И на полъ таборъ учинише.
 Докъ се примракъ магла замаглю,
 А одъ Ратнѣ и Морачѣ Донѣ,
 А изъ магле крупа пропадаше,
 А то примакъ магле небіаше,
 Вечъ то бѣше Поне и Вуксане
 У густоме диму одъ пушака;
 А то ситна крупа небіаше,
 Вече вруча зрна изъ пушака;

камъ и скрестимъ наши знамена; когда увидать это Турки съ горы, они пустятъ коней за нами, съ тѣмъ, чтобы другъ передъ другомъ отрубить болѣе нашихъ головъ и взять добычи. Какъ сказали такъ и сдѣлали, открыли тылъ Туркамъ и скрестили знамена. Увидѣвши это съ горы Турки пустились за Сербамъ. До поля Драговича, не было ни мертвыхъ, ни раненыхъ; но въ Драговическомъ полѣ они убили одного юнака, Пиколу Крушовца, отнесли его голову Делибашѣ и онъ далъ имъ за то денегъ и перья на тюбанъ. Въ полѣ они стояли до тѣхъ поръ, пока не затуманило отъ Ратне и дольной Морачѣ, а изъ тумана упала крупа; но то не былъ туманъ, а былъ пошъ и Вуксанъ въ

Ал' немогу Турке пошевути,
 Докъ истече даница звѣзда,
 Одъ звѣзде мунъ сѣваху
 И у Турску войску ударяху;
 То небъше даница звѣзда.
 Вечъ то бѣше Мина воевода
 Поредъ нѣга Міяте Сердаре,
 А то жива не сѣва муня,
 Него остра сабля Міятова.
 Ал' немогу Турке пошевути,
 Докъ одъ капе пукоше громови
 А у Турску войску ударише,
 То небъху небесни громови,
 Но то Бѣше одъ Острога бане
 Поредъ нѣга Мркое Сердаре,
 На Турску е ударише войску.
 Съ сваке стране привручи Турцыма,
 Турцы бѣжатъ плеча обрнуше,
 А Срби ихъ мужки почераше,
 Садно равна поля Драговича
 До біеле куле Драговича,
 Петъстотина глава окинуше,
 Петъстотина хата уграбише
 Одъ біеле куле Драговича

густомъ ружейномъ дыму; то не была крупа, но ружейныя пули. Однако не пошатнулись Турки до тѣхъ поръ, пока не взошла денница звѣзда, отъ звѣзды сыпались молніи и ударили въ Турецкое войско; но то не была денница звѣзда, а Мина воевода и съ нимъ Сердаръ Міятъ; то не блистала молнія, но острая сабля Міята; и они не могли пошатнуть Турокъ, до тѣхъ поръ, пока съ вершины не ударили громы и не разразились на Турецкое войско; то не были небесные громы. это Острожскій Банъ и съ нимъ Мркое Сердаръ ударили на Турецкое войско и окружили его со всѣхъ сторонъ. Турки побѣжали безъ оглядки, Сербы погнажи ихъ храбро; съ поля Драговича до дома Драговича 500 головъ отрубили, 500 коней отняли; отъ дома Драговича до мель-

До велике ступе Попадила,
Петъстотина глава посъкоше,
Петъстотина хата уграбише
А кадъ къ ступи Попадила были
Докъ долече крсташина орле,
Крстанъ орле великіе крила.
То небъше крсташина орле,
Но то бѣше Миконичу Марко.
Кодъ ступе е пресъкао Турке,
Па отолень почераше Турке
Одъ велике ступе Попадила
До лѣвшита села хайдучкого,
Петстотина глава посъкоше,
Петстотина хата уграбише
И примише узъ Рзачу Турке
Но де среча ту е и несреча,
Пуче бумба а пуче лубарда
Уби бумба Мркоя Сердара,
А лубарда Шушу Баряктара.
Србима се уморише руке
Сіекучи узъ Рзачу Турке.
Одъ Србаля мало ко погипе
Отъ Турака мало ко утече.
Богу хвала Срби задобише !

ницы Попадила 500 головъ отрубили, 500 отняли коней ; когда же были у мельницы, вылетелъ горный орелъ, широкія крылья ; но то не былъ горный орелъ, а Марко Миконичъ, онъ пересѣкъ дорогу Туркамъ ; оттуда опять погнали Турокъ до села Ускобскаго Левшита, еще 500 отрубили головъ и 500 отняли коней, прогнали Турокъ до Ржачи. Но гдѣ счастье тамъ и несчастье, гремитъ пушка и мартира, пушка убила Мркое Срдара, а мартира Шушу знаменоносца. У Сербовъ уморились руки, сѣкучи у Ржачи Турокъ ; изъ Сербовъ мало погигло, изъ Турокъ мало ушло ; славу Богу приобрѣли Сербы.

IV.

Пѣсня о битвѣ при Додоше.

Бѣла е покликнула Вила
Са врхъ везца брда високога,
Теръ кликуе у питому страну
У Рваше у село крваво,
А на име Лѣшевича Вука.
Почуй мене Лѣшевичу Вуче,
Ако піешъ у механу віно ,
На лютечи ране излазило ;
Ако лежишъ у постельи съ любовъ
Осталати люба удовица !
Устай море часа не почаси ,
Ево на васъ иде силна войска ,
А предъ войскомъ три Турска Сердара.
Едно ти е Ага Хасанъ-Ага ,
За нѣмъ воиске четири хиляде ,

Закричала бѣлая Вила съ вершины Везца высокой горы, и кричала въ благоустроенную область, въ село Рваше на имя Вука Лешевича: Услышь меня Лешевичъ Вукъ, если пьешъ въ корчмѣ вино, то чтобы оно отравило твои раны, если же спишъ съ женою, то чтобы осталась она вдовою! Вставай, не медли ни минуты, на васъ идетъ сильное войско, подъ предводительствомъ трехъ Турецкихъ Сердарей, одинъ изъ нихъ Асанъ Ага и съ нимъ четыре тысячи войска, все Албанцы, отборные молодцы ;

Арбанаса бирана Юнака,
А другое Мехмеде Спахія,
За Спахіомъ войске двѣ хиліаде,
Подгорице и Зете простране,
И шнѣмъ Грудѣ брдо убоито.
А трече е Мехмедъ Капетане,
Одъ кровавогъ Спужа на Краину,
За Мехмедомъ Хиліада Турака,
Башъ хиліада Влаха и Турака,
Силна се е войска окренула,
На Морачу брода препродила,
У Жабляку око учинила,
Сад' че удрить на село Додоше,
И Додоше огнемъ попалити,
А Додошко роблъ поробити.
Кадѣ Вуче разумѣо вилу,
Онъ латинку пушку дофатіо,
Па изтрча предъ біелу кулу,
Пушкомъ мече а изъ грла виче,
Те кликнуе Децу Рвашане
Рвашане и друге Жупляне
На ноге се соколови сиви,
Истинити гласы допадоше,
Е че на васъ Турцы ударити
Ударити на село Додоше,
Вечъ на ноге да ихъ дочекамо,

другой Мехмедъ Спахія, съ нимъ войска двѣ тысячи изъ Подгорицы и обширной Зеты и съ нимъ Грудѣ славный воинъ. Третій Мехмедъ капитанъ, изъ кроваваго пограничнаго Спужа, съ нимъ тысяча Турокъ. Сильное войско двинулось на Морачу, перешло въ Бродъ рѣку и у Жабляка остановилось. Отсюда они хотѣли ударить на Додоше и сжечь его; ограбить имущество Додосанъ. Когда Вукъ понялъ Вилу, онъ схватилъ свое ружье, выбѣжалъ изъ бѣлой избы. махаетъ ружьемъ и кричитъ, скликая Рвашанъ: Рвашане и другіе земляки, на ноги мои соколы, дошли вѣрные слухи, что хотятъ на насъ ударить Турки, на село Додо-

И да шњима крвцу проліемо,
 Да Додоше село одбранимо
 И крайни образъ сачувамо;
 Скочи Вуче часа не почаси
 А за њиме деца Рвашани,
 Рвашани и други жупляни,
 Броемъ управъ сто и тридестъ друга,
 Све пушкара и люта боиника,
 Брзо пошли како соколови,
 Усвануче на Додоше дошли.
 Текъ што Вуче на Додоше стае,
 Пушкомъ мече, а изъ грла виче
 А на име Янковичъ Мрчена
 И остале листомъ Додошане:
 На ноге, се мои Витезови,
 Турцы че намъ сада ударити,
 Да поштено Турке дочекамо.
 Листо деца на ноге скочише
 И боиничке пушке дофатише,
 Таманъ саба зора отворила,
 И ютрєня истекла Даница,
 Турска войска бѣше ударили
 Низъ широко полъ Салковину,
 Путь Додоша законъ учинила.

ше. На ноги, скорѣе встрѣтимъ ихъ, съ ними сразимся и оборонимъ село Додоше и сохранимъ цѣлость страны пограничной. Не медля вскочилъ Вукъ и съ нимъ Рвашане и другіе земляки, счетомъ 130 человекъ, всѣ стрѣлки и славные воины. Скоро пошли какъ соколы, на зорѣ пришли въ Додоше. Только что пришелъ Вукъ въ Додоше махаетъ ружьемъ и зоветъ Якова Мрчена и остальныхъ Додошанъ: па ноги мои витязи, Турки сего дня ударятъ на насъ, намъ должно встрѣтить ихъ какъ слѣдуетъ. Скоро Додошане вскочили и схватили ружья. Лишь только что занялась заря и вышла утренняя денница Турецкія войска ударили въ широкую долину Салковину и сбѣжали набѣгъ къ Додошѣ; Цекливане встрѣтили войско сильнымъ ружейнымъ

Цеклиняни войску дочекаше
 Са живіемъ огнѣмъ изъ пушака ,
 Богъ имъ даде и срѣча юначка
 У првѣй махъ добро оместише ,
 Те побѣише войсцы калаузе .
 Одъ крви се Турцы узмакоше ,
 Цеклиняни юришъ учинише ,
 Каратуну воду пріедоше ,
 Пуштише се уполъ широке ;
 Теръ се бію боя са Турцыма ,
 Пушка грмѣй, крвѣ се проліева
 Кликую се момчадѣ по юнашеству .
 Алѣ е мука и неволя люта
 На юнаке пала Црногорце ,
 Мало ихъ е а много Турака ,
 Двѣста друга са седамъ хилѣда
 Да бой бію у полѣ широко
 Но де помочъ Бога великога ,
 И юначко срце и прегнуче ,
 Ту се надай добру и поштеноу .
 Момчадѣ люта боемъ привручила ,
 Мало полѣмъ узврнуше Турке
 Гине Турчинѣ никадѣ непрестаетъ ,
 Алѣ не даю уграбити главе ,
 Него србе огнѣмъ одбію
 Но искочи соко изъ Србаля ,

огнемъ. Богъ далъ имъ счастье и въ первый разъ хорошо встрѣтили и перебили первенцовъ, Турки отступили, а Цеклиняне крикнули ура, перешли рѣчку Каратуну и бросились по широкой долині. Бьются съ Турками, гремятъ ружья, льется кровь, юноши отличаются одинъ передъ другимъ. Но несчастье и бѣда случилась съ Черногорскими воинами: ихъ мало, а Турокъ много, 200 чловѣкъ бьются съ 7000, въ широкой долині. Но гдѣ есть Божья помощь да храброе сердце и отвага, тамъ можно надѣяться удачи и славы. Молодежь сильно ударила и едва не заставила Турокъ обратить тылъ. Турки падаютъ безпре-

Сиви Соко Лѣшевичу Вуче,
 У Турке с загонъ учиню,
 Да уграби главу Арбанашку.
 Арбанашке пушке запуцаше
 И убише Лѣшевича Вука,
 У то момчадъ юришъ учинише,
 Съ сваке стране како соколови
 Преко поля поломѣше Турке,
 Турцы бѣже главомъ безъ обзира
 Вуку съ собомъ мртве и ранѣне
 Чераю ихъ момчадъ Црногорска
 До на Юрбишъ до чераше Турке,
 Подъ крвавимъ градомъ Жаблячкіемъ.
 Турцы бѣжатъ главомъ безъ обзира,
 Но Жаблячке буле излазише
 Укорѣше три Турска Сердара:
 Пи, Сердари женске страшнѣвице.
 Буди е ли сте силу закупили,
 Сакупили Дженаръ и Крайну,
 Седамъ хилядъ люте Арбаніе;
 Што бѣжите главомъ безъ обзира,
 Не чера васъ по двѣста момчади
 Одъ Додоша и Брде кржаве,
 Како чеге Жаблякъ оставити
 И несречно робль у Жабляку;
 Кадъ то чуше Турске буљомбаше,

рывно, но не даютъ отрубить головы, а выстрѣлами отбиваютъ Сербовъ. Вышелъ изъ Сербовъ сизый соколъ Лешевичъ Вукъ, онъ бросился на Турокъ, чтобы отрубить Албанскую голову, но выстрѣлили Албанскіе ружья и убили Лешевича Вука. Тутъ бросилась со всѣхъ сторонъ на Турокъ молодежь и погнала ихъ черезъ долину. Турки побѣжали безъ оглядки, унося съ собою мертвыхъ и раненыхъ; ихъ гонятъ Черногорцы, догнавши ихъ до Врбиша подъ самымъ кровавымъ Жаблякомъ, Турки бегутъ безъ оглядки. Но изъ Жабляка вышли женщины и укоряли трехъ Турецкихъ Сердарей. Фи! Сердари боязливые, какъ женщины, не

Изъѣде ихъ укоръ и срамота,
Они натрагъ сїлу повратише,
И жестоко са нѣомъ ударише
Низъ крваво села Салковину.
Ал' да видишъ Срба витезова,
Неисчедоше бѣжатъ предъ Турцымъ
Но се колю, како мрки вуцы,
Соколе ихъ Мрджентъ поглавица :
А момчади, мой соколови,
Споменте се лавьскога юнашства,
Кадъ удари силна Турска воиска
На крвавомъ Косовоме лугу,
Ка крайне наше кидисаше
И витешки Турке разагнаше,
И безсмертно име зодобише.
Бои се бїе, а крвца се лїе,
А яучу мртви и ранѣне.
У то Ага-Хасанъ Ага викину :
Арбанїю, црнъ ти образъ біо,
Де ми данасъ задоби срамоту,
Бои біючи са шакомъ каура
Подъ Тврдіемъ градомъ Жаблячкіемъ ,

вы ли совокупили силу, всеѣ границы и всю крайну. 7000 лютыхъ Албанцевъ и теперъ бѣжите безъ оглядки; когда васъ преслѣдуютъ только 200 мальчишекъ изъ Додоше и кровавой крайны. Когда это услышали Турецкіе Булюмбаши, имъ стало стыдно; они повратили назадъ войско и сильно ударили въ кровавую долину Салковину. Но посмотри на храбрыхъ Сербовъ: не бегутъ они передъ Турками, но бьются какъ волки. Предводитель ихъ соколъ говоритъ : о мои соколы, вспомните прошлогоднюю храбрость, когда нападало Турецкое войско на косовомъ лугу; наши пограничники встрѣтили отважно, храбро разогнали Турокъ и приобрѣли безсмертное имя. Бой идетъ, льется кровь и уносятъ мертвыхъ и раненыхъ; тогда крикнулъ Гасанъ—Ага : Албанцы, чтобы почернѣли ваши лица и сегодня осрамите себя, когда бьетесь съ горстью глауровъ только, подъ твердымъ городомъ Жаблякомъ.

Де гледаю буле и Кадуне,
 Не уграби свѣтла оружя
 Ни посъче главе Црногорске.
 Арбанія люта кидисала
 Цеклиняне мало подагнала
 До кучишта проза Салковину,
 Ал' не бѣже шестъ лютіе гуя
 И за нѣма двадесетъ момчади,
 Вечъ юначки они ускочише
 У кучиште на дно Салковине
 Подъ тврдіемъ градомъ Жаблячкіемъ.
 Првѣй бѣше Милошъ Баряктаре,
 Друго бѣше Савичевъ Даица,
 Трече бѣше Шутановичъ Нико,
 А четврто Савичевичъ Раде,
 Пето бѣше Попе Дайковичу,
 Ано шесто Янковичъ Крцуве.
 На нѣхъ удри люта Арбанія,
 Кучшите е войска опасала
 Ал' се мушки бране Црногорцы.
 Турке біо никадъ не престаю,
 Не даю се примачъ до кучишта,
 А камоли освоить кучишта.
 Уто доше три Турски Сердара
 И на войску ршумъ учинѣли,

откуда смотрятъ на васъ женщины, вы не отняли свѣтлаго ору-
 жія . не срубили головы Черногорской. Албанцы сильно ударили и
 отодвинули Цеклинянъ до развалинъ на Салковинѣ. Но не побѣ-
 жали шесть лютыхъ змѣй и съ ними 20 юношей, но храбро вско-
 чили въ развалину дома на краю Салковинской долины, подъ са-
 мымъ Жаблякомъ, первый былъ знаменосецъ Милошъ, другой
 Даица Савичевъ, третій Нико Шутановичъ. четвертый Радо Са-
 вичевъ, пятый попъ Дайковичъ и шестой Крцунъ Яковичъ. На
 нихъ ударили лютые Албанцы и окружили развалину. Но муже-
 ственно обороняются Черногорцы, бьютъ безостановочно Турокъ
 и не даютъ приблизиться къ развалинѣ, не толтко ея освоить.
 Тутъ вышли три Турецкихъ Сердаря и бранили войско, тогда

У то сила махомъ кидисала
За кучиште рукамъ дофатила,
Попаташе пушке Црногорске
Попаташе пушке за грлице;
Люта ти е мука одолѣла,
У муку се познаю юнацы,
Неки мичу за пушке дугачкъ,
Да имъ пушке не унесу Турцы.
Неки лете, како соколови,
Но се мале пушке у рукама
Одъ Аргата трче до Аргата,
Те ми Турке бию прозъ Аргате
Неки бране врата одъ Турака,
Да ихъ Турска сила не подави;
Неки бране зиде одъ кучишта,
Да у ньму не ускоче Турцы.
Пушке пунитъ не имаю када,
Вечъ се бию пушкамъ врзимице.
Двое врата на пусто кучиште
Те биесна сила кидисала,
За пуцаше пушке Арбанашке
Прва пукла, те е погодила
Погодила Николина Јова,
Лудо діете, али змію люту,

вдругъ бросились они и подошли такъ близко къ развалинамъ, что схватили руками за дула Черногорскихъ ружей. Тяжело имъ пришло тогда, но въ бѣдѣ и узнаются храбрые. Пусть тянутъ за длинныя ружья, Туркамъ не отнять ихъ. Они перелетаютъ какъ соколы съ пистолетами въ рукахъ, отъ отверстія къ отверстию и бьютъ сквозь нихъ Турокъ. Обороняютъ двери отъ Турокъ, чтобы не задавила ихъ Турецкая сила: защищаютъ стѣны развалины, чтобы черезъ нихъ не вошли Турки. Некогда заряжатъ имъ ружей и бьются они ружьями плашмя. На двое дверей избы ударила сила, выстрѣлили Албанскія ружья, выстрѣлило первое и убило Николина Јова, еще ребенка, но славнаго воина, осталась бездѣтная его мать. За Јовомъ убило Луку Бог-

Остаде му Майка саморана
 А прозъ Іова Богдановичъ Луку,
 Оба пали еданъ сверхъ другога.
 У то мнозе пукле Арбанашке
 Преко зида и прозъ двою врата,
 Докъ троицу на мртво убише
 И шестину рапомъ обранише,
 Десетъ пали еданъ сверхъ другога
 У кучиште одъ огня Турскога,
 Но да видишъ и выше неволъ.
 Клетѣ Турцы болъ кисилаше
 У кучиште оганъ утурише,
 Два остожя сламе запалише,
 Кучиште се дймомъ замаглило;
 А на зреше люта Арбанаси
 Неколика мртви и ранъни.
 На вратати юришъ учинише,
 Ту Никъ-Дека првый кидисао
 Са Миращемъ братомъ роденіемъ,
 Одъ Хотскога брда валятнога,
 Съ голимъ ножемъ на біела врата;
 Но га люта змїя сусретнула,
 Люта змїя Савичевъ Даица,
 На Турчину біо бьсьдіо:

дановича, оба упали они одинъ на другаго. Въ это время раздалось много Албанскихъ выстрѣловъ черезъ стѣну и въ двое дверей, еще троихъ убили и шестерыхъ ранили; отъ Турецкаго огня упали въ избу одинъ сверхъ другаго девять человѣкъ. Но посмотри большее несчастіе: проклятые Турки все наступали болѣе, наконецъ подожгли два стога соломы, которые стояли у избы, изба наполнилась дымомъ. Албанцы увидавъ, что нѣсколько человѣкъ упало мертвыхъ и раненыхъ, ударили въ двери. Никъ Дека бросился первый съ братомъ своимъ Миращемъ, оба изъ храбраго племени, живущаго на Хотскихъ вершинахъ, съ обнаженными ножами на двери. Но его встрѣтилъ храбрый воинъ Даица Савичевъ, и такъ говорилъ Турку: нельзя идти вамъ впе-

Арбанасе, курьина копиле,
 Не на пріедѣ немашъ кудъ овамо,
 Ніе ово мртва Турска рая,
 Него люта мамчадъ Црногорска,
 Остачети майка кукавица,
 А упири свіетлу латинку
 Те Никъ-Деки срце опалио,
 У то пукле неке Црногорске
 И Мирашу срце опалише;
 Пала брача еданъ свержъ другога
 Оба мртва на прахъ одъ кучишта,
 А загнасе Милошъ Баряктаре
 У кучиште Деку увукао,
 Валятпуму главу окинуо,
 Па се загна Турчиновъ Даица
 И Мирашу главу окинуо,
 Окиде е на прахъ одъ кучишта.
 Арбанаси іопетъ кидисаше
 На обое врата одъ кучишта,
 Но Цеклинске пушке запуцаше,
 Арбанасе петъ шестъ превргоше,
 Съ мртвіема врата затворише:
 Но се загна Попе Дайковичу
 Са соколомъ Янковичъ Крцуномъ,

редъ, здѣсь не влязъ Турецкіе роясы, но храбрые юноши Черногорскіе, твоя мать останется плакать бездѣтною. Прицѣлился ружьемъ и выстрѣлилъ Нику прямо въ сердце, въ это время выстрѣлили другіе Черногорцы и убили Мираша; упали оба братья мертвыми одинъ на другаго на порогъ избы. Выбѣжалъ знаменосецъ Милошъ, втащилъ въ избу Диду и храброму отрубилъ голову; потомъ выбѣжалъ Даица и отрубилъ голову Мирашу и бросилъ его на порогъ. Албанцы опять ударили на дверь, но выстрѣлили Цеклинскія ружья, убили пять или шесть Албанцевъ; мертвые тѣла загородили двери. Въ это время выбѣжали Дай-

Двѣ Турске главе посѣкоше,
Посѣкоше на прагъ одъ кучишта.
Одъ кучишта одагнаше Турке,
А у томъ имъ друга срѣча была,
Цеклиняни поломиле войску
Низъ широко полъ Салковину,
Да ти се е нагледати, друже,
Како бѣже три Турска Сердара,
И за нѣма люта Арбанія.
Низъ широко полъ Салковину.
Чераю ихъ момчадъ Цеклиняни
Докъ у Жаблякъ учераше Турке.
Подъ Жаблякъ се момчадъ искупише,
И три пута шемдукъ учинише,
Па одъ боя мало починише
Но дозываетъ Савовичъ Боица
Гуикъ Юсуфа Хотскога главара:
Добро утро, Гуико побратиме
Како ти е на уранку было,
Бои бѣючи низа Салковину
Съ ово мало Цеклинске момчади?
Есу ли вы како дочекали.
Есу ли вы мяса приправили

ковичъ съ соколомъ Керцуномъ и двумъ Туркамъ отрубили головы на самомъ порогѣ избы и тѣмъ отогнали Турокъ. Въ это время случилась другая удача, Цеклиняне погнали войско по широкой долинѣ Салковинѣ. Еслибъ ты посмотрѣлъ теперь, другъ, какъ бѣжать три Турецкіе Сердаря и за ними лютые Албанцы по широкому полю Салковину, какъ гонятъ ихъ молодцы Цеклиняне до самаго Жабляка. Подъ Жаблякомъ соединились Черногорцы, три раза выстрѣлила залпомъ и потомъ сѣли отдохнуть. Говорилъ Савовичъ Даица Юсуфу Хотскому Главарю: доброе утро, братъ, каково тебѣ сегодня было драться въ Салковинѣ съ

Дасе дома празни неврачатѣ?
Одговара Гуико са Жабляка :
А бога ми мили, побратимѣ,
Поштенo насѣ момчадѣ дочекаше,
Доста нама мяса приправише,
Што чу крити када че се знати,
Сто и двадестѣ мртва и ранѣна
Све бирана момка и бойника
Мечу нѣма Лекича Спахію,
Но те молимѣ міо побратимѣ
Брачу хoте мени повратите,
На Кучиште те самѣ оставіо.
И кажи ми што е тамо было?
Но Бoица нѣму одговара:
Не могути брачу повратити,
Обычая ніе на краину,
Да се врчу мртве тѣлесине.
А што питашѣ правочу ти казатѣ,
Шта сте нама квара учинѣли
Еднога сте убили сокола
Башѣ сокола Лѣшевича Вука

малочисленными Чергорцами? хорошо ли васѣ встрѣтили, довольно ли приготовили труповѣ, чтобы вамѣ не съ пустыми руками возвращаться домой? отвѣчаетъ Юсуфѣ со стѣнѣ Жабляка : а любезный побратимѣ, хорошо насѣ встрѣтила молодежѣ, довольно намѣ приготовила труповѣ За чѣмѣ скрывать то, что будетѣ извѣстно; у насѣ сто двадцать мертвыхѣ и раненыхѣ, все избранные юноша и бойцы и между ними Лекичѣ Спахія Но умоляю тебя побратимѣ, возрати мнѣ моихѣ братьевѣ Хотскаго племени, они тамѣ остались у избы и скажи мнѣ, что тамѣ было. Бoица ему отвѣчаетѣ : не могу возвратитѣ тебѣ братьевѣ, нѣтъ обычая въ нашей сторонѣ отдавать назадѣ мертвые тѣла. А спрашиваешь каково тамѣ было, то я скажу тебѣ правду, что вы причинили намѣ убыль, убили сокола Лешевича Вука, да дру-

И іоштѣ друге шестеро момчади
И десетакѣ равномѣ обранили,
А шичара узели ніесте,
До по пушке Милошѣ Баряктара.

гихъ шестерыхъ юношей и съ десятокъ ранили; а добычи никакой не взяли, кромѣ полу-ружья Милоша знаменопосца.

V.

СУДЕБНИКЪ ЧЕРНОГОРСКІЙ.

*Петаръ Божією милостію Православный Митрополитъ
Прнегорскій, Скендерійскій, Зетскій и Приморскій.*

Во имя Господа нашего Ісуса Христа, аминъ.

Находечи се мы Главари и Старѣшине и остала
наша брача изъ свакога племена и нахіе, свободне об-
ласти Прнегоре и Брдахъ на единокупный саборъ и
віечу у монастырь Станевиче, 1798 года Октовріа 18-го
дана, сви единогласно и договорно установисмо законъ
и уредбу ¹⁾ по коіема се унапріедъ можемо владати и
управляти на изгледъ прочіе народахъ одъ свѣта, а то
како ниже у 33 пункта, саборно учиненоме, по реду
изговара.

1.

Призиваючи великога Бога у помощь, и на обрану
нашу потврдисмо однимъ гласомъ свиколицы ²⁾ писмо

¹⁾ Управленіе, порядокъ.

²⁾ Всѣ.

наше, у име единства нашего, Августа 6, то есть на данъ Преображенія Христова 1796 годіне на Цетинѣ учинѣно, тоє се при овой книги находи и тако у истоме писму свакога издайника ¹⁾ вѣчноме проклетству и анаѣми предадосмо и одъ сваке чести и поштєня братскога одлучисмо; тако и у овоме садашнѣму ²⁾ потврдисмо и сувише ³⁾ рекосмо да такога общенароднѣга крвника ⁴⁾ и весь нѣговъ домъ измечу ⁵⁾ насъ искоренимо и да одъ неѣга ⁶⁾ траѣа не оставимо.

2.

Будучи единство, миръ, тишина и сваки добри порєдакъ нїє могуче уздржати, ако верху ⁷⁾ злога и самоволнога чоека небы каштига ⁸⁾ было, тогаради рекосмо, и зароку ⁹⁾ учинисмо, ако по да насъ Черногорацъ убїє брата нашего Черногорца, алъ Берчанина, или Берчанинъ Черногорца безъ едне кривице и нужде, нѣгъ одъ силе, и опачине ¹⁰⁾ да се такви убоица не може никаквимъ благомъ отъкупити, по ако се ухвати, да будѣ обѣшенъ, али каменїемъ побїенъ, али огнѣмъ изъ пушакѣхъ разнесенъ.

¹⁾ Измѣнника.

²⁾ Теперешнему.

³⁾ Сверхъ того.

⁴⁾ Убійца, преимущественно изъ мести.

⁵⁾ Между.

⁶⁾ Слѣдъ.

⁷⁾ Въ отношеніи.

⁸⁾ Наказаніе (съ Ит. *castigare*).

⁹⁾ Обѣщаніе.

¹⁰⁾ Неправда, зло, обида.

3.

Ако тога убивалца небы могли ухватити, негобы изванъ наше границе у тучу землю побѣгао, то нѣгово имуче да се има, све отъ мала и до велика, процѣнити штогодъ ¹⁾ на нѣговъ діо ²⁾ може дапанути ³⁾ и отъ тога половину дати оное, коєму буде зло учинію, а другу половину за глобу ⁴⁾ Земальску узети.

4.

Такви убоица и Земальскій непріятель и крвникъ никада повратка не може на свою старину, ни у друго мѣсто мечу нама, имати; коилиби Прногоораць, оли Брчанинъ тога злочинца ⁵⁾ примію и кодъ себе держао, или га братію ⁶⁾, и бранію ⁷⁾, или таію, и не ухватию, пощо чуети и разуміє злочинство щое учинію, таквога единако черать ⁸⁾ и кастигать како и самога убивальца, будучи се нѣговъ другъ и бранитель учинію, почему зли люди кадъ не буду имали бранителяхъ, нече имать якости ⁹⁾ чинити зло какогу се научили, обранители нече ¹⁰⁾ злочинце бранити када за нихъ стану плачати, и суду отговарати.

¹⁾ Что.

²⁾ Часть.

³⁾ Достаться.

⁴⁾ Пеня.

⁵⁾ Злодѣй.

⁶⁾ Считать за брата.

⁷⁾ Защищать.

⁸⁾ Преслѣдовать.

⁹⁾ Силы.

¹⁰⁾ Не захотятъ.

5.

Ови рукоставникъ ¹⁾ и убица акоби се и кадъ у коему драго ²⁾ мѣсто ухватити оли убита мога, то рекосмо да го найкрадни ³⁾ Црногорацъ оли Бржанинъ еднако убити може, колико и они, коемуре онъ брата убіо, и тако да се пребіе еданъ за другога, а прави да неможе на мѣсто кривца платити.

6.

Ако кои пушкомъ ⁴⁾ оли ножемъ рани кога, у свачу ⁵⁾ кадасе инатомъ ⁶⁾ и прицомъ ⁷⁾ ако чеса заваде, то да се имаю предъ судомъ довести, и да судъ съ почетка разбере све пореду, кои е започео инатъ и свачу, за коюли стваръ ⁸⁾ и нужду, и коле први започео бой чинити и оружѣ прихватати противо своего брата Црногорца и вріеме када судъ меже разсудити такое ствари и више, и кадое забранѣно да се не чини бой, и самоволно освѣта ⁹⁾; тако дакле познавши сви какое было, и колико се кои у кривиду находи¹⁰⁾, клетовати¹¹⁾ рану

¹⁾ Убийца.

²⁾ Въ какомъ либо.

³⁾ Каждый.

⁴⁾ Ружье.

⁵⁾ Ссора.

⁶⁾ Ссора на словахъ.

⁷⁾ Горячо спорить — прцврляти.

⁸⁾ Дѣло.

⁹⁾ Местъ.

¹⁰⁾ Кто сколько виноватъ.

¹¹⁾ Оцѣнивать по совѣсти.

према чесе буде праведно, разбираючи и остале отъ едного или убоице у чинѣне сагрѣхе поставити кастигъ чесе пристаяло буде.

7.

Кои Прногорацъ оружѣмъ оли дрвомъ, оли каменомъ удари, и рани на правду Божию кога отъ силе и опачине ¹⁾, да се юнакъ назове, че прилике ²⁾ и потребе ³⁾ отъ юначества нѣ на такового, да се рана и глоба двострука ⁴⁾ суди.

8.

Ако такъ удари кои брата Прногорца, ногомъ или камишемъ ⁵⁾, такѣи да плати за они ударацъ цекинахъ петдесетъ, а глобе Прногорцима цекинахъ петдесетъ, а колига они убѣе пошто буде ударенъ, за нѣга до поговара нѣе, колико ни залупежа ⁶⁾ кои украчу ⁷⁾ погине.

9.

Моглоби се досадити ⁸⁾ да се коме пушка омакне ⁹⁾, оли коимъ другимъ начиномъ да нехтечи ¹⁰⁾ чоека рани,

¹⁾ Зло.

²⁾ Побужденіе.

³⁾ Нужда.

⁴⁾ Двойная.

⁵⁾ Чубукъ.

⁶⁾ Разбойникъ.

⁷⁾ Кража.

⁸⁾ Случиться противъ воли.

⁹⁾ Выстрѣлилъ случайно.

¹⁰⁾ Нехотя.

или убіе, како се то на много мѣста догачало ¹⁾, по такво зло пристои судомъ ліечити ²⁾, коликосе болѣ учинити може.

10.

Ако кои убіе чоека напастника ³⁾ врху себѣ бранечи се и заклинаючи га Богомъ, да се отъ нѣга проче ⁴⁾, а онъ не устути него преко ⁵⁾ тога потне ⁶⁾ и то зло валя ⁷⁾ судомъ ліечити, како и оно нехотице учинѣно.

11.

Кои чоекъ узме тучу жену, и за жива мужа или уграби девицу, коюму не буду девочки родители, оли свойта и близака; девочка када родителыхъ живіехъ нема, по обичаю и закону Христіанскому дали, такви да се има черати ⁸⁾, како беззаконикъ, и грабитель туче деце, и да му стана ⁹⁾ у нашу землю ніе, а нѣгово имуче да се проціени, и раздіели, како и онсга, кои самосилно чоека убіе.

12.

Кои попъ вѣнча чоека съ женомъ и за жива мужа,

¹⁾ Случалось.

²⁾ Облегчать.

³⁾ Нападающаго.

⁴⁾ Отойти.

⁵⁾ Напротивъ.

⁶⁾ Ударить.

⁷⁾ Должно.

⁸⁾ Преслѣдовать.

⁹⁾ Мѣсто.

али съ девайкомъ уграблѣномъ насилу, или съ другомъ кои законъ недопуштае вѣнчати, такви да будетъ лишень Священства и прогнанъ изъ нашего общества безчестно како ¹⁾ беззаконикъ, и проклети хулитель, и по-пиратель Закону Божію, и како губитель душъ Христіянскихъ.

13.

Ако лупежъ погине ¹⁾ оли се рани идучи украчу, да за-нѣга поговора ²⁾ ние, будучи сви договорно рекосмо дагасва земля бие однако, како и рукоставникъ.

14.

Коя се лупещина наче одъ пріедъ неголіе ³⁾ вѣра и зарука, мѣчу нама на Цетинѣ 1796 годища на Преображеніе, Августа шесте день утварчена, такве лупештинѣ да се имаю судить по старому обичаю, а щосе наче у ово врѣеме одъ стече ⁴⁾ и преко вѣре и за рукѣ досадъ украдено, оли што поданасъ кои лупежъ украде, то да будетъ извершено како сетенція наша прошлога годища на Госпошине учинѣна изговора, то есть: заговедо мало оли велико осудбине ⁵⁾ цекинахъ дванайстъ, а глобе земалске цекинахъ десетъ.

За едно улище пчелахъ равнимъ начиномъ, како и

¹⁾ Пропадетъ.

²⁾ Не можетъ быть рѣчи.

³⁾ Прежде нежели.

⁴⁾ Случится.

⁵⁾ Судная плата.

за едно говедо и осудбина и глоба , де се има судитъ и подмиритъ¹⁾).

За брѣва малога или великого осудбине талерахъ петъ, а глобе талерахъ десетъ.

За покраче изкуче , оли изъ обора , и остале различные лупештине разбираючи едно по едно редомъ , и цѣнечи колико коя стваръ асприхъ валя²⁾), пакъ напрема цѣне поставити приличну глобу , и осудбину , напри-мѣръ рѣчи , коя стваръ еданъ грошъ валя , на то нека буде осудбине гросахъ петъ , а глобе гросахъ десетъ.

Ово се разуміе за сваку покрачу изъ куче и изванъ куче украдену и понесену , неспоминючи діете лудо³⁾) коебы што отъ детинске лудости учинило , оли друго челяде , кое нейма здраве свѣсти , и памети.

15.

Кои чоекъ хоче поданасъ продатати кучу али башину⁴⁾) али виноградъ , или метехъ и дубраву , или остало свое недвижимо имуча , нека найправо пита и понуди свою близику предъ свѣдоцыма , пакъ ако небы хчала близика купити , нека понуди , мергинаша⁵⁾), небили ни онъ хтео купити , тада слободно нека продае , коме може у свое село , или у свое племе , само валя да учини книгу

¹⁾ Вершить.

²⁾ Денегъ стоятъ.

³⁾ Неразумный.

⁴⁾ Огородъ, земля.

⁵⁾ Сосѣдъ.

наймане предъ три пощена сѣдока, какое близику и мери-
наша нудіо и како они ніесу могли купити, или како ніесу
хчели купити. Акои буде книги писаць, нека свое име и
презиме подпише, такочерь ¹⁾ године и день одъ мѣсеца,
дасе чисто знаде, а кадае книга писана и на кое мѣсто,
предъ коіема именомъ и презименомъ сѣдоцима, отъ
коегасу племена были сѣдоцы, и какосусе они подпи-
сали, оли неуміючи писатъ крсте учинили, завише вѣ-
рованѣ, какое продая по закону учинѣна и подпуно ²⁾
плачена, а инако куповица неможе бытъ тверда.

Ово се говори за оне кои поданасъ хоче шо куповати,
а не за оне коесу досадъ куповали.

16.

Сваки кои има шо искати или дугъ или покрачу, оли
преузамъ ³⁾, и пліенъ, оли кою шету и похару ⁴⁾, али
осталу и какву малу оли голему ⁵⁾ стваръ, нека ище;
судомъ и разлогомъ да буде подмиренъ, а самъ да не
узима ништа безъ руке отъ суда, а коли непослуша,
кои быче подложенъ глоби и кастигу прѣма ⁶⁾ негове
кривице колико заслужио буде.

Будучи све ово више писано соборнимъ договоромъ
учинили и опетъ на данашни Августа седамнѣйсти
день, а 1803 года всеобщимъ собраніемъ нашимъ раз-

¹⁾ Также.

²⁾ Вполнѣ.

³⁾ Заемъ

⁴⁾ Убытокъ.

⁵⁾ Большую.

⁶⁾ Сообразно.

гледали, и потврдили, за потребно судисмо приставити
ниже слѣдующе чланце.

17.

Знаючи да найвше зла и кровопролича у нашу землю
съ люпежчинахъ бива, и дасу у то найвече родители
криви, кои изпочетка нехоче свою дѣцу на добра и по-
щена дѣла наставляти, ни у страху Божию садержават-
тій, него іой іоушъ неки уче и силуу да туче ¹⁾ именіе
грабе и краду, и да свако зло и беззаконіе чине, како
щосу и они чинили, тога ради рекосмо и съ овіемъ ка-
питулатъ стабилисмо ²⁾: кои лупежъ поданасъ украде
вола или коня у коему драго мѣсто у Черну-гору и у
Берда, оли у приморѣ нашима сусѣдима, и брачи при-
морцыма, кои се находе у Цесарокралѣвской держави,
да се та лупежъ има черати еднако, како и убилацъ,
кои самосилно безъ сваке кривице убіе чоека; будучи
када украде тучега вола или коня, онъ сву челядъ одъ
онога дома уцвіели ³⁾ више неголида едно челяде за-
колѣ, а на влащито ⁴⁾ сиромашъ ⁵⁾ кои другога вола и
коня не имаду, нити су врѣдни стечи ⁶⁾ дуга купе,
нако да продаду башину или друго сиромашко имуче
безъ коега живѣти немогутъ, а коли лупежъ поданасъ
украде брва, или кою другу стваръ, коя валя колико

¹⁾ Чужое.

²⁾ Постановили.

³⁾ Повредить.

⁴⁾ Особенно. наиболѣе.

⁵⁾ Бѣднякъ.

⁶⁾ Соберется.

еданъ бравъ, то за први путъ ¹⁾ да има платити како у четрнайсти капитулъ изговара, а коли се пакъ и друга путъ у такву лупешину наче, да се има судити и кастигати како и они, кои самоволно убиство учини. Защо се вечъ лупежи подносити и трпити не могутъ, дакле нека сваки у наприедъ знаде щочега допануть ²⁾ ако се у лупешини обрете, а родители нека свою дѣцу уче, да смирѡмъ стое и нека се не лакоме на лупешину, кою су се научили ести отъ туче муке, що имъ сынови доносе, такочеръ и сваки домашинъ отъ куче, нека свою брачу и челядъ на добри начинъ наставля, и учи да зло не чине, и да туче некраду, еръ инако быче имъ жалость, када кои за злочинство буде отъ суда кастиганъ.

18.

За содержати съ Приморцима миръ и тишину сосѣдску, кое приноси на обіе стране възаймну користъ и сречу, забранено е самоволство и osveta, а що кои Прногорацъ имаде отъ Приморца искати, то нека ише по путу отъ суда ³⁾, еръ инако быче подложанъ кастигу, на исти начинъ како и они, коибо мечу нама смутню и зло у Прну-гору и у Брда чинію, щоли се тиче до мертвіехъ главахъ, о ранахъ коесу нѣки приморцы нашіема дужни, а у толико биче вріемена сваки судомъ отговори и да плати колико се кои дужанъ на-

¹⁾ Первый разъ

²⁾ Что съ нимъ случится.

³⁾ Черезъ судъ.

ходи, само нека отъ наше стране зачѣвице ¹⁾ и самоволне освете не буде, коя може на непослушнога кастигъ и теготу навести, а правителство, кои има отъ свіехъ насъ поставлено быти, да управля общенародне послѣ ²⁾, быче у дужности зато и за све остала щобисе посадъ догодило мислити, дакле и сваки Прногорацъ оли Брчанинъ, некасе спомене да самъ по себѣ безъ питаня суда и правителства ништа не чини.

19.

Познаное свакому да пазари служе за користъ народа, и да се безъ пазарахъ живити неможе, али и то нека сваки знаде, да они имаю битъ мирни и слободни безъ сваке смутне и кавге ³⁾, на исти начинъ ⁴⁾ како и црква, но будучи неразумни народъ по своему самоволству нити едно, ни друго пази ⁵⁾, него найвише и надеприце, и кавге предъ црквомъ и на пазаре чини, отъ чеса не само пазари остаю смутно и народъ жалостанъ врачаючи се натрагъ безъ своего удовольствія, него и црква Божія находисе поругана и обезчещена, защо и самъ Богъ пошилѣ кастигъ на такве народе, кои беззаконо и одному злочинству и мрзости живе, зато рекосмо и темелито ⁶⁾ стабилисмо кои Прногорацъ оли Брчанинъ по овому нашему састанку ⁷⁾ и договору за-

¹⁾ Поводъ.

²⁾ Дѣла, труды.

³⁾ Ссора.

⁴⁾ На тотъ же способъ.

⁵⁾ Смотрѣть, обращать вниманіе.

⁶⁾ Темель (Θεμελίον) основа, fundamentum.

⁷⁾ Постановленію.

чеде предъ црковомъ, или накоиму драго пазару инадъ и кавгу, да се има такви хвататъ и суду земалскому предаватъ.

20.

Ни еданъ народъ не може быти честитъ ни срещанъ у коему законитого суда и доброга правителства нема, и ни едно правителство безъ помочи народне стояти неможе, зато дакле сви народи у свиѣту на свако годище даю у общу мирію ¹⁾ порѣзъ ²⁾, коликое у коему мѣсту и держави речено, ато недаю за друго, него за саміехъ себе, дасе на оне новце ³⁾ держе правителство судници, и войска кояче ихъ отъ непріятелске напасти бранити, и чувати ⁴⁾ отъ свакога злога и инакога страха. Да они могу мирно и безъ свакога страха, свое после одправляти и спокойно у мирночи живѣти; а какое инама то одъ найвише потребе, тако учинисмо, да свака куча дае на годище парахъ олити динарахъ шестдесетъ, будучи нашъ Преосвѣщени Господинъ Митрополитъ и кавалеръ Петаръ Петровичъ найпрви дао ціели доходакъ освіехъ земаляхъ Цетинскога монастыра, коесе находе у Синячки читлукъ и ове новце да има сваки кнезъ съ Главарима отъ свое Кнежине, свако годище собрати и на день Рождества Пресвятыя Богородицы у монастырь на Цетиню, или де правителство

¹⁾ Пошлина, налогъ.

²⁾ Плата вслѣдствіе налога.

³⁾ Деньги.

⁴⁾ Охранять.

буде, доносити и одъ неѣа писмо узети, кое онъ може свою Кнежину приказати ¹⁾, неѣа сваки знаде какое и колико новѣахъ предао, а на ове новѣе быѣе содерѣати люди коиѣе по законима судити.

21.

Находисѣ мечу нама людихъ, кои често за малу стваръ позову другоѣ на мейданъ ²⁾, али неѣе ³⁾ да сами дѣле юначство, него и еданъ и другій кликуе и купи войску све що више може, пакъ ето мейданъ изъ пуѣахъ докле начине, потолико носилахъ и за крѣвъ народъ дасѣ и нихова дѣѣа колю, а мейданѣе на страну здрави и весели, нити кои чине, нити приступа ѣе може погинуть. Тоѣа ради неѣа сваки знаде, ако се посадъ наче такви мейданѣя у нашу землю, быѣе кастигомъ отъ суда земалскоѣа и отъ свѣихъ насъ черанъ, како злочинаѣ и возмутитель народа.

22.

Када судѣы сѣду на свое мѣсто судити ствари ниховому разуму и расужденію поднесѣе, прѣо валя ⁴⁾ дасѣ спомену що они гласомъ народа по воли Божіей за судѣе и управителѣ есу поставлени, не како наемниѣы, но, како отѣы и прави любители, отечѣства.

Друго молити се Богу, да имъ даде просвѣщеніе ра-

¹⁾ Показать.

²⁾ Поединоѣъ.

³⁾ Не только сами.

⁴⁾ Слѣдуетъ.

зума и силу мудрости, шое праведно свето и Богоугодно.

Трече пазити свое обѣщаніе и заклетву да не намити ¹⁾ или по хайтеру ²⁾ суде, него по правицы малому како и великому, ербо судъ Божій есть.

Четврто слушати едне пакъ и друге стране разлоге редомъ и недопушавати парце оли рѣчи давачіе да еданъ другому уріечи улази ³⁾ и прекида ⁴⁾ говоренѣ, него када први изговори, нека другій зачне говорити, и нека обоица говоре тихо, безъ инада и вике ⁵⁾, како може писаръ, и сваки судаць чисто нѣхове разлоге записати, и разумѣти, а че потреба буде коега припитати, да и опетъ каже, що нѣ прва путъ чисто изговорію, оли да нѣ шо заборавію ⁶⁾ казати, то нека еданъ судаць пита, а не свиколіцы. И пощо обіе стране на пуну ⁷⁾ волю изговоре свеколике свое разлоге, тада нека се уклоне заучинити судцима мѣсто слободно, да они могутъ све по реду чисто разобрати, и сетенцію праведно по начину учинити, кояче се давати ономе комусе пристой, а друга еднака, при канцелярії правительства, у записну книгу оставляти.

23.

Ако кои судаць зачне кога у судъ сѣдечи, бранити, немогучи доказатъ разлога и правице за чемъ га брани,

¹⁾ Взятка.

²⁾ Подкупъ.

³⁾ Вриваться.

⁴⁾ Перебивать.

⁵⁾ Крикъ.

⁶⁾ Забыть.

⁷⁾ Полную.

и неразбираючъ мисли ¹⁾ свое дружине, него само да се нѣгова ріечь брой ²⁾, а не другога, кои правіе мисли имаде, и ко боли разлогъ отъ правце доноси, такви отвара себе и каже дае хайтерія ³⁾, митникъ ⁴⁾, и возмутитель суда, а не истинити судаць и правитель народа; зато има бытъ не само прогнанъ и лишентъ вѣчно сваке Главарске чести и пощенья, него и сувише подложенъ жестокому кастигу, такочеръ и оно коиби, замито оли запріятелскій хайтеръ или по своему неразумію, и не воздержанію и какве тайне открію и каза, що се управителство за обще народну користъ, чини, или говори потайно и сокровено; еръ ни едно дѣло не може напредовати жалоемимъ путемъ, кадасе мечу дружиномъ издайникъ и шпіонъ находи.

24.

Ако се наче, да кои судаць зайще или узме одъ кога мито, навлащито за оправдати кривца чоека, такви да се има изъ суда безчестно прогнать.

25.

Кои чоекъ поданасъ обеща, или коему судцу даде мито, и акосе познаде, нече быти потреба искати надалѣ ⁵⁾, нѣгоче онъ самъ тіемъ листомъ себе открити и

¹⁾ Не оцѣнивъ мнѣнія товарищей.

²⁾ Имѣла вѣсь.

³⁾ Подкупленный.

⁴⁾ Взяточникъ.

⁵⁾ Долго.

казатъ да нема правице ни разлога. супрочъ ¹⁾ онога съ коіемсе хоче предъ судомъ правдати, и зато има быти осученъ како кривацъ подъ арестъ, у тамницу, да стои за сваки цекинъ нечелю данахъ, а то мито, кое буде дао или обечао да поче у общу мирію, и дасе обеча, и даде соку ²⁾ кои бы носочио унапріедъ судца митника изъ оніехъ Главарахъ, щосу по договору земальскому за суднике и правителю земальске поставлени, или осталога чоека кои бы и каквому судцу дао, оли обечао мито.

26.

Сваки мали и велики Црногорацъ и Брчанинъ остае у дужности ³⁾ пощене и добре судце, коесмо доброволно избрали и посогласію и договору за суднике поставили, слушати, почитовати и любити, и сваку честь истину свіема наносити; а колисе кои наче, да речене судце обезчести и осрамоти, то че свіехъ насъ коисмо ихъ поставили осрамотити, ими чемо таквога искать, да свіема за безчестъ и срамоту отговари.

27.

Када судцы небы еднаке волѣ и согласія были врху кое ствари ⁴⁾ кою бы хчели судити, него едни овако, а

¹⁾ Кромѣ.

²⁾ Свидѣтель.

³⁾ Обязанъ.

⁴⁾ Дѣло.

други онако разсуждавали, у такву згодуче ¹⁾ буде виши брой судацахъ, остае якостъ отъ разлога на ныхову страну, али да подуши реку, що они то безъ свакога мита и хайтера своимъ разумомъ познаю, дае праведно како говоре.

28.

Ако бы кои кулукчія ²⁾ заметнуо немиръ и смутню мечу дружиномъ, таквога не терпѣтъ, него умахъ послать дома, а искать одъ онога племена, коега бы послало другога на мѣсто нѣгова добродѣтелна и у дружину погодна ³⁾ чоека, тако черъ отъправити и непослушна, оли лѣнива и безъбрежна кулукчію.

29.

Будучи како судцы и правители, тако и кулукчіе на обще народни трошакъ ⁴⁾ поставлени, да не пазе, ни работаю друго, него земалске после ⁵⁾ и начине ⁶⁾ да испуняю качоче быти у земли миръ и тишина боля, почему ни еданъ не може бити слободанъ ходити за своимъ послима дома, оли на свое путове и трговине, него стояти до реченога времена на службу земальску вѣрно, какосу на то и поставлени.

¹⁾ Въ такомъ случаѣ.

²⁾ Судья.

³⁾ Сговорчивый, согласный, погодьба, договоръ.

⁴⁾ Издержки.

⁵⁾ Дѣла.

⁶⁾ Трудъ.

30.

Када се која мала оли голема щета отъ пахаре ¹⁾ жита, сіена, вінограда, бостана ²⁾ зграде ³⁾, росадника оли коему драго ствари, укое племе нехотице учинена догоди, то остае Кнезу и Главарима отъ племена да прочіене и да чине похарнику, нека щету ⁴⁾ безъ свакога далнега одмицаня ⁵⁾ плати, а кои би силомъ и задорицомъ навлащито похарао, таквога суду земалскому объявить. Да буде кастиганъ, како злочинацъ и супротивникъ тишине земалске.

31.

Сваки коему би напасни чоекъ учинію кою малу оли велику пакость и щету, или пре узамомъ и дерачиномъ ⁶⁾, или другимъ самосилнымъ начиномъ, и грабительствомъ нека прекаже суду земалскому, и некасе самъ отъ свое волѣ несвѣти.

32.

Како свѣщеницы у Свечане дневи у церквама, тако черъ Кнезови и старѣшине отъ племена есу дужни свакога домачина отъ куче научити, и свакому говорити

¹⁾ Убытокъ.

²⁾ Огородъ.

³⁾ Случится.

⁴⁾ Убытокъ.

⁵⁾ Отлагательство.

⁶⁾ Ссору по займу или грабительству.

да мирно у любви са свакиѣмъ живе, да се Бога бое, и да зло говорити и чинити престану, и да се спомену и разумію ове сетенціе олоти кастизіе, коесмо сви договорно учинили верху свакога злочинца, и то нека свакій домашинъ отъ куче запамети, и своіей челяди и дѣцы каже, да се чуваю отъ кастига, отъ коега се нече мочи откупить, ако зло учине, будучи сетенція учинена за свакога проче неголіе кои зло учинію, и свакому у наприедъ казана, да ни еданъ послѣдъ не може рѣчи ерь ніе знао штое сетенція за кое злочинство изговара. Знаде дакле сваки зашчосмое сваколицы договорно, перво у монастырь на Станѣвиче учинили, пакъ опетъ на Цетинѣ потврдили, и сувише щое манкало ¹⁾ приставили.

33.

Дужность свакога сына отечества веже ²⁾ и понуча, да онъ буде вѣранъ и узданъ ³⁾ своему отечеству и да га ни едно благо и богатство отъ тога раздвоити неможе, нити га подмитить дасе назове издайникъ и невѣрникъ свое браче и отечества, и ову се дужность мы свиколицы находимо, будучи сви рачени и воспитани у одному отечеству, оли по несречи малое насъ кои ову блажену и сваке чести и похвале достойну дужность познаемо, дай Боже! що би она у познанѣ наше свіема дошла и що би ми прави сынови и любители дражай-

¹⁾ Недоставать (съ Ит. мансаге).

²⁾ Обязывать.

³⁾ Преданъ.

шега отечества совокупно и нераздвоено у напriedь могли називатсе. Почему и потребно есть да како судцы и правительи тако и сваки, кои на обще народну своего отечества службу опредѣленъ и поставленъ будетъ, имаде найприче учинити завету отъ вѣрности, по ниже писаному начину како се то чини мечу свiемъ народима и у све велике и мале державе по свiету.

За сохраниити и удержати све ово више писано и на тридесетъ и три члена раздѣльно, учинисмо свиколити завету, пѣлюючи честни и животворящiй крестъ и святое Евангелiе, притомъ и святыя мощи Великомученика Пантелеймона на Петинѣ Августа 17 числа 1803 года подъ знаменемъ всеобщаго Баряка.

VI.

ЗАВѢЩАНІЕ ВЛАДЫКИ ПЕТРА 1го.

*Отъ насъ Владыкъ Петра благородной Господіе
Духовной и Мірскога чина Главирима и старшинама
и свему Народу Црногорскому и Бердскому свесердно
и найпотонь ¹⁾ поздравль!*

Свашко знаде и виде, како самъ я отъ давнаго доба
и времена грохнуо ²⁾ и пануо ³⁾, те не могу вечь ни-
кучь нешто отъ старости, а найвыше одъ свакояке му-
ке и труда, коесамъ у велій мой віекъ за народъ Чрно-
горскій и Бердскій подносію и за свободу Христіанске
вѣре и нашего отечества претерпію, чуваючъ народъ и
сиротиню како свою душу; но то и самъ видѣчи и по-
знаваючи свою слабость и болестъ неизлѣчиму и дами
си смерть приближава, написао самъ нека потребита
письма и кнѣиге и наредію ихъ све, че самъ имао што
посилами да се пошла по моіой смерти, тако и Вама
свема народу Црногорскому и Бердскому написахъ и

¹⁾ Усердное.

²⁾ Разрушился.

³⁾ Упалъ.

и оставихъ ову кнѣгу, кою сви да чуєте и добро разумієте пріедъ негоме укапате.

Молимъ свакога Црногорца и Берчанина малого и великого, коему самъ што сагріешію или какву жалость учинію, да ми свакъ опрости, одъ свега сердца и душе, и тако я опраштамъ свакоего малого и великого, кои ми е гочъ што сагріешію, просто да е одъ мене свакому за довіекъ и на страшній Божій судъ о второмѣ Христя Бога пришествію.

Пакъ найпервый свему народу чинимъ аманатъ ¹⁾ и самосильнѣмъ Богомъ своего свѣта Творцемъ и своимъ силомъ небесномъ заклинамъ свеколиво, да ме и миромъ у тишины и любви общенародной кротко укапате и ожалите ²⁾ да не бы ни кervникъ кervнику тадеръ ³⁾ проговарію ни гіерки ріечи. Другу Васъ молбу молимъ, и страшніемъ и свемогучіемъ Богомъ заклинамъ, да на мое мертва перси вѣру задате и утвердите про за сву нашу землю и Епархію, про за све нахіе, села и племена, да нико ни кога ни зашто нитиче до Джурдева дне, и до тадеръ недѣли у Господа и Спаса нашего, да че вами начинъ живлени быти за наго учиненъ и судъ у сву землю Царекій поставленъ, кое самъ я у нашего всегдашнаго покровителя и обранителя испросію и исплакао, и то самъ валма и попріедъ говарію некіема, да я за васъ и за ваше общенародско благополучіе и доброживленѣ и бряжимъ ⁴⁾ и работамъ, како и

¹⁾ Завѣтъ.

²⁾ Пожалѣтъ, оплакать.

³⁾ Тогда.

⁴⁾ Заботиться.

Богъ знаде, и качете и Вы свиколити до мало времена знати и видети.

Изванъ тога найвише ве свакогѣ молимъ и све истинскіемъ Богомъ вседержителемъ заклинамъ и великій Божій и воздашній аманатъ чинимъ и оставлямъ, да церковно добро и имуче, чегочъ е какво, истиче нико никада, за васи свіемъ и за сваку вашу срѣчу и поштѣ и да ми свако церковно челяде, Калуджере, дакове служители мое и Ваше пазите и держите, како самъ ихъ я истый вазда пазіо и держао, а я на мое мѣсто наслѣдникомъ и управителемъ и чувателемъ одъ свега моего Народского и Црковнога чинимъ и оставлямъ сыновца моего Рада-Томова, у коега се надамъ да че быти чоекъ одъ посла ¹⁾ иодъ разума, колико е преблагій Отацъ Небесный благоволю подарити, и коего Богу и Царю Нашему и свему народу Црногорскому и Бердскому за віека препоручавамъ свіемъ сердцемъ и своимъ душомъ.

Ноипослѣдъ іошъ нейшто да ви кажемъ и избистримъ ²⁾: о брачо и Народа Црногорской и Бердскій! Ну чуйте за вазда знайте одъ мене, кои ве ніесамъ никада лукавіо и на злу срѣчу никога наводіо при смерти моіой объявлюемъ Вамъ нову Божу истину, како тешко лакомый ³⁾ на лафу ⁴⁾ Московскому и не заслужуючи е, мысліо, изборіо ⁵⁾ да я изведохъ све и браче поделихъ,

¹⁾ Дѣльный.

²⁾ Объяснять.

³⁾ Жаденъ, авагиз.

⁴⁾ Деньги, плата.

⁵⁾ Говорить.

штогочъ новце изъ Русіе одъ Цара народу доходи, ема не свакій вара и грієши у то, и я васъ вѣрне и поште- нѣ овіємъ путемъ на коичу за довієнь ¹⁾, свакога увѣ- ромамъ, да одъ све лафе Московске, како се говори ни- шта никучъ ²⁾ достега нієсамъ, но ето е сва уготову ³⁾ и на гомилу ⁴⁾ и да е она одъ Цара мени на образъ и на расположение по моіємъ молбама доша, а на ползу све- га народа Сербскога, него да те новце ни я безъ велике време и найвие нужде не трошимъ, како и нієсамъ никучъ ни динара, до што самъ на кулукъ доклега опе- та силни и безумни люди не развергоше, за кое я чистъ остаємъ безъ предъ людьми и предъ Богомъ. Паксамъ я и за теновце Нашему Цару и покровителю писао, да учини онъ за те нѣгове аспре ⁵⁾ какву хоче наредбу и одговорію ми е да че своего официала овамо послати, коиче и те аспре примити и харчити на судъ, коиче онъ поставити у нашу землю и моя е найвеча рана на серд- цу, кою чу и у гробъ поніоти, што и то іошъ недоче- кахъ за моего живота, како е мо сви случели видѣти. Ако би и тако нашао у Народу нашему да непрійми ове мое потонѣ рієчи и препоруке за истините, али ако не бы све тако послушао, како ова кнѣига изговара, не- го бы какву смутно и раздоръ мечу народнымъ усудио и чинити словомъ или дѣломъ, тога свакога, ко бы гочъ онъ біо мірскій или духовный, я на смертный

¹⁾ Довлєньє — *excogitatio*.

²⁾ Никогда

³⁾ Готовина, *pecunia numerata*, опредѣленные издержки.

⁴⁾ Гомила, *simulus*, общество.

⁵⁾ Деньги.

часть мой вѣчному проклетству и анафими предаемъ, како нега, тако и неговъ родъ и породъ, да му се и трагъ и дѣмъ ископа и утре! Што тако да Богъ даде и оное, кои бы Васъ отъ вѣрности къ благочестивой и Христіюлюбивой Руссіи отличити поискао и свакоему, якобы се кои изъ Васъ Црногорцовъ или Брчанахъ нашао да помысли отступити одъ покровительства и надина единородну и единовѣрна наша Руссію, да Богъ да якій те одъ нѣга живота мѣсо одпадало и свако добро времените и вѣчно отступило.

Свіема пакъ добріема, вѣрніема и кои гочъ ово мое потонѣ писмо послушао а саверше да буде найусердніе мое отеческое и Архипастырское благословеніе отъ рода въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Владыка Петръ.

На Цетинѣ 18 Октября 1830 годишта Повелѣніемъ Его Высокопреосвященства Господина Митрополита Черногорскаго Петра Петровича предъ смертію его написалъ Секретарь Симеонъ Милутиновичъ.

50'

16° Нарисъ. Востокъ.

10'

20'

30'

40'

50'

17°

ГЕРЦЕГОВИНА

БОСНІЯ

Клоукуъ

Никашичи

VII

VIII

ПЕШИВЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

VIII

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

БЕЛЛАВЛЧИ

КАРТА ЧЕРНОГОРИИ

(ЦРНА ГОРА, КАРА ДАГЪ,

Monte negro)

- I. Навія Намунская. V. Берда: Навія Биланавичи.
 II. Черницкая. VI. _____ Пандры.
 III. Ровкая. VII. _____ Морара.
 IV. Ашанская. VIII. _____ Туга.

50'

16° Нарисъ. Востокъ.

10'

20'

30'

40'

50'

17°

2007056694